

АРМЕН БУДАГЯН

ЗАВЕН ВАРТАНЯН

АРМЕН БУДАГЯН

ЗАВЕН ВАРТАНЯН

Ереван
Крунк тпагратун
2013

УДК 78
ББК 85.31
Б 903

Спонсор издания –
Карине Завеновна Вартанян

*Автор выражает благодарность преподавателю
Ереванской консерватории Марине Мависакалян
за помощь в подготовке настоящей книги к печати.*

Б 903 Будагян Армен
Завен Вартанян / Армен Будагян.- Ер.: Крунк тпагратун,
2013.- 228 стр., 48 стр. - вклейка.

Книга посвящена видному организатору музыкально-общественной жизни Армении и России 1930 – 1970-х годов, музыковеду и публицисту, талантливому исполнителю-кларнетисту, Заслуженному артисту Армении Завену Гевондовичу Вартаняну. Занимая ответственные посты в правительственных структурах, он инициативно, творчески способствовал развитию отечественной музыкальной культуры.

УДК 78
ББК 85.31

ISBN 978-9939-844-13-8

© Будагян Армен , 2013
© ООО "Крунк тпагратун", 2013

От автора

Об организаторах музыкальной жизни пишут редко. Считается, что руководить может каждый.

Между тем, деятельность организатора — это призвание. Это своеобразный талант. Это гражданственность позиции и широкий кругозор. Это стремление изменить жизнь к лучшему.

Организатор подобен режиссеру: он отвечает за выбор произведения, за его целостную концепцию и детали воплощения. Он должен знать свою аудиторию и своих исполнителей и уметь увлечь их своими идеями.

Подобно режиссеру, он остается за кулисами: аплодисменты достаются не ему. Но он ответствен за все.

Завен Гевондович Вартанян был организатором по призванию. Он был также талантливым исполнителем-кларнетистом, педагогом, публицистом, драматургом.

Способность держать в поле зрения огромные пласты культурной жизни, лично вникать во все вопросы, умение выделить проблему и нести персональную ответственность за порученное дело были в высокой степени свойственны Завену Вартаняну и определяли его личность музыкального руководителя, деятеля, гражданина.

Он страстно отстаивал свои убеждения и проявлял поразительную настойчивость и последовательность в их претворении в жизнь.

Завен Вартанян жил и работал в условиях общественно-политической системы своего времени, системы, имевшей свои неоднозначно воспринимаемые установки и предъявлявшей свои далеко идущие требования.

Вартанян был востребован этой системой, но не стал ее рабом. Многое, созданное в те годы его творческой активностью, инициативой и энергией, сегодня проросло в традицию.

Завен Вартанян руководствовался своими принципами и чутьем музыканта-гражданина. В обход известных схем и догм он умело использовал любые преимущества тогдашнего общественного устройства, ставя их на службу развития отечественной культуры и ликвидации "железного занавеса".

Раздел первый

Вехи творческого пути

Глава первая

Детство. Годы учебы в Ереване и Ленинграде

Завен Гевондович Вартанян родился 8(21) января 1907 года в селе Гадживар, близ Нахичевана, Эриванской губернии. "Родители мои занимались земледелием. Старший брат, слесарь, работал в Нахичеване. Доходы из этих двух источников, в основном, обеспечивали материальные нужды нашей семьи", – пишет в своей Автобиографии¹ Завен Вартанян.

В безмятежное детство вторглись кровавые события геноцида. 11-летнему ребенку пришлось сполна испытать горькую чашу лишений и потерь.

"В 1918 году, при наступлении турецких войск на Армению, мы вынуждены были бежать из Нахичевана. В том же году вся моя семья, вследствие голода и эпидемических заболеваний, вымерла. В 11-летнем возрасте я остался сиротой". (1)

Судьба, казалось, была особенно безжалостна к ребенку. На войне погиб старший брат Абрам. В Дилижане, где семья беженцев оказалась на пути в Тифлис, умер другой старший брат – Татевос. Четыре дня спустя, в деревне Сырны, скончался обессиленный, больной отец – глава семьи Гевонд. В Ереване, куда чудом добрались уцелевшие члены семьи Вартанянов, от желтухи скончался третий брат – Баграт (матери и маленькому Завену пришлось своими руками рыть ему могилу). Наконец, в Арташате, сломленная болезнями, голо-

¹ Содержащие ценнейший познавательный материал, рукописи З.Г.Вартаняна – автобиография, эссе, воспоминания – хранятся в его фонде в МЛИ им.Чаренца Министерства культуры Армении. Большинство этих текстов приводится в разделе "Литературные страницы" настоящего издания. При цитировании источник обозначается цифрами в скобках, курсивом; соответственно: (1) – Автобиография; (2) – "Университеты жизни"; (3) – "Монолог с матерью"; (4) – "Григорий Артемьевич Арутюнян" [А.Б.].

дом и бесчеловечной несправедливостью, умерла мать Завена — единственная надежда ребенка.

“Помнишь ли ты, мама, нашу беседу в эту последнюю ночь, твои тревоги обо мне: куда я денусь после твоей кончины? Я всячески успокаивал тебя, говоря о том, что ты поправишься, и мы с тобой еще проживем...”

В ту ночь я тебе обещал, поклялся выжить, вырасти, стать человеком!

Легко обещать, труднее одному, 11-летнему мальчику, выжить. И это во время, когда смерть повсеместно косила тысячи несчастных, больных и голодных сирот”. (3)

Эти строки, обращенные к матери, Завен Вартанян напишет 60 лет спустя, незадолго до своей кончины, “сам стоя у края обрыва бесконечного пути”. Этот удивительный по своей беспощадной правдивости документ — “Монолог с матерью” — своего рода исповедь, позволяющая глубоко заглянуть в душу человека, прожившего большую, многотрудную жизнь и сохранившего нежную любовь к матери и боль огромного горя, на всю жизнь запавшую в сердце и скрываемую от окружения.

“В 1918-20 годах я, беспризорник, бесцельно мотался по улицам Еревана. В 1920-23 годах находился в приюте, который содержали американцы. В этом приюте я вступил в бойскаутскую организацию (наш приют был бойскаутским, и это было обязательным для всех его воспитанников)”. (1)

Годы лишений, беспризорничества стали для Завена своеобразной горькой и суровой школой жизни. В этой беспощадной (несомненно, в чем-то также криминальной) среде, в познании оборотной стороны жизни, в борьбе за выживание формировались *черты характера* подростка: раннее мужание, стойкость, самостоятельность, ответственность за свои действия, способность принимать диктуемые обстановкой решения.

В американский приют, бывший в тот период для Завена подлинным спасением, 13-летний мальчик пришел с уже во многом сложившимися взглядами, со *своим отношением к жизни*, к чему-то подходившим критически, что-то отрицавшим.

Скаутизм, о котором пишет Вартанян, несомненно, должен был способствовать выработке в нем трудовых навыков, умения преодо-

левать трудности. Вместе с тем, чрезмерности скаутизма в плане требований к беспрекословному повиновению и жесткой дисциплины не могли не вызвать в воспитанниках приюта негативную реакцию. "В 1923 году, в качестве протеста, я с большой группой воспитанников покинул этот приют", – пишет Вартанян. Отметим: в тот год ему исполнилось 16, – время принятия самостоятельных решений, обретения свободы действий и вхождения в большую жизнь...

"В том же 1923 году я вступил в Красную Армию в качестве добровольца в музыкантскую команду (музыкой стал заниматься еще в приюте). В Красной Армии (в различных частях) я состоял без перерыва четыре с половиной года (апрель 1923 – сентябрь 1927)". (1)

В автобиографических заметках Вартанян неоднократно упоминает имя Вильгельма Августовича Шперлинга – капельмейстера музыкантской команды караульного батальона ереванского гарнизона. Немец по происхождению, Шперлинг личность по-своему легендарная, хорошо известная всем, кто интересуется музыкальной культурой Армении 1910-20-х годов.

Человек разносторонних интересов, В.А.Шперлинг, по имеющимся данным, окончил Лейпцигскую консерваторию и после работы во многих городах очутился в Тбилиси, откуда и был приглашен в Ереван. Практически, умея играть на всех составляющих духовой оркестр инструментах, он внес неоценимый вклад в дело организации в Ереванской консерватории отделения духовых инструментов и на первых порах являлся преподавателем всех входивших в это отделение инструментов.

Будучи руководителем не только военного оркестра, но и духового оркестра Ереванской мужской гимназии и оркестра американского приюта, Шперлинг прекрасно знал кадры духовиков, уже в какой-то степени владеющих своими инструментами, и активно способствовал их привлечению в консерваторию для дальнейшей учебы.

В числе таких студентов – бывших красноармейцев – оказался и 20-летний Завен. За плечами у него был четырехлетний опыт работы в военном оркестре, знание соответствующего духового репертуара, включавшего не только марши, но и переложения для оркестра популярных мелодий, танцев и т.д. (напомним, что помимо исполнения непосредственных служебных обязанностей, полковой оркестр выступал также в парках Еревана и на различных гражданских церемониях).

Сохранилась фотография духового оркестра с капельмейстером Шперлингом в центре (одна из немногих дошедших до нас его фотографий). Участники оркестра – в военной форме единого образца. В первом ряду третий слева – Завен Вартанян, совсем еще юный, с кларнетом в руках. На другой групповой фотографии Завен, вновь с кларнетом, запечатлен в составе уже другого – также военного – оркестра (полулежит справа)¹.

Заметим попутно, что завоевавший популярность фильм “Парни музкоманды”² прототипом своего коллективного героя имеет упомянутый выше военный духовой оркестр под руководством Шперлинга. События, представленные в фильме, переданы в свободной интерпретации, а сам капельмейстер Шперлинг (артист А.Котилян) предстает в сильно окарикатуренном виде, не имея ничего общего (как в плане внешнем, так и внутреннем) с подлинным Шперлингом. Однако, один из образов – любимца оркестра, сына полка Чучо (в переводе – “птенчик”, “малыш”) – очень близок образу Завенчика (как любовно звали его участники оркестра).

Ереванская консерватория стала первым звеном систематического музыкального образования Завена.

Ректор консерватории (1926-1930) Анушаван Тер-Гевондян сделал важный шаг в деле укрепления оркестрового отделения консерватории новыми педагогическими кадрами. В числе приглашенных им из Тбилиси преподавателей был и кларнетист Степан Моисеевич Довгань³, ставший теперь уже вторым – после В.А.Шперлинга – учителем недавнего красноармейца.

¹ Обе фотографии приведены на стр. 3 и 4 фотоблока настоящего издания.

² Производство Арменфильм, 1960. Автор сценария М.Шатирян, режиссеры-постановщики Г.Малян, Г.Маркарян.

³ С.М.Довгань родился в 1887г. в деревне Оганесовка Одесской губернии. В 1908г. окончил Кишиневское музыкальное училище, в 1915г. – Варшавскую консерваторию. С 1916г. играл в оркестрах Варшавы, Киева, Одессы, Тбилиси и Баку. В 1926 году возглавил класс кларнета Ереванской консерватории, в 1932-57гг. параллельно являлся солистом оркестра Ереванского оперного театра. Педагогическая работа С.Довганя продолжалась почти 40 лет. Он воспитал много отличных музыкантов. Удостоен званий доцента, Заслуженного артиста РА (1946г.) и Заслуженного деятеля искусств РА (1964г.). С.Довгань скончался в 1968г. в Ереване.

Смышленный, трудолюбивый Завен сразу оказался востребован: участвовал в показательном концерте консерватории и в отчетном вечере класса камерного ансамбля, главное же, был зачислен в консерваторский симфонический оркестр, где занял место рядом со своим преподавателем (в те годы педагоги консерватории возглавляли соответствующие группы студенческого оркестра).

Еще до поступления в Ереванскую консерваторию, 26 марта 1927 года, Завен Вартанян стал свидетелем значительного события в музыкальной жизни республики: исполнения расширенным составом симфонического оркестра консерватории Третьей ("Героической") симфонии Бетховена (дирижировал А.А.Спендиаров). Исполнение было приурочено к 100-летию со дня смерти великого композитора. Впечатления от концерта не изгладились из памяти З.Вартаняна до конца жизни. Теперь же, в составе симфонического оркестра Ереванской консерватории, ему посчастливилось участвовать в авторских вечерах А.А.Спендиарова и А.Г.Тер-Гевондяна.

Запомнился первый с его участием концерт-спектакль только что основанной оперной студии консерватории (дирижировал С.Г.Чарекян). Были исполнены сцены из опер "Фауст", "Риголетто" и "Аида". Концерт-спектакль имел большой успех.

В летние месяцы Завен с товарищами выезжал в районы Армении (основной целью поездок была организация любительских хоров на местах).

Два года, проведенные в техникуме при Ереванской консерватории, несомненно, многому научили Завена как в собственно исполнительском плане, так и в смысле приобщения к профессиональной музыкальной культуре и расширения общего кругозора. Бывший беспризорник отдавался учебе самозабвенно, стараясь восполнить упущенное в отроческом возрасте.

"В 1929 году совместным решением Центрального Комитета комсомола Армении и Наркомпроса республики я был направлен в Ленинград для продолжения учебы. Однако, за отсутствием среднего

общего образования, в Ленинградскую консерваторию меня не приняли. Я вынужден был два года учиться на рабфаке при этой консерватории". (1)

В 1931 году, окончив рабфак по общеобразовательному и специальному циклу, Завен становится студентом Ленинградской консерватории, где совмещает учебу на двух факультетах: историко-теоретическом (класс Романа Ильича Грубера) и оркестровом (класс кларнета Анатолия Васильевича Березина).

Направление Завена на учебу в Ленинград — один из показательных примеров крепнувших связей между консерваториями Еревана и Ленинграда. Об этом хорошо пишет музыковед М.Берко: "Первые успехи, первые радости — результат труда, горения, исключительно горячей поддержки со стороны общественности Армении, вдохновляли консерваторцев на поиски новых путей к совершенствованию. Один из плодотворных путей к этому шел через укрепление связей со столичными консерваториями. Особенно тесными были контакты Ереванской консерватории с Ленинградской.

Впервые группа ереванцев отправилась в Ленинград в конце 20-х годов. Среди них — студенты Татул Алтунян, Завен Вартанян, Константин Мелик-Вртанесян, Сергей Шатирян, преподаватель Сурен Чаремян.

Все они затем вернулись в Ереван и включились в дело дальнейшего развития музыкальной жизни республики¹.

Если для большинства членов вышеназванной группы учеба в Ленинграде заняла положенные пять лет, то для Завена Вартаняна, включая 2-годичный рабфак, период учебы растянулся на целых семь лет. Можно не сомневаться, что годы эти не прошли для него впустую. Он жадно впитывал все, что могла дать ему замечательная музыкальная культура Ленинграда и сам этот город — с его неповторимой архитектурой, парками, дворцами, музеями, картинными галереями и т.д.

Напомним, что Ленинградская консерватория в эти годы была подвержена тем же трудностям переходного периода, что и другие вузы страны. Взглянем на это глазами историка:

"1. Реформа консерватории осуществляется в плане типизации музыкальной школы с тем, что консерватория объединяет собою все

¹ М.Берко. Консерватория имени Комитаса. Е., 1973, стр.41-42.

три ступени профессионального образования (школу I ступени, техникум и вуз) и может включать в себя также музыкально-подготовительную школу и музыкальный рабфак.

2. Консерватория должна стоять на уровне:

- а) современного развития мирового музыкального искусства;
- б) современной европейской науки о музыке;
- в) современных музыкально-педагогических систем и методов¹.

Годы обучения Завена Вартадяна в Ленинграде совпали с существенными переменами в составе руководства Ленинградской консерватории. В 1929 году пост ректора покинул А.К.Глазунов. Ушел с поста проректора по учебной части А.В.Оссовский. В начале 1930 года ректором стал А.И.Маширов, осуществивший ряд нововведений в духе времени.

"Из достижений периода директорства А.И.Маширова следует отметить организацию в 1934 году рабочего музыкального университета, открывшего цикл популярных концертов-лекций, пользовавшихся большим вниманием и любовью рабочих слушателей", — продолжает Ю.Кремлев². Энергичный, активный по натуре, Завен был неизменным участником этих концертов. Оттачивалось исполнительское мастерство, вырабатывалась сценическая выдержка, накапливался репертуар.

В годы учебы в Ленинграде определились *три ипостаси* творческой личности З.Г.Вартадяна.

Первая из них связана с его деятельностью кларнетиста³. Достижения его в этой области могут быть названы более чем успешными. Профессор А.В.Березин причисляет его к ряду лучших своих учеников. Его игру в студенческом оркестре выделяет известный дирижер С.А.Самосуд.

На Втором всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей (1935г.) Завен, завоевав 3-ю премию, входит в пятерку лучших молодых кларнетистов Советского Союза. В прессе появляется

¹ Ю.Кремлев. Ленинградская гос.консерватория. 1862-1937. М., 1938, стр.105-106.

² Там же, стр.141.

³ Об этом подробнее см. в разделе "Путь кларнетиста" настоящей работы.

интервью З.Вартаняна, в котором он называет конкурс "триумфом советской музыкальной культуры".

Вторая ипостась Завена связана с историко-теоретическим факультетом Ленинградской консерватории, где ему посчастливилось заниматься под руководством крупнейшего ученого, воспитанника и последователя Б.В.Асафьева — Романа Ильича Грубера¹.

В классе Грубера Вартанян имел прекрасную возможность приобщиться к лучшим традициям *асафьевской школы*. Роман Ильич стремился привить своим ученикам широту кругозора, историчность подхода, концепционность, критичность в оценке явлений. Многие из этих качеств впоследствии проявились в музыковедческой (и не только!) деятельности Вартаняна.

О мотивах, побудивших Завена к избранию параллельной — музыковедческой — специальности, можно только догадываться. Позволим себе высказать предположение, что его привлекала возможность расширения круга своих музыкально-исторических и теоретических представлений (в этой области у него прежде не было базового образования). Возможно, в деятельности музыковеда он чувствовал перспективу *разностороннего приложения* своих неистраченных сил. Ему хотелось устно и письменно отстаивать свои взгляды, утверждать кажущиеся такими привлекательными новые идеи, использовать формы и средства массовой пропаганды музыки (в этом он уже тогда видел свое призвание)...

Так или иначе, пройдя полный курс музыковедческих дисциплин, Вартанян с отличием окончил Ленинградскую консерваторию также по второй своей специальности. Занимавшиеся у него впоследствии студенты отмечали широту его кругозора, общую музыковедческую эрудицию, владение методикой преподавания. Все это было признаком *школы*.

¹ Р.И.Грубер (1895, Киев — 1962, Москва). В 1922г. окончил факультет истории музыки Российского института истории искусств, где занимался у Б.В.Асафьева, А.В.Преображенского и М.О.Штейнберга. С 1931г. преподавал в Ленинградской консерватории (с 1935 профессор, с 1936 заведующий кафедрой всеобщей истории музыки), в 1941-62 — в Московской консерватории (с 1943 заведующий кафедрой всеобщей истории музыки). Учениками Грубера явились многие советские музыковеды.

Третья ипостась Завена стала, быть может, самой показательной в перспективе его дальнейшей деятельности: сквозь толщу напряженных занятий на двух факультетах пробивается его *талант организатора* и способность действовать *одновременно на нескольких фронтах*.

Юношу из Армении можно смело назвать *лидером общественной жизни Ленинградской консерватории* тех лет. Вновь обратимся к его Автобиографии [курсив везде наш — А.Б.].

“В консерватории, в течение всех 7-и лет я вел большую общественную работу:

председатель депутатской группы консерватории;

председатель студенческой учебно-бытовой коммуны;

в течение ряда лет — член комитета комсомола.

В 1930-1932 был членом *Ленинградской организации бывшего РАПМа*, после ликвидации которого принимал активное участие в работе *Союза композиторов* (молодежная секция)”. (1)

Можно только частично представить себе комплекс проблем, с которыми сталкивался участник общественной жизни тех лет. Объективный подход с позиций сегодняшнего дня позволяет утверждать, что деятельность большого числа организаций, как РАПМ, АСМ, Проколл, ОРКИМД, Пролеткульт и т.д., была не чем иным, как проявление столь важного плюрализма мнений, как поиск оптимальных путей развития искусства и решения грандиозной, до того невиданной, задачи, стоявшей перед новым обществом,— пробуждения народных масс в условиях все более усиливающейся идеологизации всех сторон общественной жизни.

Одним из здоровых и действенных направлений в программе РАПМа была нацеленность на пропаганду музыкального наследия среди широких масс трудящихся. Можно предположить, что именно эта программа оказалась наиболее близка представлениям и искренним убеждениям Завена Вартамяна. Идея *организации музыкальной жизни и воспитания слушателя нового типа* стала словно путеводной в его последующей деятельности.

Несомненно, это полностью соответствовало темпераменту Завена, его быющей через край энергии, его чисто человеческой контактности и открытости своему окружению. Кажется, к нему обра-

щены слова известного музыковеда, в свое время одного из главных идеологов РАПМа Ю.В.Келдыша: "Руководящую роль в РАПМ играла молодежь, смело, решительно и категорично ставившая коренные вопросы развития музыкального искусства в СССР. Эта молодая горячность тона, боевой темперамент и искренняя убежденность привлекали к РАПМ и некоторых видных музыкальных деятелей старшего поколения"¹.

В качестве лидера студенчества консерватории Завен Вартанян активно борется за улучшение бытовых условий своих неимущих соучеников, принимает участие в обсуждениях, которыми столь богата была общественная жизнь консерватории. Коллектив ее бурлил: в центре внимания были известные постановления ЦК ВКП(б), статья "Правды" "Сумбур вместо музыки" и другие нашумевшие материалы. В ленинградской молодежной газете "Смена" появляется серия "разгромных" статей о недостатках культурно-просветительской работы в фойе ленинградских кинотеатров. Коллективным автором серии выступает "Бригада "Смены" (комсомольцы-историки, студенты консерватории Н.Борецкая, Х.Клибанова, З.Вартанян, Н.Шастин)".

Примеры такого плана легко умножить.

В Ленинграде сложились теплые товарищеские отношения Завена со студентами-армянами. Все они в дальнейшем стали видными деятелями армянской культуры. Своих соотечественников опекал профессор Христофор Степанович Кушнарев, сыгравший незабываемую роль в установлении творческих связей между консерваториями Ленинграда и Еревана.

В Ленинграде Завен постоянно чувствовал себя *представителем Армении* (к чести Ленинградской консерватории, ее воспитанник З.Вартанян на упомянутом выше Всесоюзном конкурсе выступал "от Армении").

"Состоя в Ленинграде членом РАПМа, я принимал активное участие в организации армянского отделения этой ассоциации", — пишет Завен в Автобиографии. Привлекает внимание, что организатором армянского отделения РАПМа выступил юноша, в то время студент 1-го курса консерватории. Его соратником и, одновременно,

¹История музыки народов СССР, т.1, М., 1970, стр.135.

ответственным секретарем Ассоциации пролетарских музыкантов Армении (АПМА) явился будущий известный деятель культуры Самсон Гаспарович Гаспарян. В журнале "За пролетарскую музыку" (1932, N1 и N4-5) были опубликованы программные статьи З.Вартаняна и С.Гаспаряна. Нелишне отметить, что на всесоюзном координационном совещании РАПМа были представлены всего четыре республики (Россия, Украина, Грузия и Армения).

В те же годы, в летние месяцы, Завен Вартанян и Самсон Гаспарян организовывали в парках Еревана "Летние симфонические сезоны" при участии оркестра Ереванской консерватории с многочисленными приглашенными музыкантами из Ленинграда. В одном из подобных "сезонов", по инициативе Завена Вартаняна, принял участие легендарный концертмейстер Государственного симфонического оркестра Союза ССР П.А.Сергеев (по национальности армянин).

Будучи студентом 3-го курса, З.Вартанян публикует в ереванской газете "Коммунист" (29.11.1934) обобщающую статью "Музыкальный фронт Армении". Она во многом показательна для Вартаняна: здесь дается обзор лучших произведений армянских композиторов последних лет, делается попытка обобщения, содержится ряд критических замечаний. "Нужно помнить, что только на базе одной нашей культуры, без участия культур других народностей Советского Союза невозможно создание советской музыки", — пишет автор, призывая к "решению проблем наследия прошлого, обеспечению быстрейшего и невиданного в истории человечества роста советской музыкальной культуры как мощного орудия в руках нашей партии в деле воспитания и перевоспитания миллионных масс в духе ленинско-сталинского интернационализма".

На отлично завершив обучение на двух факультетах, Завен Вартанян в 1936 году, по направлению Всесоюзного комитета по делам искусств, возвратился в Армению. Начался новый ответственный период его деятельности.

Важная перемена произошла и в личной жизни Завена. Он женился на ленинградке, своей однокурснице, пианистке и музыковедке Ираиде Константиновне Москалевой, ставшей преданным другом его жизни. В детстве лишенный семейной ласки и домашнего уюта, Завен стал образцовым отцом семейства.

Глава вторая

Руководитель музыкального фронта Армении

В Автобиографии Завен Вартамян представляет занимаемые им в Армении должности следующим образом:

- 1936-1948гг. - доцент Ереванской консерватории
- Одновременно:
- 1937-1938гг. - заведующий музыкальным отделом Управления по делам искусств Армении
- 1938-1941гг. - директор Армянской государственной филармонии
- 1940-1942гг. - /одновременно/ заместитель начальника Управления по делам искусств Армении
- 1942-1947гг. - начальник Управления по делам искусств Армении
- 1947-1948гг. - заведующий сектором искусств ЦК КП Армении

Первой в этом перечне названа педагогическая работа. Однако, как это нередко бывает в подобных случаях, преподавание незаметно отодвигалось на второй план, уступая место работе организатора музыкальной жизни.

Возвратившийся из Ленинграда молодой специалист оказался в Армении активно и разносторонне востребован. Первые же шаги Вартамяна на новом поприще показали, что сделанная на него ставка полностью себя оправдала.

Решение руководства республики приветствовал в письме (22.08.1937) к З.Вартамяну профессор Х.С.Кушнарев.

“О предложении, сделанном Вам со стороны Управления по делам искусств нам было известно еще весной, и все мы считали Вашу кандидатуру весьма подходящей и желали, чтобы Вы не отказывались от предложенной Вам работы. Действительно, при том количестве старых счётов и столкновений, которые наблюдаются в среде наших работников искусств, только новое и при том трезвое лицо способно найти правильную линию поведения. Для этого у Вас есть все данные как в отношении художественно-политической подготовки, так и в отношении Ваших личных свойств”.

Занимаемые З.Вартамяном должности подразумевали, что ни одна мало-мальски значительная акция в музыкальной жизни Армении не могла осуществиться без его ведома. Этого требовала нарож-

дающаяся, с каждым днем все больше дающая о себе знать система *централизованного управления* всей общественной жизнью страны.

Обращаясь к культуре Армении второй половины 30-х – первой половины 40-х годов, невольно отмечаешь *событийность* многих ее проявлений. Это были своеобразные вершины, доминирующие над окружающим пространством. Очень скоро становилось очевидным, что это были общественно-художественные акции, хорошо продуманные, прекрасно организованные и имеющие – как сейчас можно утверждать – дальнобойное значение.

Активнейшим участником всех этих акций, а в большинстве случаев их инициатором и непосредственным организатором являлся сам Завен Вартанян.

Справедливость требует признать, что практически вся музыкальная жизнь Армении протекала в те годы при его заинтересованном, горячем участии. Бурная фантазия диктовала ему все новые, смелые проекты, а трезвая оценка ситуации, последовательность и требовательность позволяли воплощать задуманное в жизнь.

Канва деятельности З.Вартаняна в эти годы накрепко вплелась в процесс развития музыкальной жизни Армении и стала неотделима от нее.

Активного и инициативного молодого музыканта вскоре приметил Первый секретарь ЦК Компартии Армении Григорий Артемьевич Арутюнян, заступивший на этот пост в 1937 году. Заметил, и лично выдвинул его на руководящую работу, постепенно поручая ему все новые, более высокие и ответственные должности.

Можно утверждать, что Г.А.Арутюнян сыграл в жизни Завена Вартаняна выдающуюся роль, оказал влияние на его личность, на стиль и методы его работы. Не будь Арутюняна, Завен Вартанян не сумел бы в полную меру раскрыть свое незаурядное дарование организатора и руководителя.

В своих интереснейших воспоминаниях о Г.А.Арутюняне (первые публикуемых в настоящем издании) Вартанян дает ему однозначно высокую характеристику как мудрому, высококультурному руководителю Армении предвоенного, военного и послевоенного периодов. Эти воспоминания позволяют по-новому взглянуть на революционный, “взрывной” характер ряда художественных акций тех лет, а также на особенности каждодневной текущей работы, ведущейся

под непосредственным наблюдением Г.А.Арутюняна. К воспоминаниям З.Вартаняна мы будем обращаться неоднократно.

“Первая наша встреча состоялась осенью 1937 года в его кабинете в ЦК. Кроме меня, были приглашены работники, непосредственно связанные с практикой музыкальных учреждений республики. Никто из нас не мог предположить, о чем будет разговор. Однако, после первых же слов Григория Артемьевича стало ясно, что речь пойдет о серьезной перестройке работы Армянской филармонии. Обратившись ко мне, Григорий Артемьевич сказал: “Попросим выступить товарища Вартаняна. Он хорошо знает культуру Ленинграда, знает, в частности, работу Ленинградской филармонии и мог бы сопоставить ее с нашей филармонией и внести свои предложения”.

Я коротко рассказал, как я себе представляю деятельность филармонии, чем она должна заниматься изо дня в день, каковы ее художественные задачи. Сказал, что зал нашей филармонии большей частью пустует. Недопустимо, что мы не имеем филармонического симфонического оркестра и хора, камерных коллективов и народных ансамблей, которые могли бы не только обеспечить программы филармонических вечеров, но и создать объективные возможности для более широкого развития армянской советской музыки.

Вслед за мной с критическими замечаниями выступили и другие товарищи, которые частично подтвердили сказанное мною и присоединили свои предложения.

Слова попросил тогдашний директор Армянской филармонии О.Апетян (он не был музыкантом; в каком-то институте преподавал политическую экономию). Обращаясь к Григорию Артемьевичу, он обещал значительно улучшить деятельность нашей филармонии и своим трудом доказать, что он не совсем еще потерянный человек.

Улыбнувшись, Григорий Артемьевич сказал: “Нет, Апетян, ты занимался политэкономией и продолжай заниматься ею. В филармонии тебе делать нечего. Это не твоя профессия, на тебя влияют разные люди, которые вертят тобою как хотят. А нам нужна настоящая филармония”. И тут Г.А.Арутюнян впервые раскрыл перед присутствующими широко задуманный план проведения в 1939 году в Москве Декады армянского искусства и литературы. Основную программу Декады должны были подготовить оперный театр и филармония, которая представила бы свои большие, интересные коллективы.

“Может ли нынешний директор филармонии справиться с такой задачей? — продолжал Арутюнян. — Я думаю, было бы правильно назначить на этот пост Завена Вартаняна. Он профессиональный музыкант, многое видел, много знает. Это мы почувствовали сегодня в его интересных критических замечаниях. Уверен, он хоть и молод, но с этой задачей справится. Конечно, не без нашей активной помощи”. (4)

День назначения Завена Вартаняна на пост директора Армфилармонии был знаменателен еще и тем, что на упомянутом совещании впервые была изложена концепция Декады армянского искусства и литературы в Москве. Причем характерно, что инициатором Декады выступил лично Григорий Артемьевич Арутюнян, Первый секретарь ЦК Компартии Армении. Он был одним из немногих руководителей республики, который успевал непосредственно заниматься вопросами культуры и искусства. Человек широкого кругозора, он сразу по приезде в Армению выдвинул во главу угла две идеи: празднование 1000-летия эпоса “Давид Сасунский” и проведение Декады в Москве. Оба эти фундаментальные мероприятия, по замыслу Г.А.Арутюняна, должны были способствовать консолидации всех творческих сил республики, до того времени во многом разрозненных вследствие трагических событий в жизни армянского народа.

Главными действующими силами Декады должны были выступить Армфилармония и Ереванский оперный театр, к тому времени уже основательно вставший на ноги и имевший свой достаточно богатый и разнообразный репертуар (театром руководил великолепный организатор, режиссер Георгий (Кимик) Ованесян). Иным было состояние дел в Армянской филармонии, в то время насчитывающей единичные исполнительские коллективы и практически не имевшей своего творческого лица.

Завен Вартанян в своей новой должности приступил к энергичной работе. Времени до начала Декады оставалось совсем не много.

Первым коллективом, созданным по инициативе Завена Вартаняна, стал Ансамбль армянской народной песни-пляски. Художественным руководителем был приглашен прошедший ленинградскую школу талантливейший хормейстер и композитор Татул Алтунян (он же возглавил только что организованную Государственную хоровую капеллу Армении). Нужно было прослушать сотни участников художественной самодеятельности, отобрать лучших из них, определить

состав исполнительских групп (солисты, хор, оркестр народных инструментов, танцевальная группа). Нужно было создать репертуар ансамбля, имеющий свое национальное лицо. Алтунян стал ездить по районам с целью собирания народных мелодий и лично делал обработки для своего ансамбля. Неожиданные сложности возникли при пошиве костюмов для ансамбля. Мастерские не были готовы к принятию заказов подобного рода и, по инициативе Завена Варта-няна, с согласия Г.А.Арутюняна, пошив костюмов был осуществлен в самом здании Армфилармонии (ныне зал им.Арно Бабаджаняна), где были организованы мастерские, работавшие в несколько смен.

В итоге, первые же концерты Ансамбля песни и пляски позволили заговорить о нем как о совершенно новом явлении в армянской музыке. Слава ансамбля росла с каждым днем.

Подобного рода проблемы возникали при организации и становлении других ансамблей народного и народно-профессионального профиля, как Ансамбль ашугской песни под руководством известного знатока и прекрасного исполнителя ашугских песен Шара Тальяна и Ансамбль народных инструментов Армянской филармонии под руководством композитора Гургена Мирзояна.

Смелым шагом явилась организация Джаза Армении под руководством замечательного композитора и талантливое виолончелиста Артемия Айвазяна. Проникновение джазовой музыки в СССР было связано с определенными трудностями идеологического порядка. Многие деятели культуры и политические руководители рассматривали джаз как пагубное воздействие буржуазной культуры, и Завену Вартаняну приходилось выдерживать немало атак.

Яркий по составу исполнителей и по исполнительской манере, выработавший оригинальный национальный репертуар, Джаз Арме-нии вскоре завоевал всесоюзную известность и по сей день вспоми-нается как неповторимое явление в армянской музыке.

Создавая эти коллективы, Завен Вартамян постоянно имел в виду перспективу их участия в Декаде армянского искусства и литературы в Москве. К этому были направлены усилия всех творческих работников Армении этих лет. Было в этой напряженной и вдохновенной работе нечто возвышенное, ренессансное. Подводился итог предыдущему этапу армянской культуры (велением исторических судеб рассредото-ченной и распыленной). Делалась попытка сплочения на единой

платформе, путем приглашения из братских республик, многих деятелей культуры (в основном, армянского происхождения) с целью пополнения исполнительских коллективов, выезжающих на Декаду.

Участие филармонических коллективов находилось полностью в ведении Завена Вартаняна. Трудно себе даже представить, сколько вопросов приходилось решать ему в этот период. "О подготовке к Декаде можно рассказывать без конца. Проблем тысячи, много людей, каждый со своими принципами, со своими индивидуальными чертами, каждый со своим подходом, но все они, в конечном счете, были направлены на то, чтобы Декада выглядела отлично.

Декада проходила на очень высоком уровне и с большим успехом. Однако хочется подчеркнуть, что с особым триумфом прошел Заключительный концерт Декады. Здесь будто все мобилизовали свои силы. В Большом театре царил атмосфера огромного накала, каждый номер принимался с успехом, продолжительными аплодисментами. Заключительный концерт явился органическим достойным продолжением и завершением всей Декады". (4)

Вспоминает участник Декады, скрипач, профессор К.С.Домбаев: "На основных спектаклях и Заключительном концерте в Большом театре присутствовали члены правительства во главе с И.Сталиным (сотрудники службы безопасности находились даже в оркестровой яме, выстроившись вдоль внутренней стороны барьера).

За Декадой последовали награждения. На приеме в Георгиевском зале Кремля по внутреннему радио объявлялись имена ее участников, удостоенных почетных званий, орденов и медалей. Из "неофициальных" событий запомнился открытый в ночное время специально для участников Декады столичный Центральный универмаг с большим выбором дефицитных товаров"¹.

Декада имела свое продолжение, о чем рассказывает Завен Вартанян: "Участники Декады уже собирались домой. На следующий день, где-то около шести часов вечера, меня позвали к Григорию Артемьевичу в гостиницу "Москва", где он остановился. Я вошел. У него сидели несколько товарищей и понемножку что-то пили, беседовали, шутили, радовались, настроение у всех было отличное. У

¹ А.Будагян. Карп Савельевич Домбаев. Е., 1996, стр.14.

Григория Артемьевича улыбочное лицо. Берет бутылку и наливает мне стакан какого-то питья. И говорит: "Ну, а теперь к себе, в свой филармонический штаб. Немедленно собирай коллективы. Сегодня в 21:00 вы уезжаете в Ленинград со всеми своими коллективами. Делается это по очень большой просьбе товарища Жданова. Они хотят, чтобы наши коллективы участвовали в концерте после торжественного заседания, посвященного годовщине Великой Октябрьской социалистической революции".

Я пришел в ужас, но, поблагодарив, ушел. Собрал своих товарищей, информировал их, и мы бросились собирать коллективы. В это время на Ленинградском вокзале уже шло формирование специального железнодорожного состава. Мы буквально сбились с ног, но к назначенному времени удалось собрать лишь половину коллективов. Чтобы не затягивать рассказ, скажу лишь, что время отправки поезда было перенесено на 24:00. Наконец, только в 4 часа утра состав тронулся с места. Много хлопот доставили мы тогда ленинградским товарищам. Трижды или четырежды приходили они встречать наш поезд, а артистов филармонии все нет. Подъезжая к Ленинграду, в вагон к нам вошли работники Ленинградского управления культуры и сказали, что просят прямо с поезда ехать в Кировский театр. Тогда я дал команду, чтобы все коллективы были переодеты в вагонах, и в костюмах мы направились в автобусах в Кировский театр. Успех был очень большой. На следующий день мы встречались с рабочими коллективами, с интеллигенцией, с сотрудниками научных учреждений, а затем направились домой.

Задержка на обратном пути состоялась при обстоятельствах, вовсе не запланированных. Произошло это, когда мы приближались к Баку. На вокзале г.Баку мне вручили указание руководства Армении задержаться в Баку на 7-8 дней и провести концерты для трудящихся. Железнодорожный состав загнали в тупик, закрыли вагоны, коллективы же разместили в гостиницах. Так в течение недели мы гостили в Баку, дали большое количество концертов и были приняты поистине по-братски. Азербайджанские товарищи не скрывали, что им есть чему поучиться на опыте Армении, особенно в организации и формировании художественно-творческих коллективов.

Завершив с очень большим успехом наше пребывание в Баку, мы прибыли в Ереван".

В последующее за Декадой время, в числе крупных инициатив Завена Вартаняна следует считать приглашение из Ленинграда в качестве руководителя хоровой капеллы Армении прекрасного хормейстера Арама Тер-Оганесяна, а также создание филармонического симфонического оркестра Армении под управлением К.С.Сараджева.

С приездом Арама Тер-Оганесяна деятельность хоровой капеллы Армении была поднята на совершенно новый уровень. Ярким явлением в концертной жизни Армении явились выступления под его управлением, в которых прозвучали опера "Иоланта" Чайковского, Девятая симфония Бетховена (впервые в Армении) и отрывки из мессы си минор Баха. Незабываемо было исполнение комитасовской программы и Реквиема Моцарта.

Начиная с первого этапа деятельности Ереванской консерватории ее студенческий симфонический оркестр являлся единственным профессиональным коллективом этого профиля в Армении. С организацией Ереванского оперного театра консерваторский симфонический оркестр полным составом вошел в оперный. Этот коллектив обслуживал и оперные спектакли, и собственно симфонические концерты. Идея создания *самостоятельного филармонического оркестра Армении* давно витала в воздухе. Но, по объективным причинам, лишь в 1941 году удалось организовать самостоятельный коллектив под руководством выдающегося дирижера К.С.Сараджева.

Первое выступление "сараджевского" оркестра произошло буквально накануне начала Великой Отечественной войны. С наступлением военных действий состав оркестра резко поредел. То же произошло с оркестром оперного театра. Решением руководства республики было признано необходимым объединение этих двух оркестров в один коллектив (т.н. "объединенный оркестр оперного театра и Армфилармонии"). Этому коллективу суждено было сыграть в военные годы ведущую роль в музыкальной жизни Армении.

Из многочисленных самостоятельных выступлений объединенного оркестра выделим исполнение талантливым дирижером М.А.Тавризианом Второй симфонии Арама Хачатуряна, "Фантастической сим-

фонии" Берлиоза и, особенно, Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича. По замыслу Завена Вартаняна, принимавшего самое непосредственное участие в деятельности объединенного оркестра, исполнение Седьмой симфонии должно было перерасти в крупную патриотическую акцию, в запоминающееся культурно-общественное событие. Из Тбилиси были приглашены находившиеся там в эвакуации крупнейшие деятели советского искусства (в их числе Н.Я.Мяковский, Ю.А.Шапорин, К.Н.Игумнов, П.Б.Рязанов, А.В.Гаук и большая группа видных грузинских музыкантов). Исполнение нашло горячий отклик в прессе и имело широчайший общественный резонанс. Выступление проходило в Ереванском оперном театре 11 и 12 июля 1942 года, а 14 июля было повторено специально для солдат и офицеров Красной Армии.

Великолепная организация исполнения Седьмой симфонии лишь одна из многих инициатив Завена Вартаняна в тяжелые военные годы. Эта широкомасштабная акция осталась в истории армянской музыки уникальной и непревзойденной.

Сразу по окончании Великой Отечественной войны появилась возможность восстановления самостоятельных функций оркестра Ереванского оперного театра и симфонического оркестра Армфилармонии. Для руководства филармоническим оркестром из Москвы был приглашен молодой, но уже имевший значительный опыт, дирижер Михаил Моисеевич Малунциан. О формировании "малунциановского" оркестра рассказывает тогдашний директор Армфилармонии Григорий Савельевич Домбаев: "К концу войны появилась возможность вновь организовать при филармонии симфонический оркестр, но возникли почти непреодолимые трудности в подыскании многих нужных музыкантов. И вот мы договорились с Константином Соломоновичем Сараджевым о рискованном эксперименте, за осуществление которого дружно взялись и филармония, и консерватория.

Подавляющее большинство оркестра составили студенты консерватории, которые должны были совмещать работу в оркестре с обучением в вузе. Были обсуждены и найдены методы формирования и воспитания оркестра. Расписание учебных занятий в консерватории было составлено с таким расчетом, чтобы студенты могли работать в оркестре без ущерба для учебных занятий и вместе с тем учиться в условиях полноценного производственного воспитания. Так, еще в

1945 году, была удачно найдена форма связи обучения с производством, которая тогда же была одобрена Комитетом по делам искусств при СНК СССР и рекомендована всем филармониям Советского Союза¹.

«Малунциановский» оркестр явился прочной основой, на которой и сегодня развивается деятельность Филармонического оркестра Армении.

Возвращаясь к тяжелейшим годам Великой Отечественной войны, подчеркнем, что музыкальная жизнь Армении в этот период не только не угасла, но, наоборот, вопреки сложностям, испытывала своеобразный подъем.

Новыми блистательными постановками радовал оперный театр, руководимый Михаилом Арсеньевичем Тавризианом. Достаточно вспомнить его новые спектакли: «Иван Сусанин», «Гугеноты», «Отелло». К композиторам Закавказья обратился театр в своих постановках «Кер-Оглы» и «Даиси» (дирижер Г.Е.Будагян). Сразу после войны состоялась премьера исторически первой армянской оперы «Аршак Второй» Т.Чухаджяна (дирижер М.А.Тавризиан). С блеском прошла премьера балета «Гаяне» (дирижер Р.Г.Степанян). По инициативе Завена Вартаняна творческая группа оперного театра осуществила постановку балета «Хандуг» на музыку А.А.Спендиарова (автор музыкальной композиции и дирижер Г.Е.Будагян). Опять же по заказу Завена Вартаняна Будагян начал работу над балетом «Саят-Нова». Вообще, Завен Вартанян широко использовал возможность заключения творческих договоров с композиторами Армении (эту возможность имело Управление по делам искусств при правительстве Армении). Об интенсивности переговоров З.Вартаняна с композиторами свидетельствует его обширная переписка (фрагменты ее приводятся в Восьмой главе настоящей работы).

В числе композиторов, с которыми вел переговоры З.Г.Вартанян, был и выдающийся деятель советской музыкальной культуры Николай Яковлевич Мясковский, находившийся в то время в эвакуации в Тбилиси. Сохранилось его письмо (07.08.1942) к З.Вартаняну, внося-

¹ Цит. по кн.: К.С.Сараджев. Статьи, воспоминания. М., 1962, стр.149-150.

щее важный штрих в картину многообразных связей Мясковского с армянской культурой: "От своей мысли я отказываться не намерен и надеюсь несколько погодя приняться за симфонию на армянском фольклоре. Единственное, о чем очень прошу, это чтобы мне по возможности предоставили материал — песенный и плясовой, и лучше всего в необработанном виде, но в наиболее полной записи. Мой собственный материал (сборник Комитаса), к сожалению, остался в Москве.

Буду надеяться, что мне все же удастся кое-что внести в сокровищницу армянской музыкальной культуры, хотя состязаться с такими мастерами и знатоками, как Аро Степанян и Арам Хачатурян, я не позволю себе и мечтать".

Почти для всех неожиданностью явилась организация в самый разгар войны в Ереване театра оперетты. Открытие его состоялось 22 июня 1942 года, ровно год спустя после начала Великой Отечественной войны. Организация подобного театра словно подтверждала растущий потенциал творческих сил Армении, говорила о том, что население республики, участвующее во всенародной войне, имеет право на отдых, на улыбку, на жизнерадостное увлекательное зрелище. Первоначально театр оперетты функционировал в рамках армянской филармонии. К его руководству были привлечены лучшие художественные силы республики: дирижер Арам Тер-Оганесян, певец Шара Тальян, композитор Артемий Айвазян и другие. Это обеспечивало высокий уровень представленных спектаклей. В годы войны театр оперетты, расширяя свой национальный репертуар, сыграл большую роль в приобщении к культуре широких слушательских масс.

В предвоенные и военные годы интенсивно работал музыкальный отдел Арменгиза. Еще в 1939 году было положено начало изданию полного собрания сочинений А.А.Спендиарова. О предыстории этого рассказывает дирижер Геворг Будагян:

"Было совершенно ясно, что для осуществления такого важного государственного дела, как издание академического полного собрания

сочинений классика армянской музыки, надо было иметь согласие и соответствующее постановление высших инстанций республики. По совету близких мне лиц я обратился к Первому секретарю ЦК Компартии Армении Григорию Артемьевичу Арутюняну, человеку, на деле не раз доказывавшему большую заинтересованность и понимание узловых вопросов развития армянской культуры и искусства.

Внимательно выслушав меня, Григорий Артемьевич с полным одобрением отнесся к моему проекту. Все издание было запланировано на несколько лет, в одиннадцати томах. Редактором издания был назначен я. 23 ноября 1939 года Президиум Верховного Совета Армянской ССР принял Указ об издании академического полного собрания сочинений А.А.Спендиарова. Уже в 1943 году, в разгар войны, удалось опубликовать Первый том полного собрания сочинений, включавший романсы и песни А.А.Спендиарова¹.

На титульном листе Первого тома стоит гриф Управления по делам искусств при правительстве Армении. Завен Вартанян указан в числе членов редакционной коллегии наряду с авторитетными именами Х.С.Кушнарева, К.С.Сараджева, Г.Г.Тигранова, А.К.Кочаряна, А.И.Шавердяна и других. Забегая вперед, напомним, что в 1948 году, по просьбе З.Г.Вартаняна, Г.Е.Будагян подготовил к изданию том украинских народных песен в обработке А.А.Спендиарова. Это был очередной общественно-культурный акт: *подарок украинскому народу от Армении*.

В 1944 году Арменгиз выпустил в свет "Боевой марш" Завена Вартаняна на слова Гургена Боряна. Этим произведением было положено начало творческому содружеству З.Вартаняна и Гургена Боряна при создании либретто опер "Арцваберд" и "Дядя Багдасар".

В 1943 году в Армении было открыто отделение Академии наук СССР. Ему был передан Научно-исследовательский кабинет имени Р.Меликяна, до того действовавший при Ереванской консерватории. Отныне он назывался Сектором искусств, а позднее был преобразован в Институт искусств Национальной академии наук Армении. Основателем Научно-исследовательского кабинета был музыковед и этнограф Арам Карпович Кочарян. Активную помощь Кабинету и

¹ Цит. по кн.: Г.Будагян. Со Спендиаровым. Страницы воспоминаний. Ереван, 1999, стр.47- 49.

Сектору постоянно оказывало Управление по делам искусств при правительстве Армении.

1944 год был памятен созданием Гимна Армении. О конкурсе, проходившем под наблюдением членов правительства Армении, рассказывает композитор Александр Арутюнян: "В 1944 году постановлением Союзного правительства каждая республика получила статус своего флага, герба и гимна. В связи с этим был объявлен конкурс на Гимн Армении. Все гимны писались на слова Сармена, который оказался победителем конкурса текстов.

На заключительный тур прошло два произведения: Гимн, написанный мною совместно с Арно Бабаджаняном, и Гимн Арама Ильича Хачатуряна, который ближе к завершению конкурса прислал ноты, а затем и сам прилетел из Москвы.

Заключительный тур проходил в оперном театре, где оба гимна были исполнены в различных вариантах (отдельно – в звучании оркестра, отдельно – хора, и отдельно – в звучании хора с оркестром). В кабинете директора затем состоялось заседание жюри, на котором присутствовали руководители республики. Здесь же находились авторы гимнов.

Помню выступления членов жюри. Увы, чаша весов клонилась не в нашу сторону. Предпочтение было отдано Мастеру...

Почти пятьдесят лет Гимн Арама Хачатуряна служил музыкальным символом Армении, и когда в начале 1990-х годов в новой общественной ситуации он был изъят, мне было искренне больно¹.

Незадолго до конкурса Арам Ильич Хачатурян прислал З.Г.Вартаняну письмо с авторскими пожеланиями по исполнению своего гимна. Выдержки из этого письма (23.05.1944) проливают свет на историю этой важнейшей государственной акции:

"Дорогой Завен!

Очень прошу организовать показ как следует. Последняя фраза гимна имеет два варианта. Первый вариант музыкально интереснее, и в хоре и оркестре даст большой подъем, но трудноватый, а второй проще.

¹ Цит. по кн.: Александр Арутюнян. Воспоминания. Ереван, 2000, стр.20-21.

Должен тебе сказать, что я работал честно и долго. Этот гимн у меня пятый вариант. Я ведь много раз встречался по Государственному гимну СССР с руководителями партии и правительства. На этих встречах много было высказываний, что такое гимн. И я знаю, что требуется. Я старался все, что говорилось о гимне, выполнить в армянском варианте. Мне кажется, гимн получился. В хоре и оркестре это будет торжественно.

Очень прошу тебя после прослушивания дать мне подробную телеграмму, как оценили гимн.

Если нужно будет, вызывайте в Ереван.

Горячий привет, жду твоих сообщений.

Твой Арам Хачатурян"

[В приложении к письму дается подробная инструкция А.И.Хачатуряна по подготовке гимна к исполнению – А.Б.].

В январе – феврале 1944 года в Москве состоялись концерты армянской музыки. Идея этих концертов принадлежала лично З.Г.Вартаняну. Он рассматривал это как общественно-политическую акцию, долженствующую показать московскому слушателю достижения армянского искусства в годы войны. Ответственным шагом было приглашение к участию в концертах Государственного симфонического оркестра СССР и сводного хора, составленного из хоровых коллективов Москвы и Ленинграда. Дирижеры и солисты направились в Москву из Армении. В концертах участвовали дирижеры К.С.Сараджев и М.А.Тавризиан, певцы Айкануш Даниелян, Павел Лисициан, Галуст Габриелян, скрипач Авет Габриелян, Государственный квартет имени Спендиарова (первая скрипка – Грачья Богданян). Хорошо чувствуя необходимость обновления программ, Завен Вартанян специально к московским концертам организовал фортепианное трио Армфилармонии (Анна Амбакумян, фортепиано – Карен Костанян, скрипка – Левон Григорян, виолончель). С исполнением своего Фортепианного концерта выступил молодой Александр Арутюнян.

"В основу программы мы решили положить "Пролог" ("Рождение Давида") из оперы Аро Степаняна "Давид Сасунский". Произведение это сложное, серьезное, надо было найти оркестр, хор, начать его

разучивание. Перед отъездом у меня произошел неприятный разговор с Григорием Артемьевичем, который сказал: "Все решаешь сам, ни с кем не советуешься. Отвечаешь головой за это мероприятие".

В Москву мы ехали втроем: талантливейший дирижер Михаил Арсеньевич Тавризиан, опытный хормейстер нашего театра Вениамин Андреевич Никольский и я. Шла война. Зима. Ехали в купе международного вагона, где температура не поднималась выше 4-5 градусов. Это была пытка, большая пытка. Ехали мы через Сталинград, очень долго.

Наконец мы в Москве. Началась большая организационная работа, связанная с привлечением коллективов, налаживанием репетиций. Особенно трудно было с хором (в концерте участвовали российские коллективы). Выучить на армянском языке текст сложной хоровой партии — задача не из легких. В.А.Никольскому удалось, однако, преодолеть эту трудность.

Настал день концерта. Я телеграфировал о готовности в Ереван. Оказывается, Григорий Артемьевич Арутюнян, все еще сердясь на меня, все же, к началу концерта включил приемник, и весь концерт прослушал от начала до конца. Он убедился, какой теплый прием оказали нам москвичи. В то время проведение подобных концертов имело не только художественное, но и огромное общественно-политическое значение. Идея этой, на мой взгляд, важнейшей культурной акции заключалась в том, что союзная республика, принимающая вместе со всей страной участие в большой кровопролитной войне, находит в себе силы и возможности проводить концерты в столице нашей Родины.

По приезде я посетил Григория Артемьевича, чтобы доложить о концерте. После первой же фразы он прервал меня: "Я концерт слушал. В общем, упрямый ты человек, Вартанян, но ничего не могу сказать — молодец!" (4)

Необходимо отметить, что в это свое посещение Москвы М.А.Тавризиан познакомился с выдающимся произведением — Второй симфонией Арама Хачатуряна и привез с собой в Ереван ее партитуру. Вскоре последовало блистательное исполнение этой симфонии в зале Армфилармонии (ныне им.Арно Бабаджаняна) силами объединенного оркестра филармонии и оперного театра. Вслед за тем Вторая симфония прозвучала на Декаде музыки

республик Закавказья, став, по всеобщему признанию, наиболее ярким номером концертных программ.

Декада музыки республик Закавказья состоялась в декабре 1944 года в Тбилиси. Рассказывает композитор Эдвард Мирзоян: «Это была масштабная, серьезная акция, получившая широкий резонанс. Сегодня, в дистанции времени, особенно поражает, что Декада состоялась в период, когда шла война, требовавшая огромного напряжения сил всей страны, мобилизации всех ресурсов для достижения победы. На Декаде Армения была представлена своими лучшими солистами и крупными коллективами.

Успех Армении, оставившей, по всеобщему мнению, наиболее яркое впечатление в ряду республик Закавказья, был результатом огромной подготовительной работы, находившейся в центре внимания руководства Армении.

В организации и практической подготовке к Декаде трудно переоценить роль начальника Управления по делам искусств Армении Завена Гевондовича Вартапяна. Он занимался не только «глобальными» вопросами, но и непосредственно вникал в процесс подготовки художественных коллективов, в составление программ и т.п.

Когда после успешного завершения Декады мы собрались у Завена Гевондовича в его номере в тбилисской гостинице, он, уставший, но очень довольный, признался: «Был момент, когда я находился на грани самоубийства».

Несомненно, Завен Гевондович был *личностью* с ярко выраженными чертами организатора. В работе он неизменно проявлял исключительные деловые качества и инициативу, умел мыслить широко, по-государственному, проявлял постоянную заботу о подготовке кадров в области искусства.

В определенный период Завен Вартапян сыграл в организации музыкальной жизни Армении ведущую роль¹.

Важнейшей инициативой Завена Вартапяна послевоенных лет явилась организация в Москве, при Доме культуры Советской Арме-

¹ Цит. по кн.: Эдвард Мирзоян. Фрагменты. Ереван, 2005, стр. 44-45.

нии (ДКСА), студии повышения квалификации молодых деятелей армянской культуры. Годы, проведенные в Ленинграде, подсказали З.Вартаняну, насколько полезно совершенствование молодых музыкантов Армении в крупнейших городах Советского Союза.

Взглянем на работу студии глазами одного из ее стажеров – Адама Худояна: “В начале 1946 года, решением Правительства Армении, группа молодых композиторов была направлена в Москву на усовершенствование в студии ДКСА.

В группу входили Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян и я. О предстоящем усовершенствовании нам сообщил, вызвав в свой кабинет, Завен Гевондович Вартанян. В нашей жизни начинался новый, очень значительный, “московский” период.

Здесь же, при Доме культуры, повышали тогда свою квалификацию молодые армянские художники, режиссеры театра и кино, исполнители, артисты балета и т.д. (около сорока человек!) Это были, можно сказать, сливки армянской творческой молодежи тех лет.

Я часто думаю о мудрости руководства Армении, предпринявшего этот важный, несомненно себя оправдавший и принесший прекрасные результаты, шаг. Думаю и о том, что инициатива была проявлена спустя всего лишь несколько месяцев после окончания изнурительной войны, в стране, не залечившей еще свои раны.

По первоначальному замыслу наша группа композиторов должна была стажироваться под руководством Арама Ильича Хачатуряна. Однако, ввиду его перегруженности творческой работой и общественными обязанностями, в этот план был внесен корректив.

Для занятий с нами был приглашен профессор Генрих Ильич Литинский. Кандидатуру Литинского предложил сам Арам Ильич – в прошлом также его ученик. Для всех нас это была хорошая школа. Школа Литинского. Его уроки запомнились на всю жизнь”¹.

Характерно письмо (23.05.1946), направленное молодыми композиторами Завену Вартаняну: “Дорогой наш Завен Гевондович! Дела наши идут неплохо. У Литинского заканчиваем 1-е части полифонических сонат для фортепиано. Арам Ильич много интересуется нашей работой, но пока к занятиям не приступили. Это, по-видимому, по договоренности с Литинским, который нажимает

¹ Цит.по кн.: А.Худоян. Воспоминания. Е., 2001, стр.15-17.

вовсю. Бываем на многих концертах, но в Большой театр не попали. у нас около недели нет света.

Ваши Эдик и Адик, Котик и Арно”.

О ходе занятий молодых композиторов Арам Хачатурян сообщает в своем письме (19.06.1946) к Завену Вартаняну: “С молодыми композиторами несколько раз встречался, но встречи зависели не от меня. Занятия их обстоят хорошо, они работают, как звери. Делают успехи, и думаю, что это время прошло для них с большой пользой”.

Подчеркнем, что внимание Завена Вартаняна в равной степени распространялось и на других стажеров студии ДКСА — исполнителей, артистов балета, художников, режиссеров театра и кино, а также литераторов, стажировавшихся в Москве. Его энергии хватало на всех.

Отдельного разговора заслуживает работа Завена Вартаняна в Союзе композиторов Армении. После ликвидации РАПМа он в 1936 году, сразу по возвращении в Ереван, стал членом Союза композиторов Армении. “Сегодня, размышляя о музыкальной жизни Еревана 1920-30-х годов, не могу не отметить огромную роль, которую в ней играли члены Союза композиторов. Востребованность их была очень велика, и собственно творческую работу они, как правило, совмещали с организационной, педагогической, исполнительской деятельностью (этого требовала активно развивающаяся, набирающая силу музыкальная культура Армении). На радио, в опере, Армфилармонии, музыкальном издательстве инициативно работали Завен Вартанян, Рубен Терлемезян, Геворк Будагян, Артак Тоникян, Константин Мелик-Вртанесян и другие”, — вспоминает Эдвард Мирзоян¹.

Присутствие Завена Вартаняна в работе Союза композиторов Армении ощущалось постоянно: в частых публикациях в прессе, во вступительном слове к авторским и юбилейным вечерам композиторов, в договорах на создание новых произведений, заключаемых с композиторами (об этом говорилось выше), в стремлении теснее связать с Арменией композиторов-армян, проживавших за пределами республики... Взаимодействие Управления по делам искусств с Сою-

¹ Э.Мирзоян. Цит.изд., стр.31.

зом композиторов Армении было в те годы, как никогда, тесным и плодотворным.

Уместно вспомнить инициативу З.Вартаняна в военные годы — организацию конкурса на лучшее симфоническое произведение (1942г.). Премий тогда были удостоены Григорий Егиазарян (1-я премия), Тигран Тер-Мартirosян (2-я), Мартын Мазманиян и Александр Арутюнян (3-я). Это была значительная акция, прекрасно организованная, мобилизующая на творческий труд.

З.Вартанян активно участвовал в отборе произведений к Декаде армянского искусства и литературы в Москве, к Декаде музыки республик Закавказья, к уже упомянутым концертам в Москве (1944г.). Нет сомнения, что все произведения, представленные на этих мероприятиях, были включены в программу после его “визы”. По меткому замечанию Эдварда Мирзояна, создавалось впечатление, что не Аро Степанян, а Завен Вартанян был председателем Союза композиторов Армении...

Приближался Первый всесоюзный съезд советских композиторов. Завен Вартанян, уже с 1947 года заведующий отделом культуры ЦК Компартии Армении, по существу, курировал деятельность Союза композиторов Армении. Напомним, что съезду предшествовала печально известная идеологическая кампания, выразившаяся в ряде постановлений ЦК ВКП(б) (“Об опере “Великая дружба” Ваню Мурадели” и других). Это была серьезная идейная прелюдия к съезду в Москве. В съезде приняла участие представительная делегация армянских композиторов.

Вопреки предположениям, с основным выступлением от Армении на съезде предстал не председатель Союза композиторов Армении Ашот Сатян (избранный в 1947 году), а Завен Вартанян. Выступление его, изложенное на 25(!) страницах, заняло на съезде не менее 50 минут. Значительное место в докладе заняли критика бывшего руководства Союза композиторов Армении (Аро Степанян), а также самокритичная оценка работы Управления по делам искусств Армении (Завен Вартанян). Доклад завершался в оптимистических тонах: “Могу вас заверить, что Союз композиторов Армении — сильная, здоровая творческая организация. Она объединяет 60 композиторов и музыковедов. Большинство членов нашего Союза имеет свое ярко выраженное творческое лицо.

Наша система, наша идеология противостоят современной буржуазной идеологии, как противостоят жизнь — смерти, свет — тьме, прогресс — реакции.

Будучи абсолютно уверены в наших творческих силах, мы способны за короткий срок создать произведения, достойные нашего народа, нашей лучезарной и могучей родины”¹.

В газете “Правда” (26.04.1946), в статье “Закрытие первого Всесоюзного съезда композиторов” сказано: “В результате тайного голосования в состав правления Союза избран 51 делегат. Среди избранных — видные советские композиторы и музыковеды всех шестнадцати союзных республик: Д.Аракишвили, Б.Асафьев, М.Ашрафи, Х.Ахметов, А.Баланчивадзе, А.Богатырев, Е.Брусиловский, С.Василенко, З.Вартанян, Г.Верева, У.Гаджибеков, М.Гнесин, К.Данькевич, И.Дунаевский, Н.Жиганов, В.Захаров, К.Караев, А.Касьянов, М.Коваль, Э.Капп, Ю.Келдыш, Я.Медыньш, Ш.Мшвелидзе, Б.Мокроусов, Д.Овезов, Л.Ревуцкий, В.Соловьев-Седой, И.Таллат-Келпша, Т.Хренников, М.Чулаки, Ю.Шапорин, А.Штогаренко, Б.Ярустовский и др.”.

Обращает на себя внимание отсутствие в этом перечне имен С.Прокофьева, Д.Шостаковича, А.Хачатуряна, В.Шебалина, Г.Попова и других ведущих советских композиторов.

Глава третья **На руководящей работе в Москве²**

Приглашение Завена Вартаняна на руководящую работу в Москву, в аппарат Центрального Комитета КПСС(!), имело свою мотивировку: в столице давно уже взяли на заметку деятельного и инициативного сотрудника ЦК Компартии Армении.

¹ З.Вартанян. Из выступления на Первом съезде советских композиторов, 1948 год (МЛИ им.Чаренца, архив З.Вартаняна).

² Соавтором в написании данной главы, по справедливости, следует считать многолетнего сотрудника З.Г.Вартаняна по работе в Министерстве культуры СССР, Заслуженного деятеля искусств РСФСР Станислава Александровича Лушина. Написанный по нашей просьбе, его блестящий очерк “Незабываемое” позволяет увидеть деятельность З.Г.Вартаняна в Москве, словно изнутри, глазами очевидца. Очерк С.А.Лушина полностью приведен в разделе “Слово о З.Г.Вартаняне” настоящего издания [А.Б.].

Частые служебные командировки Вартаняна в Москву, участие в разного рода совещаниях, критическая направленность его темпераментных выступлений выдавали в нем *личность организатора*, обладающего всеми необходимыми качествами работника идеологического фронта. Несомненно, в Москве помнили и ценили такие инициативы Завена Вартаняна в качестве руководителя музыкальной жизни Армении.

О своем переезде в Москву рассказывает З.Вартанян: "В марте 1948 года состоялся Первый съезд советских композиторов. Я был делегатом съезда. В один из дней меня пригласили в ЦК КПСС и беседовали со мной о возможном переезде в Москву для работы в аппарате Центрального Комитета.

Вернувшись в Ереван, я все рассказал Григорию Артемьевичу Арутюняну. Он подумал, улыбнулся и сказал: "Ну, мы потеряли Завена. Потеряли в Армении, но я надеюсь, что ты еще будешь помогать республике, находясь в аппарате Центрального Комитета".

Прошло четыре месяца. И вот, как-то, около 12-ти часов дня, я слышу в телефоне голос Григория Артемьевича: "Ты свободен, Завен?" Я говорю: "Да, Григорий Артемьевич". – "Тогда заходи, заходи". Я вошел. Он говорит: "Ну вот, наконец, настал и твой день. Вот постановление ЦК, и ты назначаешься инструктором в аппарат Центрального Комитета, точнее, в Управление пропаганды и агитации ЦК КПСС".

Мне стало радостно и, конечно, грустно. Что-то как будто оборвалось. Уловив мое настроение, Григорий Артемьевич сказал: "Знаешь, Завен, я думал об этом. Может быть, это даже хорошо. Ты много поработал, много отдал, сам многому научился. Может быть, не следует застревать, надо двигаться вперед. В этом смысле, работа в аппарате Центрального Комитета партии будет иметь для тебя огромное значение. В общем, вот мое добро – езжай! Кстати, сегодня звонили из аппарата ЦК и просили тебя не задерживать. Три дня тебе на сборы. Семья приедет позже, когда устроишься с квартирой".

В день отъезда я попрощался с Григорием Артемьевичем очень тепло, по-дружески. Он вновь улыбчиво, шутливо говорил: "Ну, теперь ты на вышке, помогать надо республике". На этом мы расстались". (4)

Об этих же событиях по-своему рассказывает в своих воспоминаниях дочь Завена Гевондовича – Карине Вартанян: "Получив пригла-

шение на работу в ЦК КПСС, отец уехал, чтобы уладить вопрос с жильем, а мы остались в Ереване. Прошел слух, что отца арестовали, и 99% знакомых перестали с нами общаться. Даже детям в садике запрещали к нам подходить. Однако, когда мы уезжали в Москву и стало ясно, что отец не арестован, на вокзал пришла с цветами целая толпа.

3 октября 1948 года мы приехали к отцу в Москву. Нас поселили в общежитии (гостиница "Центральная" на улице Горького была тогда общежитием для политических работников), где мы жили больше года. Потом была коммунальная квартира на Кутузовском проспекте (тогда — Можайское шоссе), сначала двухкомнатная, затем — трехкомнатная. Я училась в общеобразовательной школе, брат — в ЦМШ при консерватории. Мама с переездами бросила работу. Жили очень скромно, с небольшим достатком, но очень дружно. Летом ездили на дачу — в Серебряный бор, где нам выделялись две комнаты с террасой на семью".

Московский период деятельности Завена Вартаняна достаточно отчетливо подразделяется на три взаимодополняющих этапа. Первый из них связан с работой инструктора отдела художественной литературы и искусства ЦК КПСС. На этом ответственном посту он пребывал в 1948-1956 годах — восемь долгих лет.

Для Вартаняна это был период *вхождения в систему управления культурой Страны Советов*, период непосредственного соприкосновения с механизмом этого управления в условиях централизации и идеологизации всех сторон общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни огромной страны.

Завен Гевондович пришел в аппарат ЦК в самый разгар идеологического прессинга, обусловленного широко известными постановлениями ЦК КПСС в области литературы и искусства.

Методы и стиль партийного руководства культурой и искусством были знакомы Вартаняну еще по работе на высоких командных должностях в Армении. В Москве все это было выражено несравнимо более однозначно и контрастно.

Не покидает мысль о том, что З.Вартанян первые пять лет (до 1953 года) работал в ЦК *при жизни И.В.Сталина*, а затем — Н.С.Хру-

щева и был свидетелем как засилья культа личности, так и работы по ликвидации его последствий.

Жизнь, между тем, продолжалась, и нужно было вникать в разные области искусства, следить за процессом их развития, намечать возможные пути совершенствования...

Активность З.Вартаняна, самостоятельность его суждений проявились в те годы в его многочисленных выступлениях, как *официального лица*, на различных форумах, совещаниях, пленумах и т.д., а также в публикациях в центральной прессе.

К числу таких публикаций относится статья "За боевой музыкальный журнал" (о недостатках в работе журнала "Советская музыка"; газета "Культура и жизнь", Москва, 21.10.1949). Статья написана в соавторстве с доктором искусствоведения Борисом Михайловичем Ярустовским, в 1946-1958гг. заведующим сектором культуры ЦК КПСС.

Другая статья: "К новым успехам советской музыки" (о проблемах советского искусства; газета "Советское искусство", Москва, 01.03.1952) написана в содружестве с Павлом Ивановичем Апостоловым — музыковедом и военным дирижером, с 1949 года также работавшим в аппарате ЦК.

Взятые выборочно, эти статьи содержат немало верных суждений, справедливых полемических замечаний. Наряду с "директивным тоном" налицо конструктивная мысль, рядом с "идеологическим налетом" — конкретика предложений по улучшению работы, взамен уничтожающей критики — заинтересованный деловой разговор.

Объективный взгляд на явления действительности, трезвость суждений, умение выделить проблему, заострить внимание на действительных недостатках и стремление принести пользу были органично свойственны Завену Вартаняну и неотделимы от его натуры (все это созревало и шлифовалось еще в Армении). Однако, не будем идеализировать ситуацию: эти положительные черты часто соседствовали в действиях и выступлениях Вартаняна с чрезмерностями, порожденными требованиями *системы*.

Второй этап деятельности Завена Вартаняна в Москве связан с Министерством культуры СССР, куда его направили из ЦК в 1956

году. Здесь он два года проработал начальником Управления учебных заведений.

Впервые за пребывание в Москве Вартанян получил возможность самостоятельно руководить крупным Главком. Он вышел на дорогу *руководителя союзного масштаба*.

"Хозяйство" Министерства культуры СССР было более чем внушительным. В ведении Управления учебных заведений находились 900 музыкальных школ, 114 музыкальных училищ, 22 консерватории, 11 хореографических училищ, большая сеть вечернего музыкального образования. Поистине, тут было над чем поработать и где приложить свои силы.

Благодаря умелому подбору кадров Управление, возглавляемое З.Вартаняном, успешно справлялось со своими обязанностями. В центре этой гигантской, широкоохватной работы находился сам Завен Гевондович.

Из заслуживающих внимания инициатив этого периода отметим созванное Вартаняном совещание по вопросу воспитания молодых музыкантов. Участвуя в дискуссии "О воспитании молодых музыкантов" на страницах журнала "Советская музыка" (1957, №6), он пишет: "Управление учебных заведений уже провело всесоюзное совещание по музыкальному образованию в 7-летних музыкальных школах, музыкальных училищах и музыкальных школах – 10-летках. Будет проведено совещание по вопросам консерваторского образования. Вероятно, на совещании прозвучит достаточно острая критика..."

На выступление З.Вартаняна полемической репликой откликнулась редакция "Советской музыки" (главный редактор – Г.Н. Хубов): "Начальник Управления тов.Вартанян твердо уверен, что все свершится в строгом соответствии с его руководящими прорицаниями. Какая еще критика может быть "по тем вопросам"? Они уже решены – просто, коротко, безапелляционно"...

Так или иначе, совещание состоялось и принесло свою пользу. Основным докладчиком был все тот же З.Вартанян, сумевший досконально разобраться в проблеме.

Добавим, что впоследствии З.Вартанян долгие годы был членом редколлегии журнала "Советская музыка", а также членом редколлегии вновь основанного журнала "Музыкальная жизнь".

По опыту работы в ЦК Завен Вартанян знал, что многие вопросы, бывшие в компетенции Министерства культуры, фактически решались именно в высших партийных инстанциях. Характерно свидетельство С.Лушина: "Завен Гевондович начал работу в Министерстве культуры при министре Михайлове. Как Вартанян с ним воевал, как боролся со скоропалительными, непродуманными решениями! Часто он терпел поражение, и тогда обращался в Отдел культуры ЦК КПСС, и там продолжалась *борьба за убеждения*" [подчеркнуто мною – А.Б.].

Третий период московской деятельности Завена Вартаняна вновь связан с Министерством культуры СССР, на этот раз в качестве начальника Управления музыкальных заведений СССР. Здесь он проработал с 1958 года до ухода на пенсию в 1975 году. Это, несомненно, наиболее плодотворный период его деятельности. Непосредственными начальниками его были министр культуры СССР Е.А.Фурцева и позднее – заместитель министра культуры В.Ф.Кухарский.

С.Лушин: "Министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева как человек талантливый, блестящий организатор, сразу поняла, что за личность З.Г.Вартанян, каков масштаб его деятельности и как ясно он представляет пути развития советского музыкального искусства. Фурцева практически всегда поддерживала Вартаняна.

Кстати, он был единственным из начальников, кому не попадало на еженедельных понедельничных совещаниях у Е.А.Фурцевой. Она его и побаивалась. Когда на заседаниях коллегии Министерства культуры Вартанян чувствовал, что вопрос обсуждается неправильно, он "заводился", вскакивал, кричал, и Екатерина Алексеевна его успокаивала, как ребенка, обещала еще раз все обсудить и всегда к нему прислушивалась.

Заместитель министра культуры СССР Василий Феодосьевич Кухарский был с Вартаняном хорошо знаком, они общались "на ты". Кухарский был нашим постоянным куратором. Не могу сказать, что их отношения всегда были безоблачны, но они делали общее дело, и взгляд на способы достижения цели был у них одинаков. Поэтому Завен Гевондович смог осуществить много славных, знаменательных начинаний".

В отличие от многих аппаратчиков, известных своим умением дипломатично вести дело, улаживать конфликты, держать подчиненных в повиновении и т.д., З.Вартанян отличался своей бурной "взрывной" деятельностью, богатой фантазией и творческой активностью. Он держал аппарат Министерства культуры СССР в постоянном движении, предлагая одна за другой все новые творческие идеи, которые затем становились "идеями министерства" и передавались на утверждение аппарату ЦК КПСС.

Вслед за выдвиганием идей начинался второй этап работы, подразумевающий связь с многочисленными коллективами — в центре и на периферии. Стратегия строилась на крупных всесоюзных организационно-творческих акциях, вовлекающих в свою орбиту все крупные организации данного профиля и обязательные для выполнения. Эти крупные акции служили как бы *приводными ремнями*, обеспечивающими каждодневную работу множества коллективов и их постоянную связь с центром. Эти акции служили также подтягиванию отстающих коллективов до уровня лидеров.

Управлению музыкальных заведений в тот период подчинялись 36 театров оперы и балета, 78 театров оперетты и музыкальной комедии, 78 филармоний и концертных организаций, 100 самостоятельных художественных коллективов.

С.Лушин: "Отдел музыкальных учреждений Министерства культуры СССР располагался на улице Неглинная 15 вместе с другими творческими отделами — Драматического искусства, ИЗО, Охраны памятников, а также Комитетом по Ленинским и Государственным премиям. Там же, на Неглинной 15, помещались Госконцерт и Союзгосцирк. Теснота была ужасающая.

В конце 1964 года решением ЦК КПСС Отделы Министерства культуры СССР были преобразованы в Управления, с соответствующим увеличением штатов (до 30 человек) и, что немаловажно, зарплаты. Завен Гевондович был счастлив и говорил, что наконец-то Управление сможет по-настоящему выполнять возложенные на него функции.

Работники Управления обязаны были досконально знать о жизни вверенных им учреждений, помогать им, "держать руку на пульсе". Трудно себе представить, сколько замечательных музыкантов приходило в Управление со своими заботами. Потому что испытывали

уважение, ценили опыт и знания наших сотрудников и были уверены в поддержке. Могу утверждать, что другого такого Управления в Министерстве культуры не было (имею в виду авторитет и творческую значимость каждого работника). В этом бесспорная заслуга Вартаняна".

Из множества полезных начинаний Управления, "взрывающих" и без того напряженное течение музыкальной жизни Страны Советов, отметим лишь некоторые.

Первым из них (и не только по хронологии) должен быть назван международный конкурс имени Чайковского (впервые проведен в 1958 году). Идея его проведения принадлежала З.Г.Вартаняну. Он же стал заместителем председателя оргкомитета конкурса (председателем являлся Д.Д.Шостакович). "Мы можем уверенно сказать, что конкурс имени Чайковского утвердился в мировой музыкальной практике как крупнейшее художественное явление, — писал З.Г.Вартанян. — Предстоящий третий конкурс 1966 года вновь примет пианистов, скрипачей и виолончелистов, а также — впервые — вокалистов. Все настойчивее стучится в дверь оргкомитета камерная инструментальная музыка и, в частности, квартетная. Не менее желанными гостями столицы могли бы стать в ближайшие годы молодые дирижеры, композиторы, музыковеды. А балетная молодежь — она с таким же правом претендует на участие в конкурсе имени великого композитора — создателя неповторимых шедевров балетной музыки"¹.

Прекрасно пишет об инициативе З.Г.Вартаняна Станислав Лушин: "Конкурсы! Как мне помнится, Вартанян был одним из инициаторов и основных организаторов международной музыкальной эпопеи — конкурса имени Чайковского. Для того, чтобы понять грандиозность этого начинания, надо ощутить себя внутри подготовительного процесса и осуществления этого, не имеющего себе равных в музыкальной практике, творческого соревнования. Конечно, главное в конкурсе — художественный результат, открытие новых имен. Но для всего этого необходимо создание условий для работы жюри и успешного выступления участников. Так вот, таких составных успеха нигде,

¹ З.Г.Вартанян. Об итогах Второго международного конкурса имени П.И.Чайковского. Рукопись. МЛИ им.Чаренца, фонд З.Вартаняна.

кроме конкурса имени Чайковского, нет. И фундамент популярности и уважения к этому конкурсу, его международному авторитету был заложен лично З.Г.Вартаняном. Труд подготовки конкурса можно уподобить подводной части айсберга, и деятельность Вартаняна заслуживает самой высокой оценки”.

Крупнейшей инициативой Управления явилась организация “Русского фестиваля музыки и танца” в США летом 1959 года. В содружестве с известным американским импрессарио С.Юроком Завен Вартанян подготовил грандиозную программу с привлечением десяти лучших хоровых и танцевальных коллективов из России, Украины, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Армении и других республик (в их числе, знаменитый хор имени Пятницкого, ансамбль танца Игоря Моисеева и другие). Художественное руководство осуществили режиссер Б.Покровский и дирижер Г.Рождественский.

Фестивалю придавалось важное общественно-политическое значение. “Советские артисты — участники гастролей, горячо приветствуют предстоящий обмен визитами Н.С.Хрущева в США и президента Д.Эйзенхауэра в СССР, с которым, естественно, связывается надежда на расширение торгового и культурного обмена между нашими странами и общее улучшение международной обстановки.

Все концерты советских артистов в США проходят в обстановке стремления к укреплению дружбы и сотрудничества между народами СССР и США”, — писал в газете “Советская культура” (22.08.1959) Б.Покровский.

Концерты советских артистов вызвали восторг американской публики и нашли отражение в прессе в оценке авторитетных музыкальных критиков. Приведем лишь некоторые их высказывания: “Никто не подозревал, что СССР мог прислать нам что-то, чтобы превзойти чудеса моисеевского ансамбля, но они как раз это и сделали”, “Русский фестиваль музыки и танца является самым баснословно быстрым, самым волнующим и самым разнообразным спектаклем, который когда-либо ставился в Опера-хауз или в каком-либо другом театре Чикаго. Более двухсот талантливых исполнителей, отобранных из десятка ведущих ансамблей, показывают лучшие номера из своего репертуара. Это сливки из сливок, триумф из самого триумфального парада”, “Фестиваль подобного масштаба

проводится впервые", "Нашему импрессарио Юроку, который вывез из СССР столько прекрасного, остается привезти саму Москву"...

Руководитель группы советских артистов З.Вартанян в беседе с корреспондентом "Советской культуры" (09.07.1959) сказал: "Весь коллектив был очень взволнован и чувствовал большую ответственность, и теперь все мы рады и счастливы сообщить советским людям, что почетная задача — достойно представить в дни советской выставки в Нью-Йорке музыкальное и хореографическое искусство нашей родины — увенчалась успехом".

Попутно отметим, что в дни фестиваля проходили незапланированные встречи З.Вартаняна с американскими армянами.

"Русский фестиваль" — одна из доминант деятельности З.Вартаняна, результат его неумной фантазии и богатейшего опыта. Истоки этого, несомненно, восходят к Декаде армянского искусства и литературы в Москве (1939г.) и к Декаде музыки республик Закавказья (1944г.).

Стремление активизировать многочисленные крупные исполнительские коллективы СССР привело Завена Вартаняна к идее проведения Всесоюзных смотров-конкурсов.

Свидетельствует С.А.Лушин: "Завен Вартанян был автором идеи Всесоюзного конкурса написание и создание спектаклей — опер, балетов, оперетт и музкомедий к 50-летию Великого Октября. Причем, по условиям конкурса, это было "сочинение на свободную тему", что никак не сковывало авторов выбором тематики. Получилась крупнейшая, не имеющая аналогов, творческая акция, которая буквально всколыхнула всю музыкально-театральную жизнь страны¹."

Кстати, когда Министерство культуры и Союз композиторов СССР провели пленум, посвященный развитию советского оперного искусства, основной доклад на нем готовила группа работников Управления во главе с Вартаняном. Получилось серьезнейшее научно-практичес-

¹ Подобные же конкурсы были проведены среди всех коллективов: ансамблей танца, ансамблей песни и танца, хоровых капелл, симфонических оркестров и других. За всем этим стоит огромная организаторская работа Вартаняна и его коллег.

кое исследование. Когда я сказал Завену Гевондовичу, что материал по стилю — кратко и точно — смахивает на Сталина, он внимательно посмотрел на меня и сказал, что это не самый плохой пример для подражания.

Завен Гевондович понимал необходимость нашей теснейшей связи с Союзом композиторов СССР, и связь эта была постоянной и плодотворной. Немалую роль играли и личные прекрасные отношения Вартаняна с Т.Н.Хренниковым, Д.Д.Шостаковичем, А.И.Хачатуряном, Д.Б.Кабалевским, К.А.Караевым, Г.В.Свиридовым и многими, многими другими. Всех не перечислишь.

Вместе с ними Завен Гевондович боролся против пропаганды на Радио и Телевидении музыкальной низкопробщины (правда, как показала дальнейшая практика, боролся безуспешно)".

С переездом З.Вартаняна в Москву его творческие связи с Арменией не прервались. Одинаковое внимание к делам и нуждам всех союзных республик не могло, разумеется, повлиять на его приоритетное отношение к Армении. Интеллигентность и присущий ему такт не позволяли ему допустить при этом неких внешних проявлений. Определенная сдержанность Вартаняна во взаимоотношениях с некоторыми коллегами из Армении была ими, в ряде случаев, истолкована превратно.

По-прежнему внимательно следил Завен Гевондович за развитием музыкальной жизни Армении и был в курсе всех ее достижений. По мере возможного помогал он и своему детищу — студии при Доме культуры Советской Армении в Москве (в 1953 году, после смерти И.В.Сталина, по инициативе Л.Берии, ДКСА был ликвидирован).

Поддерживались деловые отношения с Первым секретарем ЦК Компартии Армении Г.А.Арутюняном. "Когда Григорий Артемьевич бывал в Москве, приезжал на пленумы, на другие мероприятия по решению проблем республики, он обязательно заходил в наш кабинет в аппарате ЦК, где сидели я и Борис Михайлович Ярустовский. Садился, расспрашивал, что нового, просил совета по тем или иным вопросам". (4)

В 1956 году Завен Вартанян наблюдал за Второй декадой армянского искусства и литературы в Москве. Многие в этой Декаде продолжало традицию, заложенную им в 1939 году. Да и в деятель-

ности З.Вартаняна в Москве было немало от почерка, выработанного им еще в Ереване.

Беспокойство о недостаточно активном (как ему казалось) развитии музыкальной жизни Армении сквозит в его письмах в Ереван к своему ближайшему другу Самсону Гаспаряну. Эти письма — еще одно доказательство искренней заинтересованности Вартаняна в развитии музыкальной культуры своей исторической родины.

В московский период З.Вартанян начал свою работу либреттиста и драматурга. В Ереване с успехом была поставлена пьеса "Микаэл Налбандян" (соавторы — А.Араксманян и З.Вартанян). Композитор Андрей Бабаев начал работу над оперой "Арцваберд" на либретто З.Вартаняна и Г.Боряна¹.

Примеры эти нетрудно умножить.

О многом говорят строки из письма (20.12.1948) З.Вартаняна к Самсону Гаспаряну: *"Что до меня, то я всем своим существом связан с Арменией, ее народом, ее культурой. Этого у меня никто не отнимет. Уверен в этом"*.

Глава четвертая Исполнитель, педагог, публицист

а) Путь кларнетиста

О своем вхождении в музыку образно рассказывает сам Завен Вартанян:

"Как-то, состоя в американском приюте, я возвращался из школы, куда нас водили строем. Со мной был мой закадычный друг, с которым я провел годы беспризорничества.

Во дворе приюта, на плацу, раздавались звуки фанфары, маленького барабана, пикколки и тарелок. Мы постояли, послушали...

Всеми командовал Вильгельм Августович Шперлинг, немец по национальности, капельмейстер гарнизонного полка. Его пригласили

¹ В 1957 году в Ереване состоялась премьера оперы "Арцваберд". К сожалению, во время репетиции перед премьерой скончался дирижер М.А.Тавризян, которого с Завеном Вартаняном связывали годы совместной работы. Впоследствии опера "Арцваберд" была поставлена также в Донецке, Казани и Свердловске.

для формирования при приюте какого-то оркестроподобного ансамбля, и вот с этими ребятами он маршировал.

Дети, которые пытались бить в тарелки, никак не могли вовремя остановиться, когда кончалась так называемая музыка, очень шумная. На моих глазах сменилось несколько ребят, и никто из них не смог вовремя закрыть тарелки. Мне это надоело и, вручив книги своему другу, я подошел к капельмейстеру. Это был интересный человек. О его роли в развитии армянского музыкального искусства и, в частности, в подготовке армянских музыкантов, следует рассказать особо.

Подойдя к нему, я спросил: можно ли мне попробовать бить в тарелки. Он: "Ну, давай!" К моему счастью (или несчастью?), мне удалось вовремя закрыть тарелки. Маэстро сказал: "Вот и хорошо, будешь нашим тарелочником". Это было моим первым боевым крещением...

Вскоре в приюте организовался духовой оркестр. Маэстро решил, что я должен играть на кларнете, и вручил мне инструмент. Играть на нем мне было трудно: недоедание, дыхания нехватает, голова кружится. С отчаяния я много раз пытался обменяться инструментами: отдавал кларнет, а сам брал альтушку. Менялся с кем угодно, лишь бы избавиться от кларнета. Но приходил маэстро, и все начиналось сначала...

Вскоре я все-таки овладел инструментом и был зачислен окончательно в музыкантскую команду приюта.

Так жили мы изо дня в день, из месяца в месяц, без каких-либо серьезных изменений. Я делал большие успехи и уже довольно прилично играл на кларнете.

Где-то в конце ноября 1920 года стали распространяться слухи, что Красная Армия вот-вот войдет в Ереван и установит в стране Советскую власть. Город жил лихорадочной жизнью.

И вот – 29 ноября 1920 года. Части 11-й армии по Канакерскому шоссе практически без сопротивления спустились в Ереван. Население города и мы, приютские ребята, шпалерами стояли на всем протяжении улицы Астафян [ныне Абовян – А.Б.], встречая красноармейцев возгласами "Ура!"

Советская власть возникла на развалинах дашнакской империи. Страна разрухи, голода, эпидемий, беженцев, страна десятков тысяч

бездомных детей. Какую же гигантскую работу предстояло проделать для того, чтобы вывести Армению из этого состояния.

Что касается нашего приюта, он долго еще продолжал жить по своим законам. Однако, после серьезного инцидента старшеклас-сников с американским руководством приюта, последнее поставило перед советскими органами власти ультиматум: старшие ребята должны покинуть приют. Из музыкантской команды должны были уйти семь или восемь ребят. Это было сложно: нашему оркестру грозил развал. И тут опять на помощь пришел наш маэстро. Я уже говорил, что он был одновременно капельмейстером Первого армянского стрелкового полка. Оказывается, оркестр этого полка расформиро-вали и должны были создать новый коллектив. Вот маэстро и говорит: "Ребята, есть возможность всей командой перейти на добровольных началах в Первый полк. Если согласны, изберите своих представите-лей для переговоров с командованием полка. Они согласны на встечу".

В числе троих ребят был избран и я — совсем маленький ростом, да и шел мне всего только шестнадцатый год. Принял нас комиссар полка Мусаелян (родной брат героя майских событий Мусаеляна). Ребята застеснялись, промолчали, а я набрался смелости, выступил и рассказал обо всем. И просил, чтобы в случае зачисления в полк, нам разрешили продолжать учебу...

Командир полка, человек огромного роста, очень красивый мужчина (кажется, по фамилии Худобашев), поговорил с комиссаром, посмеялся, но в общем мы договорились, что музыкантская команда из приюта полным составом перебирается в Первый армянский стрел-ковый полк. Было это в 1923 году".(2)

Столь обширная цитата неслучайна: повествование Завена Вар-таняна в чем-то типично для музыкальной жизни тех лет. Последую-щие четыре с половиной года жизни юноши прошли в духовых воен-ных оркестрах Армении, большей частью, под руководством В.А.Шперлинга. Был освоен типичный для военных оркестров репер-туар: марши, танцы, попури...

Тот же Вильгельм Шперлинг содействовал поступлению подаю-щего надежды кларнетиста в Ереванскую консерваторию, на отде-ление техникума.

Об острой востребованности духовиков свидетельствует факт зачисления Завена Вартамяна в симфонический оркестр Ереванской консерватории с первых же дней его студенческой жизни. На фотографии 1927 года, где зафиксированы оркестр и хор Ереванской консерватории, Завен сидит в своей излюбленной позе на земле с неразлучным кларнетом в руках. Здесь же видим его педагога по классу кларнета, концертмейстера группы Степана Моисеевича Довганя и второго кларнетиста оркестра Вартама Вартамяна (имевшего оригинальное прозвище "*сухой Вартаман*"). В этом составе тройка кларнетистов участвовала в концертах оркестра консерватории под управлением Александра Спендиарова, а также ректора консерватории, композитора и дирижера А.Г.Тер-Гевондяна и других руководителей (музыкой Спендиарова Завен увлекался с молодых лет).

Впоследствии, уже будучи студентом Ленинградской консерватории, Завен постоянно приезжал на каникулы в Ереван и участвовал в "Летних симфонических сезонах" консерваторского оркестра, приглашая к участию также своих ленинградских друзей-студентов.

Исключительно быстро развивался Завен и как исполнитель-кларнетист. В 1928 году мы встречаем его имя в показательном концерте Ереванской консерватории в Доме культуры. Была исполнена Фантазия Рейзингера. Годом ранее Завен выступил в том же зале в камерном концерте класса Михаила Малунциана. Было исполнено сложное по профессиональным задачам кларнетное Трио В-дур Бетховена (исполнители: Марианна Айвазян, фортепиано, Завен Вартамян, кларнет и Корюн Ананян, виолончель).

Так определилась первая специальность Завена Вартамяна. С поступлением в Ленинградскую консерваторию к ней прибавилась специальность музыковеда.

В Ленинграде руководителем Завена Вартамяна по классу кларнета стал профессор Анатолий Васильевич Березин¹. Годы спустя А.В.Березин дал Завену следующую характеристику: "Прошло

¹ А.В.Березин родился в 1889г. в Петербурге. В 1905г. окончил музыкальную школу Балтийского флота, в 1913г. — Петербургскую консерваторию (класс В.Бреккера). В 1912-18гг. артист оркестра театра Музыкальной драмы, в 1918-31гг. солист оркестра Ленинградского Малого оперного театра. В 1926-60гг. преподаватель Ленинградской консерватории (с 1940г. — профессор). А.В.Березин скончался в 1968 году.

более тридцати лет, но в памяти сохранился облик активного, темпераментного Завена, влюбленного в музыку, неразлучного со своим инструментом. Уроки с ним доставляли огромное удовлетворение. Главным его достоинством было стремление овладеть исполнительским искусством, и его труды увенчались успехом.

Помнится, в 30-х годах С.А.Самосуд разучивал со студенческим оркестром Шестую симфонию Чайковского. Вдруг резким жестом "снял" громкое звучание и слушал, как играет Вартанян. Густые, бархатистые, глубокие и волнующие звуки, интерпретация партии кларнета явно пришлись по душе замечательному дирижеру. "Обратите внимание на этого ученика, присылайте его на все мои репетиции", — сказал Самосуд¹.

В 1935 году А.В.Березин начал готовить свой класс ко Второму всесоюзному конкурсу музыкантов-исполнителей, который должен был состояться в Ленинграде.

Напомним, что Первый всесоюзный конкурс (духовики в нем не участвовали) был проведен в 1933 году. Тогда — впервые среди армянских музыкантов — звания лауреата удостоился виолончелист Артемий Айвазян (3-я премия). Второй же конкурс принес успех сразу троим армянским исполнителям. Среди скрипачей 2-ю премию завоевал Авет Gabriелян (1-я была присуждена Давиду Ойстраху). Среди фаготистов 3-ю премию завоевал Андраник Галустян.

На конкурсе 1935 года кларнетисты были представлены двумя сильными школами — московской (проф.Сергей Васильевич Розанов) и ленинградской (проф.Анатолий Васильевич Березин). Завену Вартаняну предстояло соревнование с сильнейшими представителями молодого поколения кларнетистов СССР. Премии были распределены следующим образом:

1-я премия

Александр Володин, Москва, в момент конкурса — артист Персимфанса.

Владимир Генслер, Ленинград, в момент конкурса — солист Заслуженного коллектива, симфонического оркестра Ленинградской филармонии.

¹ Цит.по кн.: С.Болотин. Биографический словарь музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Л., 1969, стр.140.

2-я премия

Александр Штарк, Москва, в момент конкурса — солист Гос.симфонического оркестра СССР.

Давид Райтер, Ленинград, в момент конкурса — артист Ленинградского театра оперы и балета им.Кирова.

3-я премия

Завен Вартанян, Ереван, в момент конкурса — студент 4-го курса Ленинградской консерватории.

Таким образом, Завен Вартанян вошел в пятерку сильнейших. Это была победа!

В прессе появилось немало статей, освещающих ход конкурса. В "Красной газете" (Ленинград, 04.03.1935) было опубликовано интервью с Завеном Вартаняном (первое в его жизни):

Триумф Советской музыкальной культуры

Тов. Вартанян (Армения)

награжден 3-й премией

"Я вырос без родителей, был беспризорником и воспитывался, в основном, в комсомоле. Мое музыкальное образование началось с приюта, где я жил. Там я начал играть в духовом оркестре.

В 1927 году я поступил в Ереванскую консерваторию. Через два года ЦК комсомола откомандировал меня в Ленинград на учебу. Ленинградская консерватория дала мне очень много.

У меня нет слов передать грандиозные впечатления от конкурса. На этом конкурсе был представлен весь цвет Союза как в смысле исполнительских кадров, так и по составу жюри. Это был триумф советской музыкальной культуры.

Наш смотр показал, что мы умеем не только хорошо играть, но и овладевать по-настоящему широко и глубоко культурным наследием буржуазии.

А если посмотреть на подрастающее поколение, то, честно говоря, трудно себе даже представить, что будет через пять лет.

Ни одна страна не может мечтать о таком грандиозном росте! [везде подчеркнуто автором интервью — А.Б.].

В газете “Ленинградская правда” (04.03.1935) в статье “Молодые мастера музыки” корреспондент В.Дружинин пишет: “З.Вартанян — кларнетист-виртуоз. Мы слышали его игру на втором туре. Он с большим мастерством, с большим чувством играл произведения своей родины — с лирической теплотой, но без грусти”.

Одним из этих произведений была “Поэма” для кларнета талантливого ленинградского композитора, — студента Х.С.Кушнарева, — Туника Оганесяна. Будучи с Туником в тесных дружеских отношениях, Завен попросил его написать “Поэму” для кларнета и стал ее первым исполнителем и убежденным пропагандистом.

На конкурсе Ленинградского отделения Союза композиторов на лучшее исполнение инструментального произведения Завену, как исполнителю “Поэмы” Оганесяна, была присуждена 3-я премия. Кстати, 1-я премия не была присуждена, а 2-й премии был удостоен друг Завена, скрипач Акоп Ханджян, исполнивший также произведение Т.Оганесяна — “Колыбельную и Танец”.

По переезде в Ереван в своем первом сольном концерте в Малом зале Армфилармонии (14.05.1938) Завен Вартанян в числе прочих произведений исполнил также поэму Туника Оганесяна. В концерте принял участие уже упомянутый Акоп Ханджян. Отметим, что это был первый известный нам сольный концерт исполнителя-духовика в Армении вообще.

Одно из ответственных выступлений З.Вартаняна связано с Заключительным концертом Декады армянского искусства и литературы в Москве, в Большом театре СССР, 29 октября 1939 года. Директор Армфилармонии З.Вартанян при составлении программы этого концерта счел возможным включить в нее собственное выступление в ряду с такими мастерами, как квартет им.Комитаса, певцы Айкануш Даниелян, Татевик Сазандарян, Павел Лисициан, Шара Тальян, виолончелист Артемий Айвазян, пианист Арам Татулян и мастер художественного слова Сурен Кочарян. Это был своего рода парад высококлассных армянских исполнителей, образовавший сердцевину второго отделения концерта.

Как уже говорилось, Заключительный концерт был принят восторженно. Газета "Правда" (05.11.1939) сообщала: "Декада армянского искусства прошла с исключительным успехом. Она явилась яркой демонстрацией расцвета национальной культуры".

На Заключительном концерте присутствовало все руководство Страны Советов во главе с И.В.Сталиным.

Указом Президиума Верховного Совета СССР (от 04.11.1939) "за выдающиеся заслуги в развитии театральной и музыкальной культуры и воспитании национальных художественных кадров" были награждены: орденом Ленина – Армянский государственный театр оперы и балета им.А.А.Спендиарова и орденом Трудового Красного Знамени – Армянская государственная филармония. Орденом Трудового Красного Знамени был награжден и директор Армфилармонии Завен Вартанян.

В 1940 году З.Г.Вартаняну было присвоено почетное звание Заслуженного артиста Армянской ССР. Поздравляя его, Первый секретарь ЦК КПА Г.А.Арутюнян сказал: "Я лично очень хочу, чтобы ты всю жизнь помнил, что ты великолепный артист". (4)

Перегруженность общественной работой постепенно отодвинула на второй план исполнительскую деятельность З.Г.Вартаняна. Этого с присущей ему дальновидностью боялся еще Христофор Степанович Кушнарев (письмо от 22.08.1937): "Одного лишь опасаясь, как бы Вы не забросили Ваш инструмент. При неблагоприятных условиях в Ереване для Вашего исполнительства легко может случиться, что важные дела музыкального фронта незаметно отодвинут Ваше исполнительство на второй план, и чем дальше, тем труднее будет Вам к нему вернуться. А это будет весьма досадно: пропадет *большая художественная ценность*" [курсив мой – А.Б.].

Сразу по возвращении из Ленинграда З.Вартанян был принят на работу в Ереванскую консерваторию. С 1936 по 1945 годы он вел здесь класс кларнета (параллельно классу своего первого учителя С.М.Довганя). Некоторое время он заведовал отделением духовых инструментов консерватории, но затем передал руководство Татулу Алтуняну, также воспитаннику Ленинградской консерватории, в пос-

ледствии известному хормейстеру, начавшему свою деятельность как гобоист.

По свидетельству профессора М.В.Хачатряна, на уроках Варта-няна всегда было многолюдно. Сюда приходили учащиеся и препода-ватели смежных факультетов (не только духовики) послушать игру в классе замечательного кларнетиста (Завен Гевондович всегда играл для них с удовольствием). В его классе обучались музыканты, впо-следствии отлично зарекомендовавшие себя в исполнительстве и педагогике. В их числе Заслуженные артисты Армении Левон Му-тафян, Вруйр Азарян, Мкртыч Тулакян, солист филармонического ор-кестра Армении Гегам Флджян и другие.

О занятиях в классе З.Г.Вартаняна вспоминает его воспитанник, профессор М.Тулакян: "Атмосфера занятий в классе Завена Гевондо-вича была необычной: уроки наши проходили всегда прилюдно: их посещали многие студенты и педагоги, что заставляло нас подтя-гиваться и воспитывало в нас чувство особенной ответственности. Не заниматься в его классе было просто невозможно.

Сейчас я думаю о том, что игра Завена Гевондовича в классе была для него своеобразной отдушиной и редкой счастливой возмож-ностью общения со своим инструментом (при сверхнасыщенной рабо-те его на нескольких руководящих должностях уделить другое время кларнету было попросту невозможно). Игра его была поистине заме-чательной: музыкальность, бархатистый, тембристый звук, глубокое звучание "pp", виртуозная техника, разнообразный репертуар – все это было привлекательно, свежо и необычно.

Завен Гевондович учил нас быстро ориентироваться в материа-ле и "не застревать на месте": изучая одно произведение, мы обычно уже имели в перспективе другое (учебный и концертный репертуар он знал превосходно!) От урока к уроку задавал нам тройную партию этюдов ("Сейчас трудно, но потом не будете иметь проблем", – любил повторять он). Незаменяемым материалом для художественного роста кларнетиста он считал произведения Вебера. Ценил и часто задавал ученикам "Поэму" Роберта Атаяна (своего любимого студента по музыковедческому отделению консерватории).

Завен Гевондович прививал нам мысль о нашем "оркестровом будущем". С пристрастием относился он к роли кларнета (и вообще, деревянных духовых инструментов) в оркестре. "Лицо симфоничес-

кого оркестра определяет его деревянно-духовая группа", – говорил он убежденно.

Педагог следил за нашим обязательным посещением симфонических концертов и оперных спектаклей (благодаря ему, мы имели возможность беспрепятственного посещения и того, и другого).

Несмотря на огромную загруженность административными делами, Завен Гевондович не пропускал занятий и был исключительно пунктуален. "Срыв" произошел после автомобильной аварии, следствием которой был перелом его ноги. Всем классом посещали мы его в больнице. Он и здесь умудрялся работать и всегда был окружен сослуживцами, приходившими к нему за указаниями. Он не переставал интересоваться нашими достижениями, глубоко переживал наши, как ему казалось, заниженные оценки, полученные на экзамене в его отсутствие.

Вскоре после этого Завен Гевондович приостановил работу в классе кларнета, оставив за собой преподавание только на музыкально-ведческом отделении".

Для кларнета З.Вартанян написал этюд в сопровождении фортепиано (издан в 1946 году в Ереване под редакцией К.С.Сараджева).

В архиве З.Вартаняна сохранился конспект предполагаемой статьи (исследования): "Проблема воспитания кадров духовиков и, в частности, кларнетистов".

В разделе "Духовые инструменты" предусматривалось рассмотрение следующих вопросов:

- процесс возникновения и становления духовых инструментов с древнейших времен до наших дней
- функция, место и значение духовых инструментов в настоящее время (в оркестре, в ансамбле, соло)
- проблема воспитания кадров духовиков
- практика отбора и прохождения художественного материала
- проблема создания нового репертуара
- проблема дыхания у духовиков
- сравнительный анализ "духовики – вокалисты"
- проблема звука у духовиков
- проблема техники у духовиков.

В разделе "Кларнет" предполагалось рассмотрение вопросов:

- историческая справка об изобретении кларнета и его дальнейшему усовершенствованию
- композиторы — авторы произведений для кларнета
- специфика кларнета в сравнении с другими духовыми инструментами
- проблема звука ("вокальное раскрытие" кларнета)
- проблема специфической техники кларнета и использование скрипичной техники
- проблема дыхания и легато
- об особенностях московской и ленинградской кларнетных школ.

Постановка вопроса заслуживает внимания. Несомненно, З.Вартанян имел что сказать по каждой из затронутых проблем. Все это было им освоено на практике, "проведено через себя" в поиске оптимальных решений, по возможности использовано в исполнительской и педагогической работе.

О дальнейшей судьбе этого интересного проекта, к сожалению, сведений не сохранилось.

Деятельность З.Г.Вартаняна-кларнетиста не самая пространная, но, несомненно, яркая, хотя и не получившая желаемого развития, область его многогранной работы. По ряду параметров (высокий уровень исполнительского мастерства, успешное участие во Всесоюзном конкурсе, достижения в подготовке кадров кларнетистов, оригинальный проект исследования вопросов истории и теории духового (кларнетного) исполнительства) деятельность З.Вартаняна представляет интерес в ракурсе общего развития армянской духовой инструментальной культуры.

б) Организатор музыкаведческого отделения Ереванской консерватории

В канву бурной деятельности Вартаняна как руководителя и организатора отдельной нитью вплетается его работа педагога-музыковеда. Вклад его в эту область по-своему значителен и заслуживает отдельного рассмотрения.

Профессиональный музыковед, воспитанник известного ученого, профессора Р.И.Грубера, Завен Вартанян являлся носителем асафьевской традиции. Прошедший в Ленинграде полный курс музыковедческих дисциплин, он с большой остротой чувствовал необходимость создания в Ереванской консерватории музыковедческого отделения и подготовки национальных кадров музыковедов.

Эту идею горячо поддержали соученик Вартаняна по классу Р.И.Грубера – Константин Ефремович Мелик-Вртанесян и ректор Ереванской консерватории – известный общественный деятель (и ближайший друг З.Г.Вартаняна) Самсон Гаспарович Гаспарян.

В короткий срок были задействованы первая, а затем и вторая группы будущих музыковедов, организованы занятия по полному циклу музыковедческих дисциплин.

Будущие музыковеды чувствовали постоянную поддержку профессора Ленинградской консерватории Христофора Степановича Кушнарева, впоследствии – вместе с Г.Г.Тиграновым – возглавившего работу с аспирантами в Академии наук Армении.

Музыковеды уже первых, а затем и последующих выпусков заняли ведущее место в культурной жизни и музыковедческой науке Армении. Достаточно назвать имена Роберта Атаяна, Анны Барсамян, Матевоса Мурадяна, Маргариты Арутюнян, Терезы Аразян, Изабеллы Еолян, Геворка Геодакяна и многих других.

Организация музыковедческого отделения совпала с периодом усиления творческих связей Ереванской консерватории с Ленинградской консерваторией.

В книге-альбоме “Ереванская государственная консерватория имени Комитаса – 85” (Е., 2008г.), в разделе “Ось Ереван – Ленинград” сказано: “Содружество это сыграло неоценимую роль в поднятии профессионального уровня Ереванской консерватории. Надежными гарантами этой связи стали профессора Х.С.Кушнарев и Г.Г.Тигранов”.

Здесь же дается текст телеграмм:

Ленинград, консерватория, проректору

Штейнбергу, 27 апреля 1938 года

Приветствуем Вашу готовность взять

шефство над Ереванской консерваторией

Ректор Гаспарян

*Ереван, консерватория, ректору Гаспаряну,
10 мая 1938 года*

*Рады принять шефство. О подробностях
договоритесь с профессором Кушнаревым*

Проректор Штейнберг

Газета "Коммунист" (Ереван, апрель 1939г.) в статье "Шефство Ленинградской ордена Ленина госконсерватории над Ереванской госконсерваторией" дает своеобразную панораму уже первых лет этого содружества:

"[...] С осени 1938 года в Ереван приезжали профессор-орденоносец М.Штейнберг, который провел в консерватории консультационную работу, профессор С.Гинзбург, прочитавший цикл лекций и докладов на тему об истории армянской музыки, профессор Х.С.Кушнарев провел занятия с композиторами и лекции с историко-теоретиками.

В январе из Еревана в Ленинград выехала группа студентов историко-теоретиков и композиторов в числе 12 человек. Для них был специально организован цикл лекций и показов, причем в этой работе приняли участие лучшие музыковедческие силы Ленинграда. Вот уже полтора месяца, как профессор Х.С.Кушнарев в свой второй приезд проводит лекции по полифонии.

Приветствуя прекрасное начинание Ленинградской консерватории, пожелаем, чтобы связь ее с нашей консерваторией, связь с музыкальной культурой великого русского народа еще более развивалась и крепла".

Свидетельствует профессор А.А.Барсамян: "Когда в 1937 году Завен Гевондович вместе со своим ленинградским соучеником Константином Ефремовичем Мелик-Вртанесяном основал музыковедческое отделение нашей консерватории, я была первой, подавшей заявление. Это вызвало недовольство моего педагога по фортепиано Ольги Айрапетовны Бабасян, сокрушавшейся: "как это я не посоветовалась с ней". Наш первый "набор" музыковедов составляли: Роберт Атаян, Матевос Мурадян, Карине Григорян, Цицилия Брутян, Ашик (Аршалуйс) Джанибекян, Бахтик Сильванян и Мария (Маник) Тонян.

Занятия с нами были продуманы до мелочей. Помимо чисто музыковедческих дисциплин большое внимание уделялось занятиям

по изобразительному искусству (их у нас вел Рубен Драмбян, часто водивший нас в организованную им первую армянскую картинную галерею). Прекрасный специалист Гайк Гюликехвян увлекательно вел курсы эстетики и всеобщей литературы, включая Данте, Шекспира и т.д. Во время своих приездов из Ленинграда читал нам лекции по полифонии строгого письма Христофор Степанович Кушнарев (после его лекций мы по-новому стали ощущать закономерности полифонии). Историю музыки нам читала ленинградка Наталья Розова, специально приезжавшая в Ереван на лекции. Незабываемы были уроки Георгия Григорьевича Тигранова, который начиная с военных лет состоял профессором и Ленинградской, и Ереванской консерваторий. Курс анализа музыкальных форм очень интересно вел бывший ленинградец Сергей Владимирович Коптев. Он был нашим ровесником, и у нас установились теплые дружеские отношения. Константин Мелик-Вртанесян уделял большое внимание глубокому знанию музыкальной литературы (в условиях полного отсутствия средств звукозаписи музыкальный материал иллюстрировала наша любимица Ольга Николаевна Вагенгейм). Сам Завен Гевондович читал нам на армянском языке курс всеобщей истории музыки, привлекая материал также из творчества Комитаса, Спендиарова и других армянских композиторов. Он руководил и дипломными работами студентов. Я была его первой дипломницей с темой: "Ромео и Джульетта" Чайковского. К.С.Сараджев после защиты подошел ко мне с предложением поделиться материалами по неоднократной переработке Чайковским этого произведения.

Возвращаясь к личности Завена Гевондовича Вартаняна, не могу не сказать, что он не остался в стороне от определенных идеологических догм. Несмотря ни на что, наши с ним отношения всегда были исключительно плодотворны и полезны для меня и не прекратились после его переезда на работу в Москву. Он часто бывал в Доме культуры Советской Армении в Москве, интересуясь успехами проживающих в общежитии ДКЦА десятков своих подопечных. Задумав с Маргаритой Арутюнян труд по истории армянской музыки, мы решили обратиться за советом к Завену Гевондовичу, который принял нас в своем кабинете в аппарате ЦК КПСС и помог в нашей просьбе.

Целое поколение молодых деятелей армянского искусства должно быть бесконечно признательно Завену Вартаняну за его заботу".

Воспоминаниями делится профессор Т.М.Аразян: "Завен Гевондович Вартанян запомнился как неутомимый, энергичный деятель — организатор музыкальной жизни, прекрасный кларнетист и, конечно, музыковед, проявивший себя в самых разных областях этой многоохватной науки.

Он был постоянно в движении, его волновали всевозможные проблемы музыкальной действительности. Занимая высокие должности, он интересовался возникающими проблемами не по долгу службы, а по велению сердца, считая себя ответственным за все и инициативно руководя решением сотен вопросов. Он умел держать в поле зрения всю панораму музыкальной жизни Армении, вникал в суть вопроса и защищал свои позиции заинтересованно, активно и убежденно.

Первая группа студентов-музыковедов была собрана в 1937 году из учащихся исполнительских отделений Ереванской консерватории, проявивших интерес к музыкознанию. Вторую группу (1938 год) образовали: Маргарита Арутюнян, Тереза Аразян, Седа Тацян, Джульетта Алавердян, Джемма Саркисян, Аракс Мартиросян.

Лекции нам читал и индивидуальные занятия вел сам Завен Гевондович. Он прекрасно ориентировался в вопросах истории музыки — зарубежной и русской, но особое внимание уделял истории армянской музыки (курс ее тогда еще не был полностью разработан). Многие темы он связывал с творчеством Комитаса и армянской народной музыкой.

Перегруженность организационной работой Завена Гевондовича была такова, что он мог заниматься с нами только по воскресеньям (в этот день он находился в консерватории с утра до вечера).

Завен Гевондович не ущемлял инициативу студентов, умел нас воодушевить. Он не был категоричен в своих суждениях ("Может быть", — часто говорил он, предоставляя нам самим искать ответы на возникающие вопросы).

Атмосфера дружеского общения царила на его уроках, и мы под впечатлением встреч с ним спешили домой, стремясь как можно

скорее выполнить задания педагога. Каждый раз мы с нетерпением ждали воскресенья.

Завен Гевондович искренне привязывался к своим воспитанникам, был к нам внимателен и после своего переезда на работу в Москву (во время наших посещений столицы снабжал нас билетами в театр и филармонию).

Роль Завена Гевондовича в организации и развитии музыковедческого отделения Ереванской консерватории незабываема. Она еще ждет своей достойной оценки".

В декабре 1946 года произошло знаменательное событие: по ходатайству Управления по делам искусств при правительстве Армении (начальник Управления – Завен Вартанян) и руководства консерватории (ректор – Константин Сараджев) Ереванской консерватории было присвоено имя великого Комитаса.

в) Публицист

Музыкально-организационная и педагогическая работа обозначила лишь одну из сторон деятельности З.Вартаняна как музыковеда. Другую грань определили его публикации в прессе (со времени обучения в Ленинградской консерватории вплоть до последних месяцев жизни)¹.

Выделим некоторые подгруппы:

а) *Статьи-монографии*, посвященные творчеству конкретных лиц (сюда же отнесем *рецензии на концерты и театральные постановки*). Круг имен здесь достаточно обширен, как разнообразны и стимулы к публикации той или иной статьи. В центре внимания – произведения армянских композиторов и примечательные явления культурной жизни Армении 1930-1940-х годов. Приведем заголовки лишь некоторых статей: "Хоровое наследие Комитаса", "Н.Ф.Тигранян", "Великий армянский композитор [А.А.Спендиаров]", "Песни Ашота Сатяна", "О балете "Анаит" А.Тер-Гевондяна", "Несколько замечаний о постановке "Севильского цирюльника" в Ереване" и т.д.

¹ Указатель публикаций З.Г.Вартаняна приведен в Приложении 2 настоящей работы.

Адресованные широкому читателю, статьи эти информативно насыщены, написаны доступным языком. Как правило, они содержат критические суждения автора.

Особняком стоят очерки о деятельности Армфилармонии и творческом пути квартета им.Комитаса, написанные к Декаде армянского искусства и литературы в Москве. Они вошли в содержательный сборник "Армянская государственная филармония" (Е., 1939), составленный З.Вартаняном в соавторстве с А.Каратовым.

б) *Статьи обобщающего, проблемного характера.* Некоторые из них написаны на основе докладов, зачитанных Вартаняном на совещаниях, пленумах, съездах и т.п. На этих форумах З.Г.Вартанян выступал как официальное лицо, представляющее правительственные, партийные и иные руководящие структуры.

Привлекает внимание отличная информированность З.Вартаняна, умение держать в поле зрения большие пласты музыкальной жизни. Его критические замечания, как правило, действенны, конкретны и высказываются "невзирая на лица". В этом смысле он действовал смело, чем и нажил себе недоброжелателей.

Вновь приведем характерные наименования статей: "О воспитании молодых музыкантов", "Навести порядок в работе Московской филармонии", "Музыкальный театр в строю", "После конкурса имени Чайковского" и т.д.

Естественный для того времени налет идеологизма, обусловленный "директивным" началом этих выступлений, компенсируется живостью изложения, искренней увлеченностью автора и честностью занятой позиции. Это не "указания сверху", а убежденность оратора-публициста.

Добавим, что каждый такой форум тщательно подготавливался, собирался обширный материал, вслед за тем делались выводы, в свою очередь долженствующие воздействовать на развитие данной области культуры. Завен Вартанян хорошо ощущал значение этих форумов и предвидел пользу, приносимую каждым из них.

Его выступления не утратили своего значения. Они и сегодня читаются с интересом, как живое свидетельство своего времени.

в) *Статьи-интервью.* Их множество, в соответствии с нескончаемыми инициативами З.Вартаняна. Здесь и интервью-анонсы (к предстоящим событиям), и интервью-обобщения по итогам проведен-

ных мероприятий. Богатством фактологического материала выделяются интервью после конкурсов им. Чайковского и "феерических" фестивалей советской музыки в США, Англии и других странах.

Для многих неожиданностью было обращение З. Вартаняна к созданию оперных либретто. Его первый (и удавшийся!) опыт в этом амплуа был опубликован в журнале "Советская музыка" (1955, N4) под названием "Песнь о земле". В редакционном предисловии сказано: "В работе композиторов над оперой одной из помех является недостаток литературных сценариев. Редакция публикует в виде опыта оперный сценарий "Песнь о земле", написанный музыковедом и драматургом З. Вартаняном по мотивам романа писателя Наири Заряна "Ацаван".

Стихи — поэта Л. Озерова.

Предлагаемый сценарий может быть свободно развит композитором и либреттистом. Стихи Л. Озерова могут быть также использованы для сочинения самостоятельных арий и песен".

Впоследствии этот материал был доработан З. Вартаняном в соавторстве с писателем Гургеном Боряном и получил наименование "Арцваберд" (Орлиная крепость).

Талантливый композитор Андрей Бабаев создал на этой основе оперу. Постановка ее состоялась в Ереване (1957), а затем — в Донецке, Казани и Свердловске. Клавир был издан в Москве в 1967 году (русский текст — А. Машистова).

"Опера "Арцваберд" является огромным достижением нашей музыкальной культуры", — говорилось в приветствии Союза композиторов Армении, направленном Андрею Бабаеву.

Второй опыт по созданию либретто был предпринят Вартаняном вновь в соавторстве с Гургеном Боряном. Материалом послужила пьеса "Дядя Багдасар" классика армянской литературы Акопа Пароняна. За написание оперы вновь взялся Андрей Бабаев, однако его преждевременная смерть в 1964 году прервала работу над произведением. Опера была завершена композитором Дживаном Тер-Татевосяном. Она все еще ждет своего сценического воплощения.

Третий опыт создания оперного либретто ("Ашуг Габиб Ленкоранский") Завен Вартанян предпринял, имея в виду композитора Султана Гаджибекова. Дальнейшая судьба этого либретто нам не известна.

По договоренности с композитором Сергеем Баласаняном З.Вартанян начинает писать для него либретто по пьесе Ашота Шайбона "Мечта".

"Два месяца трудился день и ночь, наметил схему всей оперы, написал пролог и эпилог, ввел в либретто множество новых эпизодов и сцен. Однако, когда возник разговор о моем соавторстве с Шайбоном, последний предложил мне быть... консультантом. Я, конечно, не согласился и, вручив ему все мною сделанное, отошел от дела", — с горечью пишет З.Вартанян своему другу Самсону Гаспаряну. По имеющимся данным, работа над произведением на этом завершилась.

В архиве З.Г.Вартаняна сохранился написанный им сценарий балета по мотивам поэмы Д.Варужана "Наложница". На титульном листе указано: "Назеник", хореографическая повесть в двух актах, шести картинах, с прологом и эпилогом".

Возможно, что этот сценарий был предназначен композитору Ваагну Арапатьяну, задумавшему балет на ту же тему.

Обращение З.Вартаняна к драматическому театру произошло по инициативе Первого секретаря ЦК Компартии Армении Г.А.Арутюняна. "Однажды, уже во время моей работы в Москве, Григорий Артемьевич мне сказал: "Приближается 100-летие Микаэла Налбандяна. Мне очень хочется отметить эту дату. Это одна из тех очень важных нитей, которая связывает армянское революционное движение с русским революционным движением. Выбор жанра за тобой. Имей в виду, что ты получил заказ на создание произведения о Микаэле Налбандяне".

С этого времени я не имел покоя. Перерыл огромный архив. Я всегда очень любил драматургию, чувствовал ее, много читал, естественно, хорошо знал драматический театр. И меня потянуло написать драму. Революционно-романтическую драму о М.Налбандяне, о его русских друзьях, о его деятельности, его мытарствах и трагической гибели. Работа у меня шла очень успешно. К тому времени юбилей приближался, в Армении появились еще пять или шесть пьес на ту же тему. Авторитетная комиссия ЦК выделила две пьесы: Александра Араксманяна и мою.

Григорий Артемьевич сказал: "Я знаю Завена. Он не обидится. Позвоните ему, что я прошу его встретиться с Араксманяном и совместно, на основе двух пьес, сделать новый единый вариант. Я думаю, что Завен поймет". Так оно и получилось. Все лучшее из той и другой пьесы мы отбирали, корректировали, приводили в порядок, дописывали заново, писали новые картины, и пьеса была готова. Вскоре, к юбилейным дням, один из самых талантливых режиссеров Армении Вартан Аджемян поставил пьесу на сцене сундукяновского театра.

Скажу откровенно: успех был невероятный. Ереван выдержал сто аншлагов.

Приезжали смотреть спектакль не только из близлежащих колхозов, рабочих районов, поселков, но и из отдаленных уголков республики. Это было очень приятно, и в один из приездов в Москву Григорий Артемьевич очень тепло поздравил меня с дебютом на драматической сцене". (4)

В литературном наследии Завена Вартаняна особняком стоят его Автобиография и воспоминания:

- "Университеты жизни"
- "Монолог с матерью"
- "Григорий Артемьевич Арутюнян".

Первые два из них — типичные эссе, написанные искренне, взволнованно, живо рассказывающие о тяжелейшем детстве и о последующем творческом пути автора.

В общественном значении наиболее интересны его воспоминания о Григории Артемьевиче Арутюняне. Точными определениями Вартанян характеризует Г.А.Арутюняна как крупного общественного деятеля, талантливого руководителя, большого патриота, чуткого, внимательного и сердечного человека. Приводится множество интереснейших фактов, связанных со строительством культурной жизни Армении тех лет.

Публикация этих воспоминаний, несомненно, дополнит предпринятую в последнее время благодарную работу по изучению и объек-

тивной оценке исключительных заслуг Григория Артемьевича Арутюняна.

Фрагментом из воспоминаний З.Вартаняна завершим данную главу.

"Григорий Артемьевич Арутюнян сумел доказать, что он обладает всем необходимым и способен возглавить партийную организацию республики. Ему удалось постепенно нормализовать работу Бюро ЦК, Совета Министров, других важных ведомств республики. Многие способные люди были привлечены к активной работе. Подбирались кадры, могущие создать перелом во всех областях хозяйственной и общественно-политической жизни. И это было заметно для всех.

В республике началась большая творческая созидательная жизнь. Надо было вселить уверенность в нашем сегодняшнем и завтрашнем дне, поднять уровень производства промышленности, сельхозпродуктов, обеспечить выполнение государственных планов. Я бы сказал, что это удалось сделать Григорию Артемьевичу.

Своим умелым руководством он создал такую обстановку, когда люди стремились сделать что-то хорошее, что-то большое. Это была победа всей партийной организации республики и личная победа Григория Артемьевича.

Даже в трудные военные годы в хозяйственной жизни Армении происходили серьезные изменения в сторону улучшения, появлялись новые объекты, новые производства.

Это было здорово!

В послевоенные годы развернулась невероятно живая работа во всех областях строительства, в т.ч. и в области культуры. Армянская интеллигенция признала Григория Артемьевича как достойного руководителя нашей древней страны и нашей древней культуры.

Я знаю, как люди с доверием шли к нему, обсуждали свои проблемы, как он вызывал отдельные группы интеллигенции и с ними советовался по тем или иным важным вопросам истории и культуры республики.

Известно, что в истории Армении был еще один Григорий – Григорий Просветитель. Григория Артемьевича Арутюняна с большим удовольствием называли Григорием Строителем.

И это было правильно!"

Глава пятая

“Почерк Завена...”

(черты человека, музыканта, организатора)

Завен Вартанян — личность непростая. В нем удивительным образом сочетались качества прекрасного исполнителя-кларнетиста, проницательного педагога и, конечно, прирожденного общественного деятеля и организатора культурной жизни.

Формально, деятельность З.Вартаняна подразделяется на два крупных периода, условно говоря: “армянский” — и “всесоюзный”. По существу же эти периоды взаимно связаны: все лучшее, приобретенное в Армении, было в дальнейшем задействовано при работе в Москве. Неизмеримо увеличился лишь масштаб этой деятельности, на этот раз связанный с охватом всех союзных республик.

Деятельность Вартаняна, как и каждой действительно крупной личности, определялась не только особенностями окружающей среды, но и его яркой и своеобразной индивидуальностью.

Его характер сформировался под воздействием сложных пересекающихся факторов, в контакте со многими очень не похожими друг на друга лицами — начиная с почти криминальной среды беспризорничества и кончая должностями управленческого аппарата ЦК КПСС и Министерства культуры СССР.

Тяжелейшее детство — армия — техникум Ереванской консерватории — рабфак и консерватория в Ленинграде — РАПМ — Союз композиторов — многоступенчатая руководящая работа в Ереване — приглашение, поступившее из Москвы, — деятельность на ответственных участках организационной и идеологической работы в аппарате ЦК и Министерстве культуры СССР — таков пунктир пути Завена Вартаняна.

Деятельность его в сложнейший период “идеологического прессинга” партийных инстанций выявила тот сложный сплав, который можно без колебаний назвать *индивидуальным стилем* Завена Вартаняна.

В числе выдающихся личностей, несомненно, оставивших след в формировании характера и взглядов Вартаняна, должны быть названы Вильгельм Шперлинг, профессора Ленинградской консерватории Анатолий Васильевич Березин, Роман Ильич Грубер, Христофор

Степанович Кушнарв, Первый секретарь ЦК Компартии Армении Григорий Артемьевич Арутюнян. В Москве, по всей видимости, воздействие на Вартаняна оказали блестящие организаторы: министр культуры СССР Екатерина Алексеевна Фурцева, председатель Союза композиторов СССР Тихон Николаевич Хренников и другие.

Легче всего было бы представить Завена Вартаняна как преданного исполнителя партийных директив, готового, очертя голову, бросаться из одной крайности в другую (именно таким он виделся в свое время людям его окружения, в частности, из среды ереванских коллег, почувствовавших резкую смену в характере действий З.Г.Вартаняна и утверждавших о воздействии на него "номенклатурных требований", "конъюнктурщины" и т.д.).

Разумеется, работник аппарата ЦК КПСС обязан был проявлять *полнейшую лояльность* в отношении курса партии, иначе ему попросту нечего было бы делать в этом аппарате.

Особенность З.Вартаняна в том, что он сумел сохранить здоровую основу своей натуры, достоинство, собственные взгляды, лучшие черты характера, которые устояли даже при перегибах непростой жизни того времени.

На характер деятельности З.Вартаняна, на мышление и стиль его работы, как нам представляется, оказала воздействие *концепция Декады армянского искусства и литературы в Москве (1939 год)*.

Идея Декады, принадлежавшая Первому секретарю ЦК КП Армении Г.А.Арутюняну, имела несколько важнейших составных:

а) *Общественное осознание* Декады как всенародной политической и художественной акции, нацеленной на обозримое будущее и имеющей точно поставленные цели и задачи, с обозначением конкретного рубежа, который предстояло завоевать.

б) *Мобилизующий характер* этой акции, охватывающей, по возможности, все слои художественного творчества республики с демонстрацией максимально высокого уровня участников, созданием недостающих коллективов и подтягиванием относительно отстающих до уровня передовых.

в) *Генеральный смотр* всех художественных сил республики с позиций современного искусства и суммирования исторических куль-

турных накоплений данной республики с их претворением на уровне современных возможностей и требований.

г) Собрание на *государственной территориальной основе* богатейших проявлений художественного творчества данного народа, рассредоточенных по многим странам мира и осознание этого богатства как неотъемлемой части единой художественной культуры страны.

д) *Репрезентирующий характер* мероприятий Декады: ее отчетные выступления в столице Союза ССР — Москве, в присутствии высшего руководства страны, как правительственное мероприятие, общесоюзная культурно-общественно-политическая акция, как смотр достижений *одной из союзных республик*.

е) Донесение достижений Декады до возможно более широких слоев народных масс — во всесоюзном масштабе. Доведение до сознания каждого общественно активного члена общества успеха Декады, как *завоевания культуры целого народа*.

ж) Использование достигнутого художественного уровня Декады, как плацдарма для завоевания новых высот.

Декада армянского искусства и литературы в Москве, как показало время, имела принципиальное значение не только для Армении, но и для многих союзных и автономных республик. По примеру армянской Декады строились программы аналогичных показов в Москве достижений других национальных культур Советского Союза. По "образцу Декады" создавались новые художественные коллективы в национальных республиках, заказывались оперы (в случае необходимости — с привлечением московских композиторов), писались произведения "к Декаде" и т.п.

Тем самым, армянская Декада стала своего рода *образцовой, эталонной*.

Конечно, в самой Армении после столь успешного и стремительного скачка нужно было время для его плавного заполнения, для постепенных новых творческих накоплений. Тормозом в движении вперед стало проявившееся у многих деятелей искусства чувство благодушия, покоя, удовлетворенности достигнутым.

Этого не мог не ощутить столь мудрый и опытный руководитель, как Г.А.Арутюнян. Уже к концу изнурительной войны, в 1944 году, им

были предприняты две новые "мобилизующие акции" – концерты армянской музыки в Москве и Декада музыки республик Закавказья. В начале 1950-х Г.А.Арутюнян *лично* начал прослушивать новые произведения на предмет организации второй Декады в Москве.

Смещение Г.А.Арутюняна с высшего поста в 1953 году не позволило ему довести до конца начатое дело.

Вторая Декада армянского искусства в Москве (1956г.) прошла при новом руководителе республики – Сурене Акоповиче Товмасыане. Она прошла организованно, с широким показом достижений Армении, и достигла своей цели.

Но не следует забывать, кто стоял у истоков Второй декады, как и то, что Вторая декада была сделана по образцу Первой.

Столь обширное отступление представляется нам необходимым, так как *концепция Декады* и ее отдельных ответвлений в дальнейшем неоднократно и очень прозрачно проявлялась в деятельности Завена Вартамяна как последователя общественно-художественных и организационных принципов Григория Артемьевича Арутюняна.

Из примечательных особенностей личности З.Вартамяна выделим некоторые:

Его обращенность к обществу, открытость во взаимоотношениях с людьми, необычайная активность и "чувство хозяина" во всем, что бы он ни делал.

З.Вартамяну в высокой степени были свойственны *масштабность мышления*, умение практически охватить огромный пласт культурной жизни, включающий в себя массу учреждений культуры, театральных и филармонических организаций, исполнительских коллективов, учебных заведений и т.д.

Его отличало *прекрасное владение ситуацией*, выражающееся в информированности о состоянии дел на местах, умении анализировать и четко представлять себе действительное положение вещей. Многочисленные доклады З.Вартамяна, по существу, представляют собою *профессиональные исследования состояния* в той или иной области культурной жизни.

Он умел *предвидеть тенденции развития* данной конкретной области, предопределить и направить это развитие по верному пути.

3. Вартанян многое сделал для усиления централизованного управления учреждениями или коллективами культуры при предоставлении им определенной автономии и права свободного выбора. При этом, он не поступался господствующими известными идеологическими нормами, но и не подавлял индивидуальность творческих работников.

Он умел держать подведомственные коллективы в подвижном состоянии, направлять их внимание на творческую работу, использовать соревновательное начало путем организации всесоюзных конкурсов и фестивалей, смотров на лучший коллектив, лучшее произведение и т.д..

3. Вартанян был одним из зачинателей конкурсной системы СССР, в то время только еще формировавшейся. Вокруг конкурса имени Чайковского была «выстроена» система всесоюзных и региональных конкурсов, позволяющих активизировать работу на местах и выявлять наиболее перспективные кадры, способные защищать честь Страны Советов на международных форумах — в СССР и за рубежом.

Свидетельствует С.А. Лушин: «Вартанян возродил Всесоюзный конкурс артистов эстрады, Всесоюзные конкурсы музыкантов-исполнителей, а в 1968 году на совещании у него в кабинете родилась идея учреждения международного конкурса артистов балета. Так родился конкурс, который и поныне дает театральному миру блестящих танцоров.

По идее Завена Гевондовича, как подготовка к конкурсу, стали проводиться Всесоюзные конкурсы артистов балета, причем в рамках его проходили конкурсы балетмейстеров на лучшие концертные номера, а по итогам было широкое обсуждение положения дел на балетном поприще».

Конструктивное, структурное начало в предложениях Завена Вартаняна, содержательность и четкость установок выгодно отличала его документацию от «общих рассуждений» и ненужного многословия, столь часто встречающихся в директивных материалах того времени. Содержание его предложений было, как правило, направлено на совершенствование (капитальное или частичное) имеющейся системы. Выделялось его умение выявлять устаревшие принципы и звенья и находить пути к их обновлению.

З.Вартанян знал по опыту, что изжили себя не сами декларации и директивы как таковые. Изжили себя, а потому и вызывали обратное действие непродуманные, тормозящие, а то и вредоносные предложения, заключавшиеся в этих директивах. Он помнил, что все новое неизбежно вызывает поначалу недоверие и негативную реакцию...

За рамками "глобальных" проблем З.Вартанян умел видеть *живой человеческий фактор*. Его знали и любили (иногда — "не очень!") сотни деятелей культурного фронта страны. Он умел выслушивать коллег и не стеснялся признавать свои ошибки. Старался использовать все ценное, высказанное сотрудниками (как здесь не вспомнить стиль работы Григория Артемьевича Арутюняна!)

Всесоюзные совещания проводились Вартаняном не ради "галочки". На этих форумах вырабатывалось коллективное мнение, учитывающее множественность предложений, выкристаллизовывался круг конкретных неотложных задач.

Люди это знали и чувствовали.

С.А.Лушин: "Завен Гевондович был очень простым и добрым. Не помню случая, чтобы за его спиной или в частных беседах кто-либо из сотрудников отдела сказал о нем дурное. Кличек ему не давали, но между собой, для краткости, звали Завен.

Он строил отношения с коллегами из республик исключительно на дружеской, товарищеской основе. Никакого "начальствования", чванства, ненужных поучений. И строго следил, чтобы этот стиль сохранял каждый наш сотрудник".

"Стиль руководства Завена" с годами стал нормой также для возглавляемого им Управления.

К несомненно замечательным качествам З.Вартаняна следует отнести его инициативность, всегда высокую активность и личную организованность, умение всегда "быть в форме" (в повседневном и творческом понимании этого слова).

Он не только выдвигал смелые идеи, конструктивные предложения, но и подсказывал реальные пути к их осуществлению и брал на себя *ответственность за все*. Это была ответственность за поданную идею, за анализ и обобщение, за выводы и рекомендации, за воплощение всего этого в жизнь во всесоюзном масштабе. Это также стало слагаемым стиля его работы.

Он умел работать с людьми, помогал им обнаружить скрытые потенциальные возможности вверенных им коллективов, а затем раскрывать эти возможности и ставить на службу общему делу.

З.Вартанян ко всему имел творческий подход. Старался делать свое дело по-новому, с выдумкой. Не забудем, что профессиональный организатор Завен Вартанян имел в качестве базиса специальность профессионального музыковеда и профессионального исполнителя, профессионально занимался литературной деятельностью.

С.А.Лушин: "Удивительная творческая энергия была у Вартаняна. Он умел расшевелить, увлечь любого, передать ему желание сделать что-то интересное.

Нельзя тут не вспомнить о т.н. спецконцертах, которые проводились по случаю торжественных дат и событий. Казалось бы, ну что тут можно придумать, уже установился определенный шаблон, которому постановщики (а их Завен Гевондович приглашал много и разных) волей-неволей начинали следовать. Но Вартанян умел предложить изюминку, непохожесть, режиссеры подхватывали, идея становилась их, и концерт получался. Я уже не говорю, что к каждому концерту создавалась новая песня, новые стихи, новые концертные номера".

При случае, Вартанян давал своим коллегам хлесткие характеристики (невзирая на лица). Так, например, высоко ценя дирижера М.А.Тавризиана, которого сам называл "талантливейшим", он еще в Ереване предъявил ему обвинение в якобы занимаемой им нейтральной позиции и нежелании вмешиваться в дела коллектива: "Дирижер Тавризиан может и должен работать в театре, однако, необходимо сделать некоторую оговорку в отношении его как члена коллектива. Нужно прямо сказать, что политика нейтралитета – политика неправильная и совершенно не подобающая советскому дирижеру. Тавризиан в личных беседах высказывает ценные мысли. Он может сделать ряд нужных и хороших замечаний, но выступить и публично заявить об этом считает лишним. Он предпочитает остаться сам с собой, а театр оставить со своими недостатками из опасения, чтобы его не обвинили в групповщине. Считаю необходимым в принципе изменить политику отхождения в сторону от интересов театра в интересах личного благополучия".

"Несомненно, Завен Гевондович Вартанян был *личностью с ярко выраженными чертами организатора*", так лаконично и очень ёмко характеризует Завена Гевондовича Эдвард Мирзоян.

Поневоле вспоминается роль, которую сыграл в жизни этого славного поколения композиторов *лично Завен Вартанян*. То же можно сказать о десятках других молодых деятелей культуры – литераторах, театральных деятелях, исполнителях, артистах балета, которым довелось совершенствоваться в Москве – в Институте литературы и при Доме культуры Советской Армении.

В Ереванской консерватории З.Г.Вартанян *лично* воспитал поколение музыковедов (и в дальнейшем, основанное им музыковедческое отделение окончили сотни музыковедов).

В той же консерватории Вартанян подготовил поколение блестящих кларнетистов.

Таким образом, ему бесконечно многим обязаны молодые специалисты – яркие и талантливые, преданные делу развития армянской культуры, которые, благодаря прекрасной подготовке, полученной в Москве и Ереване, впоследствии стали видными деятелями армянского искусства.

Завен Вартанян умел быть внимательным к своему окружению, ценил подлинную дружбу, был нетерпим к предательству.

Карине Вартанян: "Особо нужно сказать о самом близком отцу человеке – музыковед-е и общественном деятеле Самсоне Гаспаровиче Гаспаряне, которого он считал своим братом. Судьба породнила их как в трудном детстве, так и во взрослой жизни.

Они были преданы друг другу и своей Родине, отдавая все силы развитию культурной жизни Армении".

О широком круге связей, главным образом, служебного порядка, говорит богатая переписка З.Г.Вартаняна. Достаточно перечислить имена его корреспондентов: Константин Игумнов, Константин Сараджев, Армен Тигранян, Мартирос Сарьян, Христофор Кушнарев, Антон Маилян, Николай Мясковский, Аршак Адамян, Максимилиан Штейнберг, Саркис Бархударян, Анушаван Тер-Гевондян, Юрий Шапорин, Леон Исецкий, Айкануш Даниелян, Тигран Ахумян, Илья

Шапошников, Михаил Арутюнян, Аро Степанян, Авет Gabriелян и другие члены квартета имени Комитаса, Ваагн Араратян, Сергей Баласанян, Рубен Степанян, Георгий Хубов, Арам Хачатурян, Николай Чемберджи, Александр Шавердян, Леон Ходжа-Эйнатов, Георгий Тигранов, Хачатур Есаян, Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Адам Худоян и многие другие¹. Пишут ему чаще всего не как должностному лицу, а как другу, у которого можно искать поддержки, доброго совета.

Круг затронутых тем подтверждает, что Завен Вартамян был центральной, в определенном смысле ключевой, значительнейшей фигурой музыкальной жизни Армении тех лет.

Не могут не вызвать восхищения строки из письма Арама Хачатуряна Завену Вартамян (Москва — Ереван, 06.10.1945): "Дорогой Завен! Только что вернулся с исполнения Восьмой симфонии Шостаковича. Ах! Какой дерзкий композитор! Как он поднял потолок советской музыки! Какие он возбуждает интересные мысли в людях! Симфония успеха не имела. И не должна такая симфония сейчас иметь успех и не может иметь успеха. Истинный художник всегда опережает свою эпоху. Шостакович — это прыжок, скачок в истории музыки, а наша музыка должна развиваться другими путями, но нам нужно учиться у Шостаковича величайшей творческой дерзости. Он сверкающий талант и дерзкий художник. Слушая музыку Шостаковича, хочется писать, писать и писать. Он давит, ошеломляет и уничтожает.

Завен, прошу верить мне, что я, а со мной все те, кто одарен "искрой Божьей", сделаем нашу музыку достоянием передового человечества.

Мечта моей жизни вывести нашу музыку на большую дорогу, на большую арену. Пусть думают, что я мечтаю о непосильной работе, но я свою жизнь уже отдал этой идее. И если даже я хоть скромно нащупаю, намечу этот путь, то моя миссия будет выполнена.

Прости меня, мой милый друг, за нескромность, за фантазию! Не хочу погибнуть, как Дон-Кихот, за свои несбыточные мечты.

Подбодри меня, если есть на то у тебя основание".

¹Переписка З.Г.Вартамяна освещена в Главе восьмой настоящей работы.

В детстве лишившись своих родных, З.Г.Вартанян, создав собственную семью, был изумительным семьянином. Постоянная перегруженность ответственной работой оставляла ему для общения с семьей совсем не много времени. Тем более ценной была каждая минута такого общения.

В жизни его дружной семьи было немало тревожных, даже драматических моментов. В начале войны семья Вартаняна находилась в Ленинграде (сам он в это время жил и работал в Ереване). Об эвакуации из осажденного Ленинграда вспоминает его дочь, Карине Завеновна: "В последний момент знакомые посадили маму, бабушку и нас с братом на речной трамвайчик. До Горького плыли месяц, так как на одной стороне Волги были наши, а на другой – немцы. Бесконечно приставали к берегу под обстрелами. Каким чудом выжили – не знаю.

В Баку нас встречал отец на машине. По воспоминаниям мамы, прибыли в полностью затемненный Баку. Только с берега раздавались голоса: искали близких. И тут послышался голос отца: "Ира! Мама!" Мы были спасены.

[...] Примерно в 1953-1954гг. мама начала сильно болеть: инфекционный неспецифический полиартрит, который вызывает страшные боли и отеки в суставах, а также их деформацию. Все остальные годы до своей смерти (в 1975 году) она провела в больницах, санаториях, в постели... Все эти годы отец ее нежно любил, баловал, ухаживал за ней".

С исключительным вниманием относился Завен Гевондович к своим детям – Рубену и Карине. Рубен Завенович Вартанян (1936 – 2008) избрал профессию музыканта. После окончания Московской консерватории по классу дирижирования Лео Гинзбурга, совершенствовался в Вене у Герберта фон Караяна. Работал в России (дирижер ГАБТ СССР), возглавлял филармонический оркестр Армении, Национальный симфонический оркестр Боливии, Филармонический оркестр Арлингтона (США), Камерный оркестр Уильямсбурга (штат Вирджиния).

Дочь З.Г.Вартаняна, Карине Завеновна Вартанян (род. 1940), по окончании 2-го Московского медицинского института работает консультантом больницы им.С.П.Боткина. Кандидат медицинских

наук, доцент К.З.Вартанян также преподавала в Московском институте усовершенствования врачей.

В эссе "Монолог с матерью" Завен Вартанян пишет о своей семье: "Жаль, мама, жаль, что тебе не довелось порадоваться вместе с нами за свою невестку, внучат и правнука. Случилось так, что я должен был на старости лет испытать еще один удар злой и коварной судьбы: в 1975 году я потерял сразу жену и друга – Иру, потерял и вторую свою мать – Марию Дмитриевну. Это было вдвойне горестно, так как несчастья произошли в течение одного месяца. У меня осталась лишь одна радость: это дети мои и мой маленький внучек.

А теперь, мама, теперь я сам стою на краю обрыва бесконечного пути".

Карине Вартанян: "Отец за пару лет до смерти ушел на пенсию, но остался в своем Главке на небольшой должности. В последний год у него проявилось страшное заболевание: перенесенный им в детстве инфекционный гепатит переродился в рак печени. Он умирал в сознании, все понимая. В бреду много говорил по-армянски. Он умер у меня на руках 25 апреля 1977 года. Это был самый близкий мне человек.

Светлая ему память".

Труд Завена Вартаняна был высоко отмечен еще при жизни. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями, Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов РСФСР и Армянской ССР. С гордостью носил звание Заслуженного артиста Армении.

В год его 70-летия в журнале "Музыкальная жизнь" (1977, N5) была напечатана его статья об артистке Тамаре Ханум, сопровождаемая теплым пожеланием редколлегии: "Исполнилось 70 лет Завену Гевондовичу Вартаняну – видному музыкально-общественному деятелю, много сделавшему для развития музыкальной культуры нашей страны. Редакционная коллегия и коллектив журнала "Музыкальная жизнь" сердечно поздравляют юбиляра и желают ему крепкого здоровья, новых творческих свершений".

На кончину Завена Гевондовича с болью в сердце откликнулись известные музыкально-общественные деятели Ирина Архипова, Константин Иванов и Владислав Пьявко. В подписанном ими слове прощания говорится: "З.Г.Вартанян был не только требовательным начальником, но и чутким воспитателем. Он учил трудному искусству руководства, прививая организационные навыки, учил главному – ответственности за порученное дело. Советские музыканты знали и любили этого человека, руководителя и наставника, воспитателя и друга. Мы навсегда сохраним о нем светлую память".

В некрологе, опубликованном в журнале "Советская музыка" (1977, N9), сказано: "Более двадцати лет назад пришел З.Г.Вартанян в аппарат Министерства культуры СССР. Начальник Управления учебных заведений искусств, а затем бессменный руководитель Управления музыкальных учреждений, он до 1975 года оставался на ответственном посту организатора музыкальной жизни страны. В 1959-1966 годах он был членом редколлегии нашего журнала. Он обладал талантом организатора и руководителя. Он не знал, что такое отдых. Не представлял жизни без работы. Даже будучи тяжело больным, уйдя со своего трудного поста, он продолжал деятельность в Управлении музыкальных учреждений.

Завен Гевондович Вартанян был деятелем искусства в самом широком смысле этого слова. Гражданственность была органическим свойством его натуры".

С.А.Лушин: "Я думаю, что сегодня он не смог бы жить. Его сердце не выдержало бы ужасающей картины музыкальной разрухи, к которой привели люди, еще в 1917 году поставившие задачу лишить наш народ его главной силы – духовности.

Много славных дел удалось осуществить Завену Гевондовичу. Оглядываясь назад, видишь, сколько сделал этот скромный, добрый и беззаветный человек для музыкального искусства.

Мы помним и чтим имена творцов, просиявших в отечественном искусстве. Надо помнить и тех, кто, находясь в тени, подвижническим трудом столь много сделал для развития и процветания советской музыкальной культуры.

Среди первых имен – Завен Гевондович Вартанян".

Раздел второй

Литературные страницы

Глава шестая

Слово Завена Вартаняна

а) Автобиография (1948г.)

Родился я в 1907 году в селе Гадживар Нахичеванской АССР. Родители мои занимались земледелием, что, однако, не обеспечивало материальные нужды нашей семьи. Мой старший брат был слесарем и работал в городе Нахичеване. Доходы из этих двух источников, в основном, обеспечивали материальные нужды нашей семьи.

В 1918 году, при наступлении турецких войск на Армению, мы вынуждены были бежать из Нахичевана. В том же 1918 году вся моя семья вследствие голода и эпидемических заболеваний вымерла. С 11-летнего возраста я остался один.

В 1918-1920гг. я был беспризорником и мотался по улицам Еревана. В 1920-1923гг. находился в приюте, который содержали американцы. В этом приюте я вступил в бойскаутскую организацию (наш приют был бойскаутским, и это было обязательным для всех его воспитанников).

В 1923 году, в знак протеста, я с большой группой воспитанников покинул этот приют. В том же 1923 году вступил в ряды РККА в качестве добровольца в музыкантскую команду (музыкой стал заниматься еще будучи в американском приюте).

В Красной Армии (в различных частях) я находился без перерыва четыре с половиной года (апрель 1923 – сентябрь 1927). В 1927 году демобилизовался и поступил на учебу в Ереванскую консерваторию на отделение техникума. Техникум окончил в 1929 году.

В сентябре 1929 года ЦК ЛКСМ Армении и Наркомпрос Армении совместным решением направили меня в Ленинград для продолжения учебы. Однако, за отсутствием среднего общего образования, в Ленинградскую консерваторию меня не приняли. Я вынужден был два года учиться на рабфаке при Ленинградской консерватории.

В 1931 году, окончив рабфак по общеобразовательному и специальному циклу, я поступил в Ленинградскую консерваторию. В

консерватории совмещал учебу на двух факультетах — историко-теоретическом и оркестровом (класс кларнета). В 1935 году, еще будучи студентом 4-го курса, принял участие во Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей, удостоившись звания лауреата.

Ленинградскую консерваторию окончил в 1936 году на отлично по двум факультетам — по специальностям музыковеда и кларнетиста. В том же году был направлен в Армению на постоянную работу.

В 1929-1932гг. в Ленинграде состоял членом РАПМа. Принимал активное участие в организации армянского отделения этой ассоциации. С 1936 года состою членом Союза советских композиторов Армении.

С 1936 года работаю в Ереванской государственной консерватории, вначале преподавателем истории музыки и кларнета, а в последние годы только истории музыки.

В 1937-1938гг. одновременно работал в Управлении по делам искусств при Совете Министров Армянской ССР в качестве заведующего музыкальным отделом. В 1938-1941гг. работал в Армфилармонии в качестве директора и художественного руководителя.

В 1940-1942гг. параллельно работал заместителем начальника Управления по делам искусств при Совете Министров Армянской ССР.

В 1942-1947гг. работал начальником Управления по делам искусств при Совете Министров Армянской ССР.

С октября 1947 года по настоящее время работаю в аппарате ЦК КП Армении в качестве заведующего сектором искусств.

В 1939 году был утвержден в звании доцента.

В 1939 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В 1940 году мне было присвоено звание Заслуженного артиста Армянской ССР. Награжден медалями "За оборону Кавказа" и "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45гг."

В ряды ВЛКСМ вступил в 1924 году, еще будучи в рядах Красной Армии. В комсомоле оставался до 1939 года, до момента вступления в ряды ВКП(б) в качестве кандидата. Член ВКП(б) с 1940 года.

Женат. Семья состоит из 5 человек (жена, ее мать, двое детей).

подпись (З.Г.Вартанян) 17/VI—1948 года

Пятьдесят с лишним лет я в искусстве — в музыкальном искусстве. В активной, большой организаторской и творческой работе. На моих глазах в нашем советском музыкальном искусстве совершались значительные события, изменения, процессы, которые отражались на всем характере развития этого замечательного искусства. Приходилось наблюдать неравномерность развития его на разных этапах. То идет бурный, интересный, большой рост, то появляются какие-то ничемные, ненужные, болезненные явления. И все же у нас была, есть и остается большая столбовая дорога нашего музыкального искусства. Она точно и четко определена — идейно-эстетически, художественно, и вместе с тем настолько широка, что обнимает огромный диапазон творческих возможностей разных поколений композиторов, разных национальных школ, объединенных, при всем разнообразии национальных черт, одним устремлением, насыщенных одними главными, ведущими эстетическими принципами.

Мне хотелось что-то рассказать обо всем этом, сообщить то новое, чего многие еще не знают. И тем более не знают те, кто сегодня в рядах молодежи и кто завтра еще придет в наше музыкальное искусство. Задача непомерная. Да я, честно говоря, и не рассчитываю на то, что сумею хоть в сколько-нибудь удовлетворительной степени описать то, что было моей жизнью, моей практикой, моей деятельностью как члена этого большого коллектива советских музыкантов, как участника всех этих процессов, которые происходили на глазах нашего поколения.

Хочу думать более скромно, надеясь, что из того, что я расскажу, хоть что-то может понадобиться, может оказаться интересным и полезным для нашего большого дела. Когда-нибудь приступят к обобщению эпохи новой социалистической музыкальной культуры, культуры, рожденной революцией, культуры, развившейся в годы великих строек, в годы больших потрясений в нашей стране, в частности, в годы Великой Отечественной войны. Вот если этот материал был бы полезен кому-то для обобщений, для каких-то работ, я был бы искренне удовлетворен.

[Гибель надежд]

Мне хочется рассказать о своей семье.

Нас было четверо братьев, сестер не было. А еще точнее — нас было шестеро братьев: двое из них родились, пожили и скончались до моего рождения. Отец — выходец из нахичеванского села Гадживар. Большинство моих братьев, да и я сам также родились в этом селе; но мать была горожанка. В связи с этим семья наша переехала в Нахичеван (село наше находилось на расстоянии 1-1,5 километра от этого города). Нахичеван — один из древнейших городов Армении. Легенда рассказывает, что во время всемирного потопа Ноев ковчег приплыл к Арарату и, когда вода спала, Ной спустился в Араратскую долину, назвав место своего первого пристанища Нахичеваном, что в переводе означает «первое пристанище».

В деревне у нас почти ничего не было, кроме маленького садика. Этот садик давал достаточное количество фруктов, для взрослых — вина. А в основном мы жили заработками брата. По профессии он был слесарем и со своим другом содержал в Нахичеване большую слесарную мастерскую, где они производили всевозможные ремонтные работы. Старший брат жил почти постоянно в России: в Армавире, Ростове, Екатеринодаре. Там проживала семья нашего дядюшки, брата моей матери, и он взял племянника к себе на воспитание. Остальные братья жили с отцом и матерью. Вот старший из этих трех, Татевос, и был слесарем. Средний брат еще учился в школе, а я, насколько помню, только поступил в первый класс. Но на нас навалилась беда: турки, уже расправившиеся с огромным числом населения в западных районах Армении (по сведениям статистики, было уничтожено почти полтора миллиона человек), захотели завоевать и Восточную Армению. И начали массированное наступление на армянские города, армянские села, разрушая и предавая огню все имущество и все живое, что там находилось.

Очередь дошла и до Нахичевана. В какую-то ночь около 500 армянских семей решили покинуть Нахичеван с тем, чтобы спасти себя, свою семью, детей. Начиная с этой ночи, мы шли из Нахичевана почти 14 суток подряд. Шли через горы, через деревни, малые и большие населенные пункты. Иногда даже армянское население не

пускало беженцев в свои городки и села, полагая, что мы, голодные люди, можем нанести им ущерб. А в некоторых горных районах дело доходило даже до перестрелки. Нам доводилось проходить и через азербайджанские села. Многие из них принимали нас мирно, разрешали пройти через село, а кое-где даже кормили.

Но вот однажды мы шли по большому ущелью. Был сделан привал. В ущелье протекала довольно бурная река. Местоположение его я сейчас не помню, и, разумеется, не помню названия этой реки. Мне ведь было тогда очень мало лет. Вдруг кто-то заметил, что река несет трупы. Это означало, что хвостовая часть нашей колонны отрезана и уничтожена. Началась паника, бегство. И не оглядываясь, мы шли, шли, шли, пока не вышли из этого довольно обширного района. Какими точно путями шли, я, повторяю, не помню. Но вот мы дошли, наконец, до Дилижана. Там, к нашему несчастью, мы потеряли Татевоса: он заболел воспалением легких и на третий день скончался.

Дальше наша колонна двинулась по Дилижанскому району в сторону Сырны. Здесь, на четвертый день после похорон брата, скончался и мой отец. Жена Татевоса после смерти мужа ушла к своим родным, и теперь из большой семьи нас осталось трое: мама, средний брат Баграт и я. Жить негде, родственников, родных и близких нет. Кстати, вся наша родня, все родственники, все самые близкие нам люди, не успевшие покинуть Нахичеван во время наступления турок, были уничтожены. Нам сказали, что возле Еревана есть заброшенная глинобитная крепость, она называлась Сардарской крепостью. Мы вселились туда вместе со многими, многими беженцами. Люди умирали, как мухи: ежедневно на улицах, в подворотнях могильщики собирали трупы, штабелями складывали на арбы и вывозили на кладбище, где хоронили в огромных братских могилах. Как-то раз на одной из таких повозок я увидел тело своего брата Баграта...

К этому следует добавить, что старший брат, который жил в России, был мобилизован во время империалистической войны и погиб не то в 1916, не то в 1915 году, — мы же получили извещение о том, что он пропал без вести. Таким образом, мы с матерью остались одни на всем белом свете. И тут мама вспомнила, что единственный наш родственник, ее племянник Хачатур, сын ее сестры, служит в Камарлу (сейчас это Арташат) в музыкантской команде. Вот она и

говорит: “Поедем, Завен, к Хачатуру. Может быть, он нам чем-нибудь поможет. Ты маленький, я больная”. После смерти Баграта мама была в полном отчаянии. Она до такой степени исколотила себя, рвала волосы на голове, что дотронуться до нее было невозможно, она кричала, впадала в истерику от боли. Наконец, мы собрались и поехали к Хачатуру.

Спрашивая у военных, где находится музыкантская команда, я нашел нашего Хачатура. Он снял какую-то комнату — скорее, это было нежилое помещение — с тономом посередине. В общем, мы устроились в этом помещении. С момента приезда в Камарлу мама, не вставая, лежала в постели.

Однажды, — это было через семь или восемь дней после нашего приезда, — поздно вечером я сидел возле томира, свесив ноги в яму: томир ведь был тепленький, утром топили. И понемножечку дремал. Вдруг слышу голос матери: “Завен, подойди, пожалуйста”. Я подошел. Она посадила меня рядом с собою и обняла. “Завен джан, видишь ли, я очень больна, я помру, наверно, а вот что тебе делать, не знаю. Может быть, тебе поехать в Даралагяз, там живут наши родственники, они к нам всегда хорошо относились, приезжали к нам в Нахичеван в гости. Они примут тебя, вырастят, и ты станешь человеком”. Так мы мирно беседовали. И тут мне вдруг стало страшно: я подумал: а что если вдруг мама умрет, и моя голова останется в ее объятиях? Что же со мной станет?

Боясь, что могу обидеть маму, я с большой осторожностью высвободил голову из ее объятий. Поняла ли она, что мне захотелось это сделать? Наверняка почувствовала. И сказала: “Завен джан, холодно ведь. Я лежу в постели укрытая, а ты мерзнешь. Пойди, сядь около томира”. Так я и сделал. Сел возле томира, свесил в него ноги, накинул что-то на плечи и, сидя, уснул.

Проснулся я внезапно: будто кто-то сильно толкнул меня в бок. Я так вскочил, что чуть не свалился в яму. В ночной тишине уже чувствовалось пробуждение природы: зов петухов, оповещавших о наступлении утра. Я подошел к маме, потрогал голову, руки — они были холодные, безжизненные. Я понял, что нет больше в живых моей дорогой матери.

Я постучал в соседскую дверь, сказал, что мама умерла, и попросил разрешения посидеть у них до утра. Они впустили меня,

разумеется, выразили сочувствие, спросили, надо ли чем-нибудь помочь. Я сказал: "Нет, я до утра посижу, а затем схожу к нашему Хачатуру".

Где-то около шести часов утра я побежал в музыкантскую команду, разбудил Хачатура и сказал, что мама его зовет. Хачатур не поверил, он понял, что что-то стряслось. "Говори правду, что случилось?" — повысил он голос. Я заплакал и признался, что мама скончалась. В тот же день вечером мы похоронили мою любимую маму, единственную мою отраду — ведь мы оставались только вдвоем, никого больше не было...

[Беспризорник]

Хачатур человек военный, он оказал нам поддержку, но что еще он мог сделать? Он обратился к командованию с просьбой взять меня в музыкантскую команду как воспитанника, потому что я остался один и мне некуда было деваться. Ему не посоветовали этого делать, сказав, что время смутное, трудное, и мне будет нелегко с ними. По их мнению, лучше было бы отвезти меня в Ереван и определить в детский приют. Я долго сопротивлялся, но делать было нечего, и мы на следующий день уехали с ним в Ереван.

Я решил пока помолчать, посмотреть, куда попаду. Мы пошли в американский офис, получили направление и отправились в приют. Его содержали американцы, какое-то благотворительное общество. Кажется, оно называлось "Ара". По номеру это был пятый приют, а находился он в месте, знакомом многим — напротив коньячного завода "Арарат". Но тогда он еще назывался "Шустовский коньячный завод". Против этого завода и помещался наш приют.

Хачатур оставил меня в приюте, попрощался и уехал. Меня переодели в форменную приютскую одежду и определили место в казарменного вида палате, где рядом, почти вплотную, стояли двухэтажные деревянные кровати. Желających попасть в приют было много, а мест мало.

И вот я первую ночь в приюте, в постели. Вероятно, день у меня прошел в сильных душевных переживаниях, потому что вскоре я

уснул беспробудным сном. Но посередине ночи я вдруг вскочил в каком-то ужасе. Никто не поверит, если скажу, что на моей кровати ползали — не только на кровати, но и по всему телу — тысячи клопов. Они поедом поедали меня. Я поднялся, сбросил одежду, встряхнул основательно и, убедившись, что там уже нет клопов, оделся и выскочил во двор. Интересная случайность: когда я днем был в уборной, почему-то обратил внимание на окно с разбитым стеклом. Вот туда я и устремился, чудом приподнялся, вылез из окна, спрыгнул на улицу — и поминай, как звали...

С этого мгновения в моей жизни наступил новый этап: период мучений, страданий, голода, холода. Я включился в компанию беспризорников и в этой компании провел два года. Два года в жизни беспризорного ребенка это целая вечность. Два года! Как жить, где жить, чем питаться, как провести холодную зимнюю ночь, где взять одежду? Там, где сейчас площадь Шаумяна в Ереване, стоял огромный русский собор. Это было одно из самых привлекательных мест для беспризорников, особенно в зимнее время. Мы залезали в подвалы, жгли небольшие костры и как-то, прижавшись друг к другу, проводили ночь.

С утра начиналась погоня за куском хлеба. В летнее время этот вопрос решался проще. Мы залезали во фруктовые сады, а когда поспевал виноград, насыщались виноградом. Естественно, не раз попадались и тумачи получали в достаточном количестве, но все же это для нас было большим подспорьем.

Приходилось, конечно, и воровать — но сам я воровал только еду. Первую свою кражу я совершил со своим закадычным другом Аком Степаняном. Мы пошли на Азизбековскую площадь, — в то время там был небольшой базар, — и увидели, что какой-то бедный старый азербайджанец торгует черным хлебом. Скорее грязь, чем хлеб, но мы увидели, что можем перехитрить старика. Договорились, что к старику первым подойду я, поторгуюсь, возьму кусок хлеба и убежу. Разумеется, старик кинется за мной, а в это время мой друг тоже схватит кусок, и встретимся уже в так называемом Английском парке (сейчас это сад Коммунар, а раньше назывался Английским садом или Английским парком). Кстати, этот парк был для нас вторым домом. Почти все летние вечера беспризорники собирались небольшими группами под деревьями и проводили там ночи. Порой в

дождливое время, поздней осенью, мы перебирались в Сардарскую крепость, о которой я уже говорил. Там собирались на ночевку сотни три-четыре ребят, мальчиков и девочек.

Эта крепость привлекала нас еще и потому, что американское благотворительное общество иногда раздавало ребятам по утрам по куску хлеба и стакану какао. Трагедия заключалась в том, что нас поднимали, рассаживали в ряд и с какого-то конца начинали раздавать — никто стоять не смел, если хотел получить свою порцию. Но изнуренные, голодные ребята, еле-еле проснувшиеся ото сна, часто не дожидались своей очереди и на глазах падали и умирали.

Должен сказать, что мне крупно повезло: я познакомился с одним русским парнем, солдатом-красноармейцем. Он сидел в Английском саду. Там стояла маленькая воинская хозяйственная часть, и при ней была пекарня. Я сидел, ни о чем не думая. Вижу, идет солдат с большим куском свежего ржаного хлеба и полным котелком борща. Он сел недалеко от меня и с величайшим аппетитом начал кушать. Мне было неловко глядеть на него. Неловко потому, что трудно сдержать желание есть, и, с другой стороны, психологически неловко смотреть в рот жующему. Я делал вид, что то ли лежу, то ли сплю, то ли просыпаюсь, и так далее. Этот парень меня заметил и подозвал: "Эй, мальчик, иди-ка сюда! Есть хочешь?" Я говорю: "Хочу". "Ну вот, доедай этот борщ, и вот тебе хлеб. Не уходи, пока я не вернусь". Он ушел и скоро вернулся с большой буханкой под мышкой. Спрашивает:

— А ты честный парень? Хороший мальчик или нет?

— Честный, хороший.

— А ты можешь хлеб продать?

— Могу.

— А ты не обманешь, деньги принесешь мне?

— Принесу, можете не беспокоиться.

— А как тебя зовут?

— Завен.

— Ну вот, Завен, я тебе поверил, не подведи. Буду ждать, когда ты принесешь деньги.

Я взял буханку, побежал на базар. Быстро продал за хорошую цену и полностью все вручил солдату. Он пересчитал деньги, похвалил меня и сказал, чтобы я каждый день в обеденное время приходил к нему.

Не знаю, была ли это проверка или что еще, но больше он мне хлеба для продажи не давал. Приносил мне большой кусок хлеба, и мы вместе ели из одного котелка. Так почти полгода я имел горячий вкусный обед с хорошим куском хлеба. Это намного облегчило мне жизнь.

Настал день, когда мой друг обнял меня за плечи и сказал:

— Дорогой Завен, я демобилизуюсь и уезжаю домой. Но я тебя очень полюбил. Из тебя может получиться хороший человек. Поедем вместе ко мне домой. Будешь моим братом. Будешь учиться, помогать по хозяйству. Старики мои тебя полюбят. Поедем!

Я сказал:

— Мне надо серьезно это обдумать.

И я провел много мучительных часов в раздумьях. В конце концов, я ему ответил:

— Ты мне действительно был старшим братом и спас мою жизнь. Тебе великая благодарность. Но поехать с тобой я не могу. Ведь я должен выучить русский язык, чтобы посещать школу, учиться по-настоящему. А здесь что-то родное, что-то свое.

Мы обнялись, поцеловались, и он сказал: "Будь счастлив, Завен!"

Можно себе представить, как трудно мне было потом. Прежде всего, я потерял большого хорошего друга, советчика. Он ведь со мной действительно разговаривал, как с родным братом, наставлял на путь истинный, удерживал от всяких пагубных путей, что для беспризорников совершенно не исключалось.

И вот я вновь очутился в атмосфере беспризорничества, в стихии случайностей, мучительных поисков куска хлеба. Воровать я не мог: было противно. И я не воровал — за исключением тех случаев, когда деваться было некуда.

Вот ребята сообщают, что едет арба, нагруженная мешками с пшеницей. Мы с большой группой ребят начинаем медленно двигаться за арбой. Кто-то из самых смелых подбегает к повозке, разрезает мешок и убегает. А беспризорники один за другим подбегают к мешку и сгребают пшеницу либо в подол, либо в шапку...

Тяжело было и по другой причине, особенно когда я наблюдал за возвращающимися из школы приютскими ребятами. Они шли веселые, шутили, болтали между собой. Но самое главное — книги. Они доводили меня до сумасшествия. Мне надоело это полуграмотное, а

фактически, безграмотное существование. Мне хотелось учиться, вырваться из этой атмосферы, стать человеком.

Наступила зима. Холод гнал нас в помещения. Мы устраивались на ночлег, как я говорил, в подвалах русского собора. Много таких голодных ночей мы скоротали в беседах с моим другом Акопом Степаняном. Я настоятельно, изо дня в день, уговаривал друга вернуться в приют, вернуться, чтобы учиться. Видимо, наши беседы проходили небезрезультатно, потому что ранней весной мы решили пойти просить пристанища в тот самый Пятый американский приют.

Это было весной 1920 года.

[Скаут американского приюта]

Надо признаться, что жизнь в приюте была не очень сладкая. Мы жили впроголодь, кормили чем попало. Давали суп из какой-то белой дробленой крупы, который больше смахивал на мыльные помои. И все же, было теплое помещение, была одежда, была хоть и бурда, но горячая. Так мы и жили. Самое главное — уже через несколько дней нас повели в школу. Осуществилась мечта, которая меня буквально грызла: под мышкой книги, в строю с ребятами, с друзьями, в школу и из школы обратно.

Хочется немного рассказать о нашем приюте, его законах, внутреннем распорядке. Прежде всего, там царила очень жесткая дисциплина. Возможно, иначе было нельзя — ведь ребята собрались разношерстные, каждый со своими капризами, привычками. Может быть, поэтому следовало держать их в очень жестких рамках. Возможно. Но порой эта дисциплина переходила все границы и, разумеется, ребятам от этого бывало нелегко.

Утром мы вставали рано, занимались физической зарядкой, затем завтрак и — в школу. Небольшой перерыв между школой и обедом, обед, некоторое количество свободного времени, ужин и вскоре сон.

Приютом руководил заведующий, но мы его почти не видели — он показывался очень редко. Главная фигура в приюте — воспитатель. Воспитателей было две категории. Первая — взрослые люди, порой 40-50 лет. Вторая категория — бывшие воспитанники приюта, уже

взрослые ребята по 22-23, а то и больше лет. Последние следили за дисциплиной, за порядком в своем хозяйстве. Каждый из них отвечал за какую-нибудь палату или спальню (в каждой спальне помещалось 150, а то и больше, ребят); по очереди дежурили в столовой. Это были свирепые люди, которые не гнушались ничем, даже рукоприкладством (оно было довольно распространено в нашем приюте). Только по команде дежурного мы начинали кушать. Бывало много случаев, когда за нарушение дисциплины ребят выводили из-за стола и ставили в угол, а то и вовсе лишали обеда.

Наши воспитатели – и та и другая категории – жили не так, как приютские ребята. В сущности, они имели все. Из того, что поступало в склад приюта, все лучшее отбиралось для воспитателей. Разумеется, для них готовили отдельно. Поэтому, будучи сытыми, довольными, – это в то время, когда народ погибал от эпидемий, голода, нищеты, – они жили припеваючи.

Так мы жили изо дня в день, из месяца в месяц. Лично я был чрезвычайно доволен тем обстоятельством, что имею возможность учиться.

Где-то в конце ноября 1920 года стал упорно распространяться слух, что Красная Армия вот-вот войдет в Ереван, в Армении установится Советская власть, и дашнакам придет конец.

В городе начался переполох. К приходу Красной Армии готовились не только дашнаки и их вооруженная сила – маузеристы, но и рабочие, большевистское подполье, передовая интеллигенция. Город бурлил, жил лихорадочной жизнью. Шли активные обсуждения предстоящих событий. Разумеется, слухи эти доходили и до нашего приюта. Наши воспитатели молчали...

Но вот 29 ноября 1920 года части 11-й армии по Канакерскому шоссе спустились в Ереван, дойдя до Астафьевской улицы. Они вошли в город, по существу, без какого-либо сопротивления. Жители Еревана, и среди них мы, приютские ребята, шпалерами стояли на всем протяжении Астафьевской улицы, встречая красноармейцев ликованием, радостью, возгласами "ура!"

Так в Армении была установлена Советская власть. Возникла она на развалинах дашнакской империи. Страна разрушена, эпидемические заболевания... Страна беженцев, страна бездомных детей – тыся-

чи, тысячи, десятки тысяч детей. Вот в таких условиях, в таких обстоятельствах надо было строить новую, Советскую Армению. Лишь значительно позже я смог понять и оценить, какую же гигантскую работу предстояло сделать для того, чтобы вывести Армению из этого состояния и создать минимальные условия для народа, для нормальной жизни и будущего расцвета страны.

Что касается нашего приюта, то он продолжал жить по своим законам, раз навсегда установленным порядкам. Круговорот дня оставался один и тот же, без перемен, дисциплина — такой же жесткой; и не было заметно, чтобы у воспитателей появилась какая-то боязнь, ощущение, что надо вести себя иначе — они оставались столь же суровыми и серьезными, делая вид, что ничего не произошло.

Но ребята есть ребята. У нас ведь в приюте была большая категория уже взрослых ребят, по 17-18 лет. Они, особенно некоторые из них, питались другими источниками. Может быть, они были связаны с городскими соответствующими организациями — мне трудно об этом судить, потому что откровенных обсуждений не бывало, но эти ребята разъясняли многое. Они говорили о других порядках, о народной власти: "власть для народа, а не власть над народом". Мы понимали эту разницу.

Скажу откровенно, самым радостным днем в нашей приютской жизни было воскресенье: утром после завтрака мы становились в строй, и нас вели в церковь. Не проходило и 10 минут, а от колонны оставались единицы: ребята расходились по всему городу. Многие стремились в первую очередь на базар: поживиться чем-нибудь, что-то достать, чего ты в приюте иметь не можешь. И потому мы этих дней ждали, ждали...

[Парень музкоманды]

Мне надо сказать, каким образом я очутился в профессиональном искусстве. Как я туда попал? Как все это совершилось? Ведь был один решающий шаг, решающий миг, который определил мою судьбу.

1920 год... В теплый весенний день мы возвращались из школы со своим закадычным другом, с которым я провел годы беспризорничества.

У нас был большой двор, плац (видимо, помещение нашего приюта раньше использовалось под казармы, а плац — для тренировки солдат). Подойдя к плацу, мы услышали, что во дворе раздаются звуки фанфары, маленького барабана, пикколки и тарелок. Мы с другом постояли, послушали. Как оказалось, в приют был приглашен капельмейстер Первого армянского стрелкового полка Вильгельм Августович Шперлинг, немец по национальности. Ему было поручено формирование какого-то оркестроподобного ансамбля — вот он с нашими ребятами и маршировал. Дети, которые пытались бить в тарелки, никак не могли вовремя остановиться, когда кончалась так называемая музыка (скорее это был шум). И мне надоело наблюдать, как на моих глазах поменялось несколько ребят, и никто никак не мог закрыть тарелки, когда все кончалось. Я вручил свои книги другу и подошел к капельмейстеру. Кстати, об этом капельмейстере, о его роли в развитии армянского музыкального искусства, в частности, подготовке армянских музыкантов, следует рассказать особо. Я подошел и сказал: "Можно мне попробовать?" Он говорит: "Ну, давай!" К моему счастью или несчастью, не могу сказать, но мне удалось вовремя закрыть тарелки. И вот маэстро сказал: "Вот, хорошо, ты будешь у нас тарелочником".

С тех пор я измывался над нашими ребятами: вставал в 5-6 часов утра, ходил по плацу и звенел своими тарелками. Ребята вставали, и мне иногда здорово попадало. Но все же это было мое боевое крещение. Вскоре в приюте организовался духовой оркестр. Маэстро сказал: "Ты, Завен, должен играть на кларнете", — и вручил мне инструмент. Много раз я пытался обменяться инструментами: отдавал кларнет, а сам брал альтушку. Ведь на кларнете дуть мне было трудно: недоедание, духу не хватает, голова кружится. И от отчаяния отдавал, менялся с кем угодно, лишь бы избавиться от этого инструмента. Но приходил маэстро, и все начиналось сначала. Вскоре я все-таки овладел понемножечку инструментом.

Дальше — больше. Как я уже говорил, к тому времени в приюте начал формироваться оркестр. Делая большие успехи, я довольно прилично играл на кларнете.

После одного очень серьезного инцидента, когда взрослые ребята из приюта просто побили американцев, последние поставили ультиматум: если взрослых ребят не уберут из приюта, они

перестанут кормить и всех остальных. Около четырех дней мы вообще не получали продуктов. Но советская власть есть советская власть — пришли от Наркомпроса и сказали: "Ребята, вы можете не беспокоиться, сейчас вам подвезут продукты, но вы должны понять, что мы вынуждены еще нести это американское ярмо. Трудно стране. Сейчас мы полностью вас не можем взять на свое попечение, но вскоре это случится".

Органы просвещения были вынуждены согласиться на то, чтобы убрать из приюта взрослых ребят. Из музыкантской команды должны были уйти не то семь, не то восемь человек. Это было сложно. Значит, разваливалась команда. Нет оркестра. И тут опять на помощь пришел наш маэстро. Я уже говорил, что маэстро одновременно был капельмейстером в Первом армянском стрелковом полку. Оказывается, оркестр этого полка расформировали и должны были создать новый коллектив. Вот маэстро и говорит: "Ребята, есть возможность всей командой перейти на добровольных началах в Первый полк. Как вы смотрите на это? Если согласны, изберите своих представителей, пусть они пойдут на переговоры с командованием полка. С ними я разговаривал, они согласны встретиться".

В числе троих ребят был избран и я. Я был совсем маленький ростом, да и годами — мне шел шестнадцатый год. И мы пришли к комиссару полка. Фамилия его, если не ошибаюсь, была Мусаелян (брат знаменитого Мусаеляна, который активно участвовал в майских событиях в Александрополе). Там же находился командир полка — огромного роста красивый мужчина (по-моему, по фамилии Худобашев).

Ребята стесняются, не говорят. И тогда во мне взыграло, не знаю, может быть, нахальство, может быть, смелость, желание, чтобы коллектив не распался, — словом, я выступил, рассказал, что у нас произошло и почему мы хотим перейти в полк, одновременно оговорив, что мы еще малы, что нам учиться надо. И мы просим, чтобы, если нас возьмут, нам разрешили продолжить учебу. Командир полка и комиссар поговорили между собой, посмеялись — в общем, мы договорились, что музыкантская команда из детского приюта перебирается полным составом в Первый армянский стрелковый полк.

в) Монолог с матерью

Эгей! Где вы, радости детства?

Я видеть, я знать вас хочу...

Мама! Ты слышишь меня? Я помню тебя, хорошо помню и очень тебя люблю.

И сегодня не могу без волнения вызывать в сознании твое красивое, удивительно доброе, ласковое лицо.

Мне очень хотелось поговорить с тобой, мама. Но я боялся растревожить твои раны. Однако, разбушевавшееся мое сознание пробудило строки, которые давно не давали мне покоя. Я должен был излить душу свою, поделиться с тобой.

Я не поэт, мама, нет! Это голос наболевшего сердца моего. Голос, идущий из далекого прошлого, оставившего глубокие, неизлечимые раны в моей душе. Это они закровоточили, как только я захотел поговорить с тобой.

Мы ведь многое пережили вместе и теперь имеем право поговорить откровенно, по душам, многое вспомнить, что-то спросить друг у друга, если, конечно, ты этого захочешь. Я же готов исповедоваться перед тобой.

Если разрешишь, сначала расскажу я... Так слушай, мама!

Мы с тобой расстались, а вернее, нас разлучила твоя смерть около шестидесяти лет тому назад. Но я тебя помню, как сегодня.

Я помню тебя радостной, счастливой. Ты была окружена своими беспредельно любящими тебя детьми. Отцом нашим, отдавшим всего себя благополучию семьи.

Но я особенно помню, мама, твои большие, излучающие счастье и радость, карие глаза. Помню твои бесконечные хлопоты вокруг нас. Ты любила нас и оберегала наше благополучие.

Но я помню тебя и другой. Помню сломленную горем, помню бессильно поникшую голову твою под тяжестью свалившихся на нас незаслуженных жестоких ударов.

О, как много чувств и переживаний отражалось в твоих глазах: отчаяние, горечь утрат, вся трагедия гибели нашей многолюдной семьи...

Помню, как сегодня, окаменелое твое лицо после каждой новой утраты, свершавшейся на твоих ослабевших руках. Ведь под конец мы остались с тобой вдвоем и вместе должны были пережить эту катастрофу — от начала и до конца.

Помню, сначала погиб на войне твой старший сын и мой брат — Абрам. В Армению ворвались турецкие янычары, все предавалось огню, зловещий меч заиграл над головами женщин и детей. Вырвавшись из рук диких турецких орд, мы устремились по пути возможного нашего спасения. Но беда настигала нас, где бы мы ни находились.

В Дилижане умер твой другой старший сын и мой брат — Татевос. С его кончиной мы потеряли, по существу, единственного кормильца нашей семьи.

Помнишь, когда ты подошла к больному отцу и сказала: “Гевонд, тело Татевоса уносят. Придешь ли ты хоронить его?” — отец спокойно ответил, что он болен и не в силах подняться. И добавил: “Зачем спешить? Все равно мы с ним встретимся через три-четыре дня”...

Увы! Сказанное отцом оказалось предчувствием скорой его кончины... На четвертый день, в деревне Сырны, что примерно в 20-ти километрах от Дилижана, мы потеряли нашего дорогого отца.

После Сырны наша колонна беженцев пыталась выйти к железной дороге, чтобы по ней добраться в Тифлис. С этим намерением мы, наконец, добрались до станции Айрум, которая расположилась между Каракилисой и Тифлисом.

На этой станции мы вынуждены были задержаться более двух недель. Айрум ведь пограничный район между Грузией и Арменией. Граница была закрыта с обеих сторон. Там стояли какие-то воинские части: войска меньшевистского правительства Грузии и войска дашнакского правительства Армении. Благо, редкие перестрелки между этими частями не переходили в серьезные военные столкновения.

Наконец, стороны договорились между собой, и нам разрешили переехать через границу. Так мы добрались до Тифлиса. В Авлабарском районе города, где всегда проживало много армян, нам удалось снять какую-то ветхую комнатуху с такой же ветхой верандой.

Ты помнишь, мама, злая судьба как будто шла за нами по пятам и настигала, когда мы думали, что...

Вскоре тяжело заболели вы оба — ты и сын твой Баграт. Сыпной тиф свалил вас обоих, и вы слегли надолго.

На ногах оставался я один, тоже с высокой температурой. Но надо было что-то делать, надо было кормить семью. И я кинулся на заработки. Вначале я торговал папиросами. Эффект был смехотворный. Затем я купил ящик с необходимыми принадлежностями и стал чистильщиком обуви. И тоже — с мизерным результатом.

В один из дней, когда я зазывал клиентов, ко мне подошел паренек, старше меня года на четыре. Звали его Мушегом. Он был выходцем из Мушского района Западной Армении. Узнав о бедственном положении нашей семьи, он сжалился надо мной и достаточно логично доказал, что ничего путного из моей затеи не выйдет. Посоветовал бросить все это и вместе с ним заняться продажей газет.

Я поверил Мушегу, ликвидировал свое "хозяйство", и вскоре мы вдвоем мчались в редакции, брали газеты и спешили реализовать их.

Так шли дни. Ты и Баграт понемногу стали поправляться. Правда, пока передвигались как призраки из потустороннего мира. Но это было уже кое-что.

Однако, зловещее преследование нашей семьи все еще продолжалось. В один из дней мы с Мушегом стояли на трамвайной остановке, точнее — с ее противоположной стороны. Тифлиссские трамваи тех лет были открыты с обеих сторон для свободной циркуляции воздуха. Мы направлялись в редакции, чтобы получить вечерний выпуск газет и ждали трамвая (если удавалось забраться на подножку трамвая с противоположной стороны, это избавляло нас от назойливого кондуктора).

Наконец, показался трамвай. Мушег удачно прыгнул на подножку и уцепился за поручни. Я же бежал за трамваем и искал удобный момент для прыжка. В момент прыжка я ударился об электрический столб и свалился наземь.

За первым вагоном следовал другой — с решетками для соединения вагонов. Эти-то решетки зацепили меня и потащили за собой. Я очутился бы под колесами второго вагона, если бы чья-то сильная рука не оттащила меня и не спасла тем самым мою жизнь. То был друг мой, Мушег...

Я лежал на земле, залитый кровью, которая текла из моей головы. Мушег одной рукой зажал платком мою рану, другой — крепко обняв — увлек за собой. Мать Мушега остригла волосы вокруг моей раны, промыла ее и залила йодом.

Долго я лежал на тахте. Затем попросил Мушега отвести меня домой, что он и сделал. Помнишь, мама, как вы с Багратором были напуганы моим состоянием? Рана оказалась довольно глубокой, и только позже выяснилось, что на месте удара был проломлен мой череп. Следы этого несчастья сохраняются по сей день.

Когда мы несколько оправились от шока, решили, что и в Тифлисе мы не нашли настоящего покоя. Захотелось домой — в Армению, в Ереван.

Доехали, вернее, добрались мы до Еревана только втроем: ты, Баграт и я... Так завертелся комок несчастий и гибели нашей семьи... Но когда, где и на ком остановится этот чудовищный, все нарастающий ком?

Трагедия не сломила тебя. У тебя на руках оставались два сына, и за них ты была в ответе перед всей семьей, перед мертвыми и живыми. Даже в такую тяжелую пору ты оставалась для нас матерью из всех матерей. Разве можно забыть, что ты всегда была для нас самой родной, ласковой, такой вкусной...

Но обрушившиеся на нас несчастья, видимо, еще не пресытились кровью нашей семьи... Помнишь, мама, вскоре после того, как мы доехали до Еревана, тяжело заболел Баграт. Говорили, что это желтуха. В самом деле, он был таким желтым, будто его нарочно покрасили. Через день его забрали в какую-то больницу, местонахождение которой мы с тобой так и не узнали.

Но ведь ты и сама была очень больна и почти не вставала с постели. Помнишь день, когда ты послала меня на рынок купить немного творогу? Едва успев выйти за ворота, я вдруг стремглав возвратился к тебе и закричал, что на телеге везут тело нашего Баграта. Рыдая, я рассказал, что видел его желтые ноги, я их узнал, узнал!.. Ты молча поднялась, накинула платье, и мы пустились догонять повозку. Только на кладбище мы узнали всю правду: да, это было тело нашего Баграта...

Прости меня, мама, мне было тогда слишком мало лет, чтобы разделить с тобой смертельные удары, свалившиеся на твои плечи в течение менее одного года. Ах, какой беспощадной оказалась судьба для тебя, для меня, для всей несчастной нашей семьи...

Помнишь ли ты, мама, там, на кладбище, мы с тобой взялись рыть могилу для твоего сына и моего брата... Этот чудовищный факт

слобил тебя окончательно. Это было невероятно, бесчеловечно, несправедливо!

Трудно было смотреть, как ты обессиленными руками пытаешься что-то сделать. А силы покидали тебя с каждой минутой.

Наконец, могильщики сжалились над нами, помогли похоронить Баграта.

Помнишь ли ты, мама, ту последнюю ночь в Камарлу, куда перевез нас единственный наш племянник — Хачатур? Помнишь нашу беседу, твои тревоги обо мне: что станет со мной после твоей кончины? Я всячески успокаивал тебя, говоря, что ты поправишься, и мы с тобой еще поживем...

В ту ночь я тебе обещал, поклялся выжить, вырасти, стать человеком!

Легко обещать, труднее одному, одиннадцатилетнему мальчику выжить. И это в то время, когда смерть повсеместно косила тысячи несчастных, больных и голодных сирот.

Ох, как было трудно, мама!

В ту же ночь тебя не стало. Ты уснула навеки тихо, без предсмертных мук, ибо слишком много выпало на твою долю страданий и горя за один неполный год.

Ты уснула, успокоилась, а мне надо было бороться за то, чтобы выжить.

И вот, как видишь, я уцелел, вырос, постарался стать полезным обществу человеком. Я горд, что не опозорился перед памятью твоею. Данную тебе клятву, как знамя жизни, я нес в своем сердце, нес честно и мужественно.

Я должен был жить, чтобы после длительных мучений, страданий и слез испытать, наконец, и радость, и счастье, и удовлетворение.

Я создал семью. Жена моя, Ира, была доброй, любящей. С ней мы прожили 43 года. Она была прекрасной, преданной матерью для наших детей. Вместе с нами проживала мать Иры — Мария, которая стала мне второй матерью.

У нас появились дети — Рубен и Карине. Карине подарила мне внучка — Диму, Дмитрия. А вот Рубен... Я очень жду хотя бы еще одного внука.

Жаль, мама, жаль, что тебе не довелось все это увидеть и порадоваться с нами вместе — за свою невестку, внучат и правнука.

Случилось так, что я должен был на старости лет испытать еще один удар злой и коварной судьбы.

В 1975 году я потерял сразу жену и друга – Иру, потерял и вторую свою мать – Марию Дмитриевну. Это было вдвойне горестно, так как несчастья произошли в течение одного месяца.

У меня осталась лишь одна радость: это дети мои и мой маленький внучек.

А теперь, мама, теперь я сам стою на краю обрыва бесконечного пути...

Прости меня за то, что я вновь растревожил твои старые раны, прости!

Я помню тебя, мама. Помню и очень тебя люблю...

г) Григорий Артемьевич Арутюнян
(Воспоминания)

Прошло слишком много времени, и память, возможно, не сохранила некоторые интересные и поучительные факты общения с Григорием Артемьевичем Арутюняном. Конечно, тогда мне и в голову не приходила мысль, что мне когда-либо доведется писать воспоминания об этом необычном, своеобразном человеке – талантливом организаторе, до последней капли крови преданном своей родине, большом патриоте Армении.

Одиннадцать лет работы под непосредственным руководством Григория Артемьевича, частые встречи с ним, обсуждение проблем развития литературы и искусства Армении и связанные с этим некоторые наблюдения дают мне право рассказать о них. Тем более, что многие из приводимых фактов характеризуют Арутюняна не только как крупного деятеля, но и чуткого, внимательного, сердечного человека, способного в трудных обстоятельствах протянуть руку помощи, исправить допущенную ошибку или несправедливость.

С Григорием Артемьевичем я познакомился в 1937 году. В то время в партийной организации Армении было неспокойно. Стоявшие у руководства люди, по всей очевидности, неспособны были создать

перелом, обеспечить в республике стабильную, созидательную работу.

Именно в это время к руководству пришел Григорий Артемьевич Арутюнян, рекомендованный вышестоящими инстанциями на пост Первого секретаря ЦК Компартии Армении. Пленум ЦК единогласно утвердил его в этой должности.

Уже во второй половине 1937 года в деятельности партийной организации республики наметились серьезные сдвиги. Это было начало большого подъема во всех областях жизни Армении.

Григорий Артемьевич ранее работал в Грузии. В Армении его знали немногие. Известно, что у нас не так легко принимают людей "со стороны", тех, кто по той или иной причине слабо владеет родным языком.

Арутюнян принадлежал к этой категории людей. Помнится, что он публично никогда не выступал на армянском языке, даже по прошествии многих лет пребывания в Армении (это ставилось ему в вину). Однако он сумел доказать, что обладает необходимыми качествами руководителя и способен возглавить партийную организацию республики. Ему удалось постепенно нормализовать работу Бюро ЦК, Совета Министров республики, других важных ведомств. Подбирались кадры, способные создать перелом во всех областях общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни Армении. Это было заметно для всех.

Известно, что Григорий Артемьевич пришел к руководству республикой в период культа личности с его догматическими установками, беззаконием, массовыми репрессиями. Все это определенно влияло на настроение людей, на общую атмосферу жизни в стране.

В этих непростых условиях Григорий Артемьевич стремился вселить в людей уверенность в сегодняшнем и завтрашнем дне, объединить их вокруг выполнения крупных, значительных задач. Умелым руководством он создал такую обстановку, когда люди стремились сделать что-то хорошее, нужное, большое...

И люди признали за ним право руководить республикой, ставить перед ними задачи и требовать их выполнения. Эта была победа всей партийной организации республики и личная победа Григория Артемьевича.

Естественно, мне ближе всего круг вопросов, связанных с искусством. На этой почве и произошло мое знакомство и дальнейшее общение с Григорием Артемьевичем.

Первая наша встреча состоялась осенью 1937 года в его кабинете в ЦК. Кроме меня, были приглашены работники, непосредственно связанные с практикой музыкальных учреждений республики. Никто из нас не мог предположить, о чем будет разговор. Однако после первых же слов Григория Артемьевича стало ясно, что речь пойдет о серьезной перестройке работы Армянской филармонии. Обратившись ко мне, Григорий Артемьевич сказал: "Попросим выступить товарища Вартаняна. Он хорошо знает культуру Ленинграда, знает, в частности, работу Ленинградской филармонии и мог бы сопоставить ее с нашей филармонией и внести свои предложения".

Я коротко рассказал, как я себе представляю деятельность филармонии, чем она должна заниматься изо дня в день, каковы ее художественные задачи. Сказал, что зал нашей филармонии большей частью пустует. Недопустимо, что мы не имеем филармонического симфонического оркестра и хора, камерных коллективов и народных ансамблей, которые могли бы не только обеспечить программы филармонических вечеров, но и создать объективные возможности для более широкого развития армянской советской музыки.

Я подчеркнул, что наша филармония могла бы шире использовать артистические силы Москвы, Ленинграда и других городов страны. Рассказал, какие замечательные летние симфонические сезоны проводятся в Баку, где это дело возглавляет выдающийся флейтист Сергей Мадатов, сумевший привлечь советских и зарубежных гастролеров, в том числе крупных дирижеров.

Вслед за мной с критическими замечаниями выступили и другие товарищи, которые частично подтвердили сказанное мною и присоединили свои предложения.

Слова попросил тогдашний директор Армянской филармонии О.Апетян (он не был музыкантом; в каком-то институте преподавал политическую экономию).

Обращаясь к Григорию Артемьевичу, он обещал значительно улучшить деятельность нашей филармонии и своим трудом доказать, что он не совсем еще потерянный человек.

Улыбнувшись, Григорий Артемьевич сказал: "Нет, Апетян, ты занимался политэкономией и продолжай заниматься ею. В филармонии тебе делать нечего. Это не твоя профессия, на тебя влияют разные люди, которые вертят тобою как хотят. А нам нужна настоящая филармония".

И тут Григорий Артемьевич впервые раскрыл перед присутствующими широко задуманный план проведения в 1939 году в Москве Декады армянского искусства и литературы. Основную программу Декады должны были подготовить оперный театр и филармония, которая представила бы свои большие, интересные коллективы.

"Может ли нынешний директор филармонии справиться с такой задачей? — продолжил Арутюнян. — Я думаю, было бы правильно назначить на этот пост Завена Вартаняна. Он профессиональный музыкант, многое видел, много знает. Это мы почувствовали сегодня в его интересных критических замечаниях. Уверен, он хоть и молод, но с этой задачей справится. Конечно, не без нашей активной помощи".

Я пытался возразить, мотивируя, что у меня большая нагрузка в консерватории, на моем попечении отдел музыки Управления по делам искусств Армении. Еле справляюсь...

Григорий Артемьевич не дал мне договорить. Подошел к столу, где стоял графин с водой, налил полный стакан, поставил передо мной и сказал: "Вот, пей! По закону наших предков младшему — вода, а старшему — слово. Ты свое высказал, теперь буду говорить я".

В итоге, здесь же, в кабинете, было вынесено решение, что я, хочешь — не хочешь, должен вплотную взяться за филармонию, вместе с товарищами должен создавать новые коллективы, новые ансамбли, ставить их на ноги и доводить до необходимого художественного уровня.

В период организации коллективов мне приходилось довольно часто встречаться с Григорием Артемьевичем. Как правило, я докладывал ему о ходе работ раз в 2-3 дня, но при необходимости это происходило ежедневно. Подчеркну: каждое посещение ЦК приносило мне значительную помощь и поддержку. Звонки и указания Арутюняна избавляли всех нас от волокиты в решении возникающих вопросов.

Иной раз наши встречи перерастали в интересные творческие обсуждения, касающиеся проблем репертуара, художественных прин-

ципов, на основе которых должны были формироваться коллективы. Это были трудные дни...

Я часто приглашал Григория Артемьевича на филармонические концерты, и он охотно принимал мои приглашения. В филармоническом зале на улице Абовяна не было ложи. Григорий Артемьевич приходил с супругой своей, Ниной Григорьевной, садился рядом со всеми в третьем или четвертом ряду и слушал концерт. Не скрою, это заставляло посещать концерты и других руководящих работников, которые до того если и приходили в филармонию, то только чтобы послушать мастеров мугама из Азербайджана.

Григорий Артемьевич очень внимательно наблюдал за ходом подготовки к Декаде.

Мне повезло. Мой друг Татул Алтунян, опытный хормейстер, взялся за формирование сразу двух крупных коллективов. Ему поручена была организация филармонического хора и Ансамбля армянской народной песни и пляски. Подобного ансамбля у нас до того не было, не на что было опереться. Используя опыт российских коллективов такого профиля и с учетом специфики армянского фольклора, мы должны были основать свой оригинальный ансамбль.

Помимо организационной работы, Алтуняну пришлось создавать для своего ансамбля репертуар. Он искал и находил материал, делал на свой страх и риск обработки, которые органично вытекали из особенностей одноголосной армянской песни. Многим эти обработки казались простоватыми. Но зато никто не осмелился бы сказать, что хоть одна нота в них была чужеродна. Одновременно Алтунян подбирал материал для танцевальной группы.

Для укомплектования этих двух коллективов нам с Алтуняном пришлось, помимо выпускников консерватории и музучилища, прослушать свыше тысячи молодых людей из художественной самодеятельности. Алтунян взялся за работу, не щадя ни себя, ни своих молодых коллег. Бывало, что репетировали по два, а то и по три раза в день. Вскоре этот гигантский труд дал свои положительные результаты. Вместе с нами радовался этим первым успехам и Григорий Артемьевич.

Итак, два филармонических коллектива были "запущены в производство". Встал вопрос об организации третьего — ансамбля армянских гусанов и ашугов. Коллектив состоял из исполнителей,

каждый из которых в отдельности прекрасно пел ашугские и гусанские песни. Но как только их сводили в ансамбль, да еще с попыткой ввести многоголосие, моментально утрачивалась специфика гусано-ашугских песен с их неповторимой, очень развитой мелодикой. Нужно было что-то придумать. Когда было сделано несколько обработок, я попросил Григория Артемьевича приехать и послушать. Пригласил и некоторых композиторов и других товарищей, чтобы вместе решить судьбу этого ансамбля. После прослушивания было решено не вводить многоголосие и сохранить ансамбль в чисто этнографическом плане. Во главе ансамбля встал известный знаток ашугской и народной музыки, замечательный певец Шара Тальян¹.

Во всех упомянутых коллективах сложилась хорошая творческая атмосфера. Люди работали увлеченно, с большой отдачей. Но были явления и совсем иного рода. Вскоре после вступления в должность руководителя филармонии я почувствовал, что над моей головой сгущаются тучи. Одни критиковали меня за "партизанщину", другие за якобы нерешительность. И все это — в кулуарах. Я узнавал об этом постфактум. Я собрал коллектив филармонии и сказал: "Товарищи! Я прочту вам вырезку из центральной прессы, где говорится о том, что в Ленинградскую филармонию в качестве руководителя был направлен молодой человек. Атмосфера, созданная вокруг него, заставила его буквально сбежать из филармонии. Я же хочу вас предупредить, что удирать никуда не собираюсь. Меня назначил на эту должность Центральный Комитет нашей партии. Я с честью выполняю задание, которое поставлено перед нами. Вместе с вами я постараюсь сделать так, чтобы филармонические коллективы были не просто подготовлены, но подготовлены на высоком творческом уровне и достойно представили наше искусство в Москве. Вместе с тем я хочу предупредить очень решительно: тот, кто будет мешать подготовке к Декаде, вмешиваться не в свои дела, занимать позицию интриганства, — уйдет из коллектива. Мы сожалеть об этом не станем, и возврата ему не будет".

¹В своих воспоминаниях З.Г.Вартанян, к сожалению, не упоминает о созданных в этот же период двух других филармонических коллективах — Ансамбле народных инструментов Армении под руководством Гургена Мирзояна и Джаз-оркестре Армении под руководством Артемия Айвазяна [А.Б.].

На следующий день я был вызван в ЦК к Григорию Артемьевичу. Он спросил: "Воюешь?" — и расхохотался. Подбодрил меня и сказал: "Все правильно. Так держать!"

Параллельно формированию коллективов мы занимались вопросами их экипировки, собирали художников, подготавливали эскизы и модели костюмов. И вот ситуация: коллективы почти уже сформированы, а костюмов все нет и нет. Причина была в том, что артели и прочие пошивочные организации, своевременно получившие заказы, отказывались заниматься этим делом, так как не были знакомы со спецификой подобной работы.

Я доложил Григорию Артемьевичу, что наступают очень тревожные дни. Он спросил: "Предложения есть?" Я ответил, что вижу одно решение вопроса, но оно чревато определенными трудностями. Суть в том, что на первом этаже филармонии мы располагаем несколькими большими репетиционными помещениями. Там можно было бы развернуть самостоятельное производство костюмов, набрать соответствующих мастеров, пригласить кое-кого даже извне республики. Но при этом мы должны получить взамен этих помещений другие, и обязательно в том же здании. Тогда только что созданные мастерские будут изолированы от коллективов и будут спокойно работать, а коллективы — продолжать свои репетиции.

Григорий Артемьевич сказал: "Сам видишь, надеяться не на кого. И не потому, что люди не хотят работать: если бы они не хотели, мы нашли бы способ повлиять на них. Они просто не умеют. Поэтому ты, вероятно, предлагаешь лучшее решение. Даю добро на то, чтобы немедленно начать разворачивать мастерские в самой филармонии".

Разумеется, это было связано с большими трудностями. Нужно было доставать инвентарь, столы, материал, словом, все необходимое, чтобы мастера могли продуктивно работать.

За короткий срок мы одели 10 девушек из Ансамбля песни и пляски, несколько юношей и девушек из филармонического хора, и я попросил Григория Артемьевича найти возможность приехать и посмотреть, во что это выливается: продолжать работу, или остановиться. Разумеется, мы пригласили также знавших театральное дело практиков-режиссеров, художников-костюмеров. После детального обсуждения было принято решение: изготовить для солистов новые модели, чтобы они имели по 3-4 сменных туалета.

Одновременно были определены точные сроки завершения экипировки всех коллективов.

Получив указание, мы организовали трехсменную работу мастеров, и вскоре коллективы были одеты полностью.

Так с помощью Григория Артемьевича с его каждодневной заботой, пониманием ответственности задачи нам удалось за 7-8 месяцев сделать то, что при других обстоятельствах не сделали бы за 2-3 года.

Это был успех. Филармонические коллективы к тому времени окрепли и в творческом отношении. Они были готовы вынести на суд общественности свою продукцию, что давало возможность оценить одновременно и уровень коллективов, и проделанную ими работу.

При решении этой первой поставленной передо мной труднейшей задачи я впервые столкнулся с таким объемом работы и таким пониманием со стороны Григория Артемьевича.

Главную роль в Декаде должен был играть оперный театр. Мне было известно, что театр много работал, много сделал для создания спектаклей, достойных того, чтобы представить наше искусство в Москве. Но Григорий Артемьевич на все это смотрел шире. Он дал указание пригласить для участия в подготовке Декады таких замечательных мастеров, как Рубен Симонов, Александр Мелик-Пашаев, Христофор Кушнарев, Арам Хачатурян, Илья Арбатов и других выдающихся деятелей. С их помощью шла напряженная работа над оперными спектаклями "Ануш" А.Тиграняна, "Алмаст" А.Спендиарова, "Лусабацин" А.Степаняна и только что созданным балетом "Счастье" А.Хачатуряна.

К этой группе присоединилось немало других деятелей искусств армянской национальности, съехавшихся в Ереван для участия в оркестре, сольных выступлениях. Здесь уже находился квартет имени Комитаса, который вошел в состав оркестра Ереванского оперного театра и готовил для своих концертов новые обработки армянских мелодий.

Атмосфера, созданная вокруг Декады, была великолепной. Я не говорю: исключительно благоприятной, я говорю – великолепной, потому что все стремились с честью выдержать очень сложный, большой художественно-творческий экзамен. Эта атмосфера очень способствовала нашей продуктивной повседневной работе.

К сожалению, некоторые руководители оперного театра решили, что именно они являются хозяевами Декады, им дано определять программу Заключительного концерта и т.д. При этом, филармонические коллективы, ансамбли и солисты, которые были намечены к участию в Декаде, становились как бы придатком к оперным спектаклям. Многие работники филармонии болезненно восприняли этот факт.

Пришлось пойти к Григорию Артемьевичу. Войдя в его кабинет, я с ходу заявил, что преклоняюсь перед руководством оперного театра, но не считаю, что оно понимает в вопросах искусства больше кого-либо другого. Как объяснить, например, что Алтуняна, Асламазяна, да и меня как руководителя филармонии отстранили от подготовки программы Заключительного концерта. Я предложил нормализовать обстановку, коллегиально обсудить и придти к единому мнению по всем возникающим вопросам.

Григорий Артемьевич выслушал все это и сказал: "Ты прав. В театре, действительно, есть настроение, что, мол, мы, оперники — "пуп земли". Ну хорошо, попытаемся что-нибудь сделать".

Через день группа товарищей (и я в том числе) была приглашена к Григорию Артемьевичу для обмена мнениями вокруг нерешенных проблем подготовки к Декаде. Григория Артемьевича интересовало все: как будет выглядеть программа Заключительного концерта, кто ее будет делать, кто художник, кто исполнители? После короткой информации со стороны участников совещания я высказал мысль, что сепаратные действия руководства оперного театра могут лишь повредить делу. Нужно исправить положение, пока не поздно. Мы еще успеем все сделать, и сделать по-настоящему хорошо. Сказал, что для решения неотложных вопросов считаю необходимым вмешательство Первого секретаря.

О подготовке к Декаде можно рассказывать без конца. Тысячи проблем, множество людей, каждый со своими индивидуальными чертами, своими принципами, своим подходом. Но все действия, в конечном счете, были направлены на то, чтобы Декада была проведена отлично.

Как уже говорилось, Декада прошла на очень высоком уровне, с огромным успехом. Однако с особым триумфом прошел Заключительный концерт. Здесь все предельно мобилизовали свои силы. В Большом театре Союза ССР царила атмосфера большого творческого

накала. Каждый номер принимался с успехом, продолжительными аплодисментами, и концерт этот явился органичным достойным продолжением и завершением всей Декады.

По окончании Декады Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа ее участников была награждена орденами и медалями СССР. Оперный театр был награжден орденом Ленина, а Армянская филармония — орденом Трудового Красного Знамени. Труд, вложенный всеми участниками в организацию Декады, был оценен очень высоко. Я был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Не могу сказать, что после опубликования названного Указа у всех товарищей (особенно — солистов) было одинаково хорошее настроение. В таких случаях каждый ждет, что его наградят, причем самыми высокими наградами. Однако дело вовсе не в этом. Дело в том, что в Советской Армении, — вчера еще разрушенной, стоявшей на краю гибели, — в этой Армении, благодаря Советской власти, возродилась культура. Декада показала, каким реальным потенциалом располагает республика, показала, на что способна Советская власть, открывшая дорогу для свободного творческого роста и развития народа.

Таким образом, здесь тесно переплелись художественные и политические проблемы, и в этом смысле, — и художественном, и политическом, — Декада имела огромное значение, причем не только для нашей республики.

Участники Декады собирались уже домой. На следующий день, где-то около шести часов вечера, меня вызвали к Григорию Артемьевичу в гостиницу "Москва", где он остановился. Я вошел. В номере сидело несколько товарищей, что-то пили, беседовали, шутили, радовались, настроение у всех было отличное. У Григория Артемьевича улыбочное лицо. Он берет бутылку, наливает мне стакан какого-то питья — не помню, то ли коньяка, то ли водки — и говорит: "Завен! Если выпьешь до конца этот стакан, то докажешь, что ты действительно мужественный человек, а мужественным людям всегда поручают мужественные дела". Мне было трудно, но я опорожнил этот стакан. Тут Григорий Артемьевич говорит: "Ну, а теперь — к себе, в свой филармонический штаб. Немедленно собирай людей. Сегодня в 21.00 вы выезжаете со всеми своими коллективами в Ленинград.

Делается это по очень большой просьбе товарища Жданова. Они хотят, чтобы наши коллективы участвовали в концерте после торжественного заседания, посвященного годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Я надеюсь, что все будет хорошо. Больше тебя не задерживаю".

Я, конечно, пришел в ужас, но, попрощавшись, ушел, вызвал своих товарищей, информировал их, и мы бросились собирать коллективы. В это время на Ленинградском вокзале уже шло формирование специального железнодорожного состава.

Мы буквально сбились с ног, но к назначенному времени удалось собрать лишь половину коллективов. Не затягивая свой рассказ, скажу лишь, что отправление поезда было перенесено на 24.00, но лишь в 4 часа утра железнодорожный состав тронулся с места. Много хлопот доставили мы тогда ленинградским товарищам. Мне потом рассказывали, что ленинградцы три или четыре раза приходили встречать наш поезд, а армянских артистов все нет и нет...

В пути, за час или два до прибытия в Ленинград, в поезде появились представители Ленинградского управления культуры и передали просьбу: прямо с вокзала ехать в Кировский театр, где должно было состояться наше выступление. Тогда я дал команду, чтобы все коллективы были переодеты в вагонах, и прямо с поезда мы направились в автобусах в Кировский театр. Успех был очень большой. На следующий день мы встречались с рабочими коллективами Ленинграда, с интеллигенцией, выступали в научных учреждениях и, наконец, направились в Ереван.

Задержка в пути произошла в Баку, и вновь при необычных обстоятельствах. На бакинском вокзале мне вручили указание руководства Армении задержаться в Баку на 7-8 дней и провести концерты для трудящихся. Наш железнодорожный состав загнали в тупик, закрыли вагоны, коллективы же разместились в гостиницах. В течение недели мы гостили в Баку, дали большое количество концертов и были приняты поистине по-братски. Атмосфера была очень теплая, дружественная. Азербайджанские товарищи не скрывали, что им есть чему поучиться у Армении, особенно в области организации художественно-творческих коллективов. Завершив с очень большим успехом наше пребывание в Баку, мы, наконец, прибыли в Ереван.

Первая задача, которая встала по возвращении в Ереван перед всеми нами — Центральным Комитетом, Григорием Артемьевичем, организаторами искусства Армении, — состояла в том, чтобы сохранить высокий уровень, достигнутый во время Декады, и на этом основании идти вперед, продолжая развивать наше социалистическое искусство. В места постоянного проживания возвращались приглашенные для участия в Декаде товарищи (особенно трудно пришлось в этом отношении оперному театру). Приходилось делать все возможное и невозможное, чтобы сохранить высокий творческий уровень коллективов.

Григорий Артемьевич великолепно понимал, что не все участники Декады были удовлетворены оценкой их деятельности (разумеется, далеко не все они были награждены орденами, медалями или Почетными грамотами). Дополнительно было принято решение присвоить группе работников культуры почетные звания. В связи с этим вспоминаю такой факт (было это в 1940 году): звонят и приглашают меня к Григорию Артемьевичу. Я вошел в кабинет. Он встал, поздоровался, предложил мне сесть и сказал: "Вот что, Завен, мы хотим присвоить тебе почетное звание. Я лично очень хочу, чтобы ты всю жизнь помнил, что ты великолепный артист. Присвоить тебе звание Народного артиста республики, хотя ты этого достоин, мы не можем: нельзя перепрыгивать через ступени. Поэтому вот дилемма: Заслуженный артист республики, что лично мне кажется более правильным, или Заслуженный деятель искусств? Выбирай сам". Можно было представить мое состояние в этот момент и чувство благодарности к партийному руководителю республики, видевшему во мне прежде всего музыканта, артиста. Я поблагодарил Григория Артемьевича и сказал: "Решайте вопрос, как считаете нужным".

Вскоре после возвращения с Декады я был назначен заместителем начальника Управления по делам искусств при Совете Министров Армянской ССР. В этом назначении еще раз проявилась постоянная забота Григория Артемьевича о том, чтобы искусством руководили профессиональные кадры. Вначале он предложил мне занять пост начальника этого Управления. Но я довольно смело заявил, что это было бы преждевременно: "Григорий Артемьевич! Во-первых, у меня нет опыта руководства всем искусством Армении. Во-вторых, будет обидно, если нынешний начальник Управления, очень хороший

товарищ, будет переведен на другую работу. Поставленную Вами задачу, чтобы Управление больше занималось творческими проблемами, мы постараемся решить вместе. Готов войти в Управление заместителем начальника". Григорий Артемьевич улыбнулся: "Добро. Пусть так и будет. Хотите что-нибудь добавить?" Я отрицательно покачал головой. Тогда он сказал: "На этом мы завершаем. Центральный Комитет примет такое решение".

Трудной задачей оказалась организация симфонического оркестра Армфилярмонии. В то время Ереванская консерватория еще не обеспечивала нас необходимым количеством оркестрантов. В консерватории (включая студентов и преподавателей) можно было набрать 30 – максимум 40 человек. Часть оркестрантов пришлось приглашать извне. Однако, тяжелые жилищные условия Еревана препятствовали размещению артистов. И на этот раз Григорий Артемьевич пошел нам навстречу. Соответствующие органы разрешили нам затратить специальные средства на содержание квартир для приглашенных артистов симфонического оркестра. Таким образом, в коллективе было устранено и это препятствие. В 1941 году, буквально накануне Великой Отечественной войны, симфонический оркестр Армфилярмонии начал свою деятельность.

В годы войны перед деятелями искусства союзных республик, в том числе Армении, встала задача: в труднейших условиях военного времени сохранить, по мере возможности, художественные коллективы, сохранить нужные республике кадры художественной интеллигенции. В этом проявилась мудрость советского руководства, его забота о будущем нашего искусства. И это в условиях, когда на фронтах шли трудные, кровопролитные бои. Обсуждая, в соответствии с военным положением, вопрос о новой расстановке кадров, ЦК КП Армении принял решение направить начальника Управления по делам искусств Андраника Шагиняна на политическую работу в армию, а меня, его заместителя, назначить начальником этого Управления.

Оговорюсь: ошибочно было бы предположение, что все было гладко, что так просто складывались мои отношения с руководством республики. Григорий Артемьевич бывал и резковатым, иной раз его неверно информировали. Однако, замечательной чертой его было то, что он мог с тобой поспорить, погорячиться, выставить вон из кабинета. Но подумав и убедившись, что вспышка была неоправ-

данной, находил форму и повод для того, чтобы встретиться и сгладить этот неприятный инцидент.

В 1944 году, когда я уже в течение двух лет был начальником Управления по делам искусств Армении, возникла идея организации в Москве симфонического концерта с участием хорового коллектива и солистов. Мне поручено было представить проект программы. Совместно с дирижером М.А.Тавризианом и хормейстером В.А.Никольским мы решили в основу программы положить "Пролог" (Рождение Давида) из оперы Аро Степаняна "Давид Сасунский". Произведение это сложное, серьезное, надо было найти оркестр, хор, начать его разучивание.

До нашего выезда в Москву у меня произошел неприятный разговор с Григорием Артемьевичем. Его информировали, что мы все неправильно делаем, не то везем, не тех людей везем. Почему-де за бортом остаются опытные режиссеры, которые могли бы на московской сцене "обставить" такое большое мероприятие... Когда я пришел, чтобы доложить о готовности к выезду, Григорий Артемьевич сказал: "Я этим делом заниматься не буду. Ты затеял это, сам и доводи до конца. Говорят, неправильно поступаешь, все решаешь сам, ни с кем не советуешься". Я ответил, что это легко проверить. "Не знаю, у меня нет времени заниматься проверками. Не хочу об этом разговаривать".

Разумеется, я ушел удрученный, с поникшей головой и думал: "Черт возьми! Работаете, работаете не покладая рук, а тут какая-то пакостная личность со стороны может все испортить".

Перед отъездом я все-таки пришел к Григорию Артемьевичу, чтобы попрощаться. Сперва он передал через секретаршу, что не может меня принять, и что нам не о чем больше разговаривать. Но я все же не ушел: сидел и ждал. Должно быть, он поинтересовался: ушел ли Вартанян? Секретарша сказала: "Нет". Тогда он вызвал меня и сказал: "Я бы Вас не принял (сразу перешел на Вы), если бы не щадил Ваше самолюбие. А теперь, как взяли на себя ответственность, так и доводите до конца, как мужчина. Отвечаете головой за это мероприятие". Я сказал: "Спасибо, у меня к Вам вопросов нет, завтра мы выезжаем".

Ехали мы втроем: талантливейший дирижер Михаил Арсеньевич Тавризиан, опытный хормейстер нашего театра Вениамин Андреевич Никольский и я. Шла война. Зима. Ехали в купе международного ваго-

на, где температура не поднималась выше 4-5 градусов. Это была пытка, большая пытка. Ехали мы через Сталинград, очень долго.

Наконец, мы в Москве. Началась большая организационная работа, связанная с привлечением коллективов, налаживанием репетиций. Особенно трудно было с хором (к концерту были привлечены московские коллективы). Выучить на армянском языке текст сложной хоровой партии — задача не из легких. В.А.Никольскому удалось, однако, преодолеть эту трудность.

Настал день концерта. Я телеграфировал о готовности в Ереван. Оказывается, Григорий Артемьевич, сердясь-сердясь, но все же к началу концерта включил приемник, и весь концерт прослушал с начала до конца. Он убедился, какой теплый прием оказали нам москвичи. В то время проведение подобных концертов имело не только художественное, но и огромное общественно-политическое значение. Идея этой, на мой взгляд, важнейшей культурной акции заключалась в том, что союзная республика, принимающая вместе со всей страной участие в большой кровопролитной войне, находит в себе силы и возможности проводить концерты в столице нашей Родины.

Будучи вполне удовлетворены результатом, мы в хорошем настроении возвратились домой. По приезде я посетил Григория Артемьевича, чтобы доложить о концерте. После первой же фразы он прервал меня: "Не рассказывай ничего. Я концерт слушал. В общем, упрямый ты человек, Вартанян, но ничего не могу сказать — молодец!"

Через два дня был опубликован Указ о награждении нас Почетными грамотами Президиума Верховного Совета республики — за отлично организованное и проведенное на высоком уровне большое художественно-политическое мероприятие в Москве.

Факт этот свидетельствует о многом. Даже будучи раздражен и позволив себе чрезмерно резкий тон, Григорий Артемьевич, узнав правду, становился на абсолютно объективную позицию, честно признавал допущенную ошибку и исправлял в приемлемой форме. Примером тому — награждение нас грамотами Президиума Верховного Совета Армении.

Однажды Григорий Артемьевич сказал мне: "Я часто думаю о процессах, которые протекали в России в XIX веке, о формировании

русской национальной композиторской школы. В полной ли мере мы используем опыт, накопленный Россией в этой области?"

Я ответил, что, как известно, наши композиторы-классики — Екмялян, Кара-Мурза, Комитас, Спендиаров, Романос Меликян и другие — либо учились в русских консерваториях, либо изучали опыт русской композиторской школы. Блестящим примером развития этих традиций является творчество Арама Хачатуряна. Но нужно думать и о завтрашнем дне. "Кое-что я предпринял, — сказал я. — Но это пока еще в начальной стадии, поэтому я Вас пока не информировал. На базе Дома культуры Советской Армении в Москве мы организовали студию, в которой будут стажироваться лучшие молодые представители различных областей армянского искусства. Вы знаете, что из композиторов Котик [Александр Арутюнян], Эдик [Эдвард Мирзоян], Арно [Бабаджян] и Адик [Адам Худоян] уже находятся в Москве. Им нужна учеба типа аспирантуры, с индивидуальным совершенствованием их знаний, техники, их возможностей в композиторском искусстве. Не скрою, все это связано со слишком большими нарушениями финансовой дисциплины, и если узнают, что это сделал я, меня посадят на следующий же день".

Григорий Артемьевич улыбнулся: "Нет правил без исключений. Конечно, с точки зрения закона, это нарушение, но люди, на которых мы тратим эти деньги, окупят эти затраты сполна. Действуй! Действуй без лишних разговоров, без обсуждения не только среди своих товарищей, но и в кулуарах, и даже дома. Что касается финансистов, оставь их в покое. Если пронюхают, будут кушать меня, а не тебя".

Добавлю, что Григорий Артемьевич лично хорошо знал упомянутых молодых композиторов: они дружили с его приемной дочерью — Нами, которая училась в консерватории на музыковедческом отделении. К композиторской молодежи отлично относилась и жена Григория Артемьевича, Нина Григорьевна, очаровательная женщина, серьезная, вдумчивая, преданная, никогда не позволявшая себе ничего лишнего, что пришло бы в противоречие с обликом супруги столь высокопоставленного лица. Естественно, к ней многие обращались с самыми разнообразными просьбами, и она очень корректно старалась направить это по нужным каналам, как это и было положено. Григорий Артемьевич, как правило, с Ниной Григорьевной, часто появлялся на

спектаклях, концертах, и это всеми воспринималось очень положительно.

Однажды, в 1947 году, Григорий Артемьевич пригласил меня к себе и говорит: "Послушай, Завен! Сколько лет уже ты заведующий Управлением по делам искусств? Может быть, хватит? Не думай, я не критикую тебя за плохую работу, просто говорю: может быть, хватит? Может быть, ты перешел бы в аппарат ЦК Компартии Армении? Нам всем и лично мне это было бы очень удобно. Мы здесь вместе обсуждали бы многие вопросы, приглашали бы людей, беседовали и советовались бы с ними и продвигали бы развитие нашей культуры дальше. Аппарату Центрального Комитета Армении это было бы удобно. Есть ли у тебя возражения?"

Я сказал: "Нет, Григорий Артемьевич! Возражений у меня нет. Просто я привык к своей работе и, вероятно, будет на первых порах трудновато. Но я надеюсь, что это преодолению. Поэтому, пожалуйста, решайте вопрос".

Вопрос тут же был решен, и меня назначили заведующим сектором искусств ЦК Компартии Армении. На этом посту я много раз встречался с Григорием Артемьевичем, мы обсуждали многие вопросы, касающиеся искусства республики, и меня всякий раз поражало, как этот человек, буквально с каждым днем, углубляется в проблемы искусства и, в частности, музыкального. Нет-нет, да и пригласит Григорий Артемьевич на беседу по разным вопросам.

До переезда в Москву в 1948 году мне доводилось неоднократно бывать у Григория Артемьевича дома. Иной раз, поздно вечером, он через своих сотрудников давал знать, что идет домой пешком: не хочу ли я сопровождать его? Мы шли по пустынным улицам ночного Еревана, разговаривали, обсуждали какие-то вопросы. Дойдя до своего дома, Григорий Артемьевич говорил: "Может, зайдешь? Мне подарили новую пластинку, послушаем". Иногда мы засиживались у него до поздней ночи, обсуждая проблемы искусства республики, причем не только музыкального.

В 1948 году решением Центрального Комитета КПСС я переехал в Москву для работы в аппарате ЦК.

Произошло это следующим образом. В марте 1948 года в Москве состоялся 1-й съезд советских композиторов. Я был делегатом съезда и, от Армении, вошел в состав Правления Союза композиторов СССР.

В один из дней меня пригласили в ЦК КПСС на беседу о возможности моего переезда в Москву для работы в аппарате ЦК. Честно говоря, поначалу я всячески отказывался, хотя и понимал, что подобное предложение почетно для каждого коммуниста, которому доверяют работу в штабе нашей партии. Свой отказ я мотивировал тем, что очень связан с армянской действительностью, с интеллигенцией республики, что у меня работа в консерватории (пропадает 12-летний вузовский стаж), наконец, тем, что в Ереване у меня семья. Я просил, в случае возможности, оставить меня для работы в Армении.

Вернувшись домой, я все рассказал Григорию Артемьевичу. Он подумал, улыбнулся и сказал: "Ну, вот мы и потеряли Завена. Потеряли в Армении, но я надеюсь, что ты будешь помогать республике, состоя в аппарате Центрального Комитета КПСС".

После этого разговора прошло 4 месяца. Я успокоился и уже думал, что, может быть, все обошлось, что московские товарищи уважили мою просьбу и отказались от моей кандидатуры. Но вот однажды, около 12 часов дня, слышу в телефоне голос Григория Артемьевича: "Ты свободен, Завен?" — "Да, Григорий Артемьевич". — "Тогда заходи, заходи". Я вошел к нему. Он говорит: "Ну вот, настал и твой день. Вот постановление Центрального Комитета, что ты назначаешься консультантом в аппарате ЦК, точнее, в Управлении пропаганды и агитации ЦК КПСС". Мне стало радостно и немножко, конечно, грустно, словно что-то внутри оборвалось. Уловив это мое настроение, Григорий Артемьевич сказал: "Знаешь, Завен, я тоже думал об этом. Может быть, это даже хорошо. Ты много поработал и много отдал, сам многому научился. Может быть, не следует застревать на одном месте, надо двигаться вперед. В этом смысле, работа в аппарате Центрального Комитета партии будет иметь для тебя огромное значение. И потом, суди сам: ведь здесь нас окружают сложные люди. В общем, вот мое добро: езжай. Кстати, сегодня звонили из аппарата ЦК и просили, чтобы ты не задерживался. Три дня тебе на сборы и отъезд в Москву. Семья приедет позже, когда устроишься с квартирой".

Прямо от Григория Артемьевича я направился домой, готовиться к отъезду. В день отъезда я попрощался с Григорием Артемьевичем —

очень тепло, очень по-дружески. Он вновь улыбочиво, шутливо говорил: "Ну, теперь ты на вышке, помогать надо республике". На этом мы расстались.

Впоследствии, приезжая в Москву по различным делам, Григорий Артемьевич обязательно заходил в наш кабинет в аппарате Центрального Комитета, где располагались я и Борис Михайлович Ярустовский. Садился, интересовался нашими делами, если нужно – спрашивал совета по тому или иному вопросу. Связь между нами не прерывалась.

Однажды Григорий Артемьевич мне сказал: "Слушай, Завен! Приближается 130-летие со дня рождения Микаэла Налбандяна, замечательного революционера-демократа. Мне очень хочется хорошо отметить эту дату. Ведь это одна из важных нитей, которая связывала передовую армянскую философскую мысль с русским революционным движением. Может, возьмешься за написание оперного либретто на материале его жизни и творчества?" Я сразу ответил ему отрицательно, пояснив: в творчестве Налбандяна преобладает философская мысль, в личной жизни нет интересной лирической линии, которая увлекла бы композитора на такую большую работу. А вот пьесу, конечно, пьесу можно написать. Григорий Артемьевич внимательно посмотрел на меня: "Что решишь, то и пиши. Имей в виду, что ты получил заказ на произведение о Микаэле Налбандяне. Выбор жанра остается за тобой".

Попрощался и ушел. Я же с этого дня покоя не имел. Перерыл огромный архив. До того я никогда пьес не писал. Пробовал писать оперные либретто. Очень всегда любил драматургию, много читал, естественно, хорошо знал драматический театр, как мне казалось, чувствовал драматургию. И меня потянуло написать революционную драму о Микаэле Налбандяне, его русских друзьях, его деятельности и мытарствах, о его трагической гибели в ссылке.

Работа у меня шла очень успешно. Я написал три варианта пьесы. Вернее, так: отдельные разделы писал в вариантах, затем производил отбор. Наконец, я завершил пьесу.

Как-то раз в Москву приехал главный режиссер театра имени Сундукяна Армен Карпович Гулакян. Отношения с ним у меня были в разные периоды очень неровные. Но важно, что в этот его приезд у

нас не было особых причин для столкновений. Наоборот, он говорил, что очень хорошо ко мне относится, ценит меня. Словом, мы встретились с Гулакяном, и я прочитал ему пьесу. Не скрою, он похвалил ее и сделал несколько дельных, серьезных замечаний. Я принял эти замечания и написал целую новую картину, отбросив что-то второстепенное. Вскоре завершил работу, перепечатал и с небольшим сопроводительным письмом отправил на имя Григория Артемьевича. В сопроводительном письме я отметил, что мне приятно было выполнить его просьбу, и что я стремился отдать дань памяти пламенного революционера Микаэла Налбандяна, о результатах же судить не мне.

К тому времени юбилей Налбандяна уже приближался, и в Армении появились еще пять или шесть пьес на ту же тему. Поэтому, как мне передали, Григорий Артемьевич сказал: "Надо всех авторов поставить в равные условия. Необходимо создать высокоавторитетную комиссию из представителей театра, Союза писателей, Института литературы, Управления по делам искусств, аппарата ЦК. Пусть товарищи познакомятся со всеми пьесами и выскажут свои соображения".

В результате, из всех произведений были выделены две пьесы — моя и Александра Араксманяна (его пьесу поддерживали по справедливости).

Григорий Артемьевич сказал так: "Я знаю Завена. Он не обидится. Позвоните ему и скажите, что я очень прошу его встретиться с Араксманяном и совместно, на основе двух пьес, сделать единый вариант. Пусть они выступают как соавторы. Думаю, что Завен поймет".

Так и получилось. Вскоре Араксманян приехал в Москву, и мы увидели, что у нас есть основание объединиться. Все лучшее из той и другой пьесы мы отбирали, корректировали, дописывали новые куски. Араксманян вернулся в Ереван, пьеса была принята, и в 1952 году, к юбилейным дням, один из самых талантливых режиссеров Армении — Вардан Аджемян — поставил ее на сцене сундукяновского театра.

Скажу откровенно: успех был невероятный. Ереван выдержал сто аншлагов. Приезжали смотреть спектакль не только из близлежащих районов, но и отдаленных уголков республики. Это было очень приятно, и в свой ближайший приезд в Москву Григорий Артемьевич тепло поздравил меня с дебютом на драматической сцене.

Кстати, Араксманян до того писался: Александр Араксман. Я все подтрунивал над ним, говоря: "Какой ты "ман", когда ты "ян". И когда

наша совместная работа завершилась, он из Араксмана вновь стал Араксманяном.

Спектакль был выдвинут на Сталинскую премию (в числе представленных лиц, к сожалению, не были указаны авторы этой пьесы). Комитет по Сталинским премиям представил свое решение, где, по инициативе председателя этого комитета Александра Фадеева, отдельной рубрикой указывались фамилии А.Араксманяна и З.Вартаняна. Однако, вскоре скончался И.В.Сталин, и премия этого года не присуждалась.

За долгие годы общения с Григорием Артемьевичем Арутюняном я имел отличную возможность (добавлю: и удовольствие!) наблюдать за его деятельностью, каждый раз убеждаясь в том, что мы имеем дело с человеком большого ума, организаторского таланта, с большим патриотом и просто заботливым человеком, который делает все возможное для процветания нашей Родины.

Даже в трудные военные годы в экономике Армении происходили положительные сдвиги, появлялись новые объекты, создавались новые производства. В послевоенные годы развернулась необычайно созидательная, живая работа во всех областях строительства новой жизни, в том числе и в сфере культуры. Это было здорово!

Мне хотелось бы подчеркнуть, что наш народ признал Григория Артемьевича достойным руководителем нашей древней страны. Я знаю, с каким доверием люди шли к нему, обсуждая свои проблемы, как он приглашал к себе целые группы представителей интеллигенции и советовался с ними по тем или иным вопросам истории и культуры. И армянская интеллигенция, в том числе очень своеобразная, непростая художественная интеллигенция, приняла его как крупного государственного деятеля, большого друга армянской культуры.

Известно, что в истории Армении был еще один Григорий – Григорий Просветитель. Григория Артемьевича Арутюняна с большим удовольствием называли Григорием Строителем. И в этом была истина.

Григорий Артемьевич руководил республикой 17 лет. Руководил достойно, творчески, инициативно.

Вскоре после смерти И.В.Сталина в Армении произошли серьезные события. На собрании партийного актива республики Г.А.Арутюняна жестко критиковали, его имя втоптали в грязь. Придумывались и

нагромождались мелочные "факты", не имеющие сколько-нибудь серьезного значения с точки зрения судеб страны и несопоставимые с масштабами его государственной деятельности. Поддавшись общему настроению, критиковали его и многие из тех, кто ранее называл его Григорием Строителем.

Пленум ЦК КП Армении, обсудив положение дел в республике, с очень малоубедительной, надуманной формулировкой отстранил Григория Артемьевича от работы. Это было очень трудное время, но Григорий Артемьевич мужественно, как подобает коммунисту, перенес этот смертельный для него удар.

Он остался в рядах партии, был направлен на другую работу, но вскоре, по состоянию здоровья, ушел и с этого поста, переехав в Тбилиси. Там и скончался наш Григорий Артемьевич, Григорий Строитель.

Глава седьмая

Слово о Завене Вартаняне

Лушин

Станислав Александрович

Засл. деят. иск. РСФСР,

*сотрудник аппарата Министерства
культуры СССР*

Незабываемое

С Завеном Гевондовичем Вартаняном я познакомился в 1961 году. Мы с женой — Тамарой Вениаминовной Сырцевой, были на "Лебедином озере" в театре им. Станиславского и Немировича-Данченко. В антракте она встретила невысокого роста мрачноватого человека, которому меня представила. Это был Завен Гевондович. Они о чем-то поговорили по-армянски, а он предложил мне пойти покурить...

Потом мы не виделись два года и лишь в сентябре 1963-го встретились всерьез и надолго. Тогда Вартанян пригласил меня на работу в Отдел музыкальных учреждений Министерства культуры СССР.

Отдел располагался на улице Неглинная 15 вместе с другими творческими отделами — Драматического искусства, ИЗО, Охраны памятников, а также Комитетом по Ленинским и Государственным премиям. Там же, на Неглинной 15, помещались Госконцерт и Союзгосцирк. Теснота была ужасающая.

Начальство — министры, замы и некоторые функциональные отделы находились на улице Куйбышева 10, и добираться туда приходилось минут пятнадцать. Все были этим довольны, потому что сразу “вызывать на ковер” у руководства не получалось, и многие вопросы волей-неволей “соскакивали”.

Отдел наш был небольшой по численности, но состоял из знающих свое дело людей. Особенно выделялась фигура Вартаняна, который, как хороший дирижер, был на голову выше оркестра.

Завен Гевондович Вартанян был очень простым и добрым. Его уважали, побаивались и многие любили. Не помню случая, чтобы за его спиной или в частных беседах кто-либо из сотрудников отдела сказал о нем дурное. Кличек ему не давали, но между собой, для краткости, звали *Завен*.

В конце 1964 года решением ЦК КПСС Отделы Министерства культуры СССР были преобразованы в Управления, с соответствующим увеличением штатов (до 30 человек) и, что немаловажно, зарплаты. Завен Гевондович был счастлив и говорил, что наконец-то Управление сможет по-настоящему выполнять возложенные на него функции.

“Хозяйство” было большое, принимая во внимание времена глобальной централизации: 36 театров оперы и балета, 78 театров оперетты и музыкальной комедии, 78 филармоний и концертных организаций, свыше 100 самостоятельных художественных коллективов. Работники Управления обязаны были досконально знать все о жизни этих учреждений, помогать им, “держатъ руку на пульсе”. Благодаря Вартаняну, его кипучей энергии, это получалось. Он строил отношения с коллегами из республик исключительно на дружеской, товарищеской основе. Никакого “начальствования”, чванства, ненужных

поучений. И строго следил, чтобы этот стиль сохранял каждый наш сотрудник.

Подобная практика приносила свои плоды. Читателю этих строк трудно себе представить, сколько замечательных музыкантов – дирижеров, композиторов, балетмейстеров приходило в Управление со своими заботами. Посоветоваться. Потому что испытывали уважение, ценили опыт и знания наших сотрудников и были уверены в действенной, если надо, поддержке. Могу утверждать, что другого такого Управления в Министерстве культуры не было (имею в виду авторитет и творческую значимость каждого работника). В этом бесспорная заслуга Вартаняна, хотя он и чувствовал естественную зависть некоторых коллег.

Не нужно думать, что Завен Гевондович был человеком спокойным, сдержанным. Может быть, в отношениях с подчиненными, но не с начальством. Он начал работать при министре культуры Михайлове. Как Вартанян с ним воевал, как боролся со скоропалительными, непродуманными решениями! Часто он терпел поражение, и тогда обращался в Отдел культуры ЦК КПСС, и там продолжалась борьба за убеждения.

Иное дело с приходом Екатерины Алексеевны Фурцевой. Она, как человек талантливый, блестящий организатор, сразу поняла, что личность З.Г.Вартанян, каков масштаб его деятельности и как ясно он представляет пути развития советского музыкального искусства. Фурцева практически всегда поддерживала Вартаняна.

Кстати, он был единственным из начальников, кому не попадало на еженедельных понедельничных совещаниях у Е.А.Фурцевой. Она его и побаивалась. Когда на заседаниях коллегии Министерства культуры Вартанян чувствовал, что вопрос обсуждается неправильно, он “заводился”, вскакивал, кричал, и Екатерина Алексеевна его успокаивала, как ребенка, обещала еще раз все обсудить и всегда к нему прислушивалась.

В 1967 году заместителем министра культуры СССР был назначен Василий Феодосьевич Кухарский – известный музыкальный критик, крупный работник аппарата ЦК КПСС. Они с Вартаняном были хорошо знакомы, общались “на ты”. С тех пор Кухарский был нашим постоянным куратором. Не могу сказать, что их отношения всегда были безоблачны, но они делали общее дело, и взгляд на способы дос-

тижения цели был у них одинаков. Поэтому Завен Гевондович смог осуществить много славных, знаменательных начинаний.

Он был автором идеи Всесоюзного конкурса на написание и создание спектаклей — опер, балетов, оперетт и музкомедий к 50-летию Великого Октября. Причем, по условиям конкурса, это было "сочинение на свободную тему", что никак не сковывало авторов выбором тематики. Получилась крупнейшая, не имеющая аналогов, творческая акция, которая буквально всколыхнула всю музыкально-театральную жизнь страны.

Кстати, перед этим Министерство культуры и Союз композиторов СССР провели пленум, посвященный развитию советского оперного искусства, и основной доклад на нем готовила группа работников Управления во главе с Вартаняном. Получилось серьезнейшее научно-практическое исследование. Когда я сказал Завену Гевондовичу, что материал по стилю — краткому и точному — смахивает на Сталина, он внимательно посмотрел на меня и сказал, что это не самый плохой пример для подражания.

Подобные же конкурсы были проведены среди всех коллективов: ансамблей танца, ансамблей песни и танца, хоровых капелл, симфонических оркестров и др. За всем этим стоит огромная организаторская работа Вартаняна и его коллег.

Завен Гевондович понимал необходимость нашей теснейшей связи с Союзом композиторов СССР, и связь эта была постоянной и плодотворной. Немалую роль играли и личные прекрасные отношения Вартаняна с Т.Н.Хренниковым, Д.Д.Шостаковичем, А.И.Хачатуряном, Д.Б.Кабалевским, К.А.Караевым, Г.В.Свиридовым и многими, многими другими. Всех не перечислишь.

Вместе с ними Завен Гевондович боролся против пропаганды на Радио и Телевидении музыкальной низкопробщины (правда, как показала дальнейшая практика, боролся безуспешно).

При Союзе композиторов СССР действовало Бюро пропаганды советской музыки. Вартанян, используя возможности Управления, организовывал с ним во всех республиках концерты современных композиторов, авторские вечера и т.п. Шел живой творческий обмен, польза от которого была огромной. Могу утверждать, что благодаря Вартаняну между Министерством культуры и Союзом композиторов была налажена удивительно дружная совместная работа.

Писать о ней подробно, значит не иметь возможности рассказать о других славных деяниях Завена Гевондовича.

Конкурсы! Как мне помнится, Вартанян был одним из инициаторов и основных организаторов международной музыкальной эпопеи — конкурса имени Чайковского.

Для того, чтобы понять грандиозность этого начинания, надо ощутить себя внутри подготовительного процесса и осуществления этого не имеющего себе равных в музыкальной практике творческого соревнования.

Конечно, главное в конкурсе — художественный результат, открытие новых имен. Но для всего этого необходимо создание условий для работы жюри и успешного выступления участников. Так вот, таких составных успеха нигде, кроме конкурса имени Чайковского, нет. И фундамент популярности и уважения к этому конкурсу, его международному авторитету был заложен лично З.Г.Вартаняном.

На мой взгляд (а я вместе с Завеном Гевондовичем и без него провел 6 конкурсов им.Чайковского), труд подготовки конкурса можно уподобить подводной части айсберга, и деятельность Вартаняна заслуживает самой высокой оценки.

Начальство обычно выдавало по итогам конкурсов приказ с благодарностью и скромной денежной премией, а иногда тут же напускало финансово-хозяйственную ревизию, которая однажды инкриминировала Завену Гевондовичу всяческие нарушения за то, что он распорядился, чтобы советские участники конкурса имели одинаковое с иностранцами материальное обеспечение. Вот такие были дела...

Вартанян возродил Всесоюзный конкурс артистов эстрады, Всесоюзные конкурсы музыкантов-исполнителей, а в 1968 году на совещании у него в кабинете родилась идея учреждения международного конкурса артистов балета.

Е.А.Фурцева горячо поддержала идею, направила записку в ЦК КПСС, и вскоре было принято соответствующее Постановление Совмина СССР. Так родился конкурс, который в 1969 году З.Г.Вартанян со товарищи блестяще организовал и провел и который поныне дает театральному миру блестящих танцоров.

По идее Завена Гевондовича, как подготовка к конкурсу, стали проводиться Всесоюзные конкурсы артистов балета, причем в рамках его проходили конкурсы балетмейстеров на лучшие концертные но-

мера, а по итогам было широкое обсуждение положения дел на балетном поприще.

Удивительная творческая энергия была у Вартаняна. Он умел расшевелить, увлечь любого, передать ему желание сделать что-то интересное.

Нельзя тут не вспомнить о т.н. спецконцертах, которые проводились по случаю торжественных дат и событий. Казалось бы, ну что тут можно придумать, уже установился определенный шаблон, которому постановщики (а их Завен Гевондович приглашал много и разных) волей-неволей начинали следовать. Но Вартанян умел предложить изюминку, непохожесть, режиссеры подхватывали, идея становилась их и концерт получался. Я уже не говорю, что к каждому концерту создавалась новая песня, новые стихи, новые концертные номера.

Слава Богу, что все концерты засняты на пленку и являются теперь бесценной документальной памятью о многих жемчужинах советского многонационального искусства. Конечно, наряду с праздниками были и суровые будни — безденежье, нехватка кадров, кое-где непродуманность культурной политики. Неразбериха царилла и в концертном деле. Сама жизнь подсказала необходимость создания организации, которая бы координировала и планировала обмен исполнителями и художественными коллективами между союзными республиками. Этой работой у нас в Управлении занимались два человека, что никоим образом не могло решить проблему. Так возник Союзконцерт, устав которого разрабатывался под руководством З.Г.Вартаняна. Однако Е.А.Фурцева и назначаемый директор Союзконцерта хотели как приложение к приказу составить список выдающихся деятелей советского искусства, чьи концерты планировал бы Союзконцерт. Завен Гевондович был категорически против и отказался визировать документ. Никакие уговоры Фурцевой не помогли, и приказ о создании Союзконцерта вышел без его визы.

На следующий день к Фурцевой пришел Л.Б.Коган и спросил, почему его нет в списке. Затем с таким же вопросом обратились В.К.Мержанов и Т.Н.Николаева. И пошло-поехало. Вскоре список был навсегда аннулирован. Хорошо, что так кончилось. Польза от Союзконцерта была огромная, и буквально через год все это почувствовали. И концертирующие преподаватели, и просто исполнители, и крупные художественные коллективы.

Много славных дел удалось осуществить Завену Гевондовичу. Оглядываясь назад, видишь, сколько сделал этот скромный, добрый и беззаветный человек для музыкального искусства. Я думаю, что сегодня он не смог бы жить. Его сердце не выдержало бы ужасающей картины музыкальной разрухи, к которой привели люди, еще в 1917 году поставившие задачу лишить наш народ его главной силы — духовности.

Тем ценнее благородная работа авторов этой книги по увековечению памяти З.Г.Вартаняна. Мы помним и чтим имена творцов, просиявших в отечественном искусстве. Надо помнить и тех, кто, находясь в тени, подвижничеством трудом столь много сделал для развития и процветания советской музыкальной культуры. Среди первых имен — Завен Гевондович Вартанян.

Березин

Анатолий Васильевич

кларнетист, профессор Ленинградской консерватории

Прошло более 30 лет, но в памяти сохранился облик активного, темпераментного Завена, влюбленного в музыку, неразлучного со своим инструментом. Уроки с ним доставляли огромное удовлетворение. Главным его достоинством было стремление овладеть исполнительским искусством, и его труды увенчались успехом.

Помнится, как в 30-х годах С.А.Самосуд разучивал Шестую симфонию Чайковского со студенческим оркестром. Вдруг резким жестом “снял” громкое звучание и слушал, как играет Вартанян. Густые, бархатистые, глубокие и волнующие звуки, интерпретация партии кларнета явно пришлись по душе замечательному дирижеру. “Обратите внимание на этого ученика, присылайте его на все мои репетиции”, — сказал Самосуд. На всесоюзном конкурсе Вартанян стал лауреатом среди таких мастеров, как Володин, Генслер, Райтер, Штарк.

Плодотворна была и его педагогическая деятельность в Армении; среди его учеников — кларнетисты Л.Мутафян, В.Азарян, Г.Флджян, М.Тулакян, музыковеды А.Барсамян, М.Арутюнян, Г.Геодакян, К.Григорян, И.Еолян, М.Мурадян и другие¹.

¹ По кн.: С.Болотин. Биографический словарь музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Л., 1969, стр. 140.

Мирзоян
Эдвард Михайлович
композитор, профессор,
Народный артист СССР

Сегодня, размышляя о музыкальной жизни Еревана 1930-х годов, не могу не отметить огромную роль, которую в ней играли члены Союза композиторов. На радио, в опере, Армфилармонии, музыкальном издательстве инициативно работали Завен Вартанян, Рубен Терлемезян, Геворк Будагян, Артак Тоникян, Константин Мелик-Вртанесян, Самсон Гаспарян и другие.

Вся вторая половина 1944 года прошла под знаком подготовки к Декаде музыки республик Закавказья, которая состоялась в декабре того же года в Тбилиси. Это была масштабная, серьезная акция, получившая широкий резонанс. Сегодня, в дистанции времени, особенно поражает, что Декада состоялась в период, когда шла война, требовавшая огромного напряжения сил всей страны, мобилизации всех ресурсов для достижения победы.

На Декаде Армения была представлена своими лучшими солистами и крупными коллективами, среди которых — объединенный симфонический оркестр Армфилармонии и оперного театра. Кульминацией Декады стало исполнение Второй симфонии Арама Хачатуряна под мастерским управлением М.А.Тавризиана.

Уместно сказать, что ни одна из республик Закавказья не была представлена на Декаде столь разносторонне, как Армения: два симфонических и один камерный концерты, а также концерт исполнительских коллективов Армении и большой смешанный камерно-симфонический концерт при участии представителей всех трех республик.

Все было задумано широко, с размахом. Чувствовалось внимание, уделяемое Декаде руководством Армении, и организующая рука начальника Управления по делам искусств Завена Гевондовича Вартаняна. Он занимался не только "глобальными" вопросами, но и непосредственно вникал в процесс подготовки художественных коллективов, в составление программ и т.п.

Кстати, по инициативе Завена Гевондовича, Адик Худоян на афишах и в программах Декады стал именоваться Адамом Худояном.

Впоследствии это имя официально за ним закрепилось, хотя для окружающих он навсегда остался Адиком.

Успех Армении, оставившей, по всеобщему мнению, наиболее яркое впечатление в ряду республик Закавказья, был результатом огромной подготовительной работы, находившейся в центре внимания руководства Армении.

Когда после успешного завершения Декады мы собрались у Завена Гевондовича в его номере в тбилисской гостинице, он, уставший, но очень довольный, признался: "Был момент, когда я был на грани самоубийства".

Управление по делам искусств при правительстве Армении приняло решение направить в студию при Доме культуры Советской Армении на усовершенствование, в числе других, четырех композиторов — Александра Арутюняна, Арно Бабаджаняна, Адама Худояна и меня. Об этом нам сообщил, вызвав в свой кабинет, начальник Управления Завен Гевондович Вартанян.

Наша поездка в Москву состоялась в марте 1946 года. Предполагалась двухгодичная стажировка, но по некоторым обстоятельствам срок ее был продлен, что дало нам дополнительную возможность общения с виднейшими деятелями искусства и совершенствования своего мастерства.

Студия размещалась в Доме культуры Советской Армении (ДКСА), в здании бывшего Лазаревского института восточных языков в Армянском переулке столицы. Дом культуры располагал общежитием, где студийцы (всего человек 40) жили большой, дружной семьей.

В студии были созданы идеальные условия и для жизни, и для работы. Все было тщательно продумано. Чувствовалась большая забота о стажерах. Нам, молодым композиторам, была выделена отдельная комната, вскоре получившая название "композиторской". Кроме того, каждый из нас имел для занятий отдельный класс с роялем.

Студию курировало Управление по делам искусств при правительстве Армении и, прежде всего, неутомимый Завен Вартанян, вникавший во все детали нашей работы. Он был строг, требователен, воодушевлялся нашими достижениями.

Теплые, доверительные отношения сложились у нас и с Григорием Савельевичем Домбаевым, в 1947 году сменившим Завена Гевондовича на посту начальника Управления. Это был человек огромной отзывчивости, преданности делу — музыковед, прекрасный пианист, опытный организатор.

Финансировал нашу стажировку и музфонд СССР, председателем которого тогда был Левон Татевосович Атовмян, с особенной любовью опекавший нас — своих соотечественников. О проделанной в Москве работе мы отчитывались в Союзе композиторов Армении, демонстрируя наши новые сочинения.

Первоначально предполагалось, что с нами будет заниматься Арам Хачатурян, однако вскоре это решение было пересмотрено в связи с его большой перегруженностью творческой и общественной работой. Для занятий с нами был приглашен профессор Генрих Ильич Литинский, который первоначально вел курс полифонии, а затем стал также нашим руководителем по композиции.

После того, как мы, завершив работу над фортепианными Полифоническими партитами, успешно выполнили первое задание Литинского, он пришел к выводу, что мы должны приступить к сочинению струнных квартетов. В обсуждении этого вопроса приняли участие А.И.Хачатурян, Г.И.Литинский, А.Я.Гаямов и З.Г.Вартанян. И вот, после довольно горячего спора, Завен Гевондович стал по очереди спрашивать нас, над чем мы хотели бы поработать. А у нас уже был апробированный вариант *процессуальных* занятий с Литинским. И все мы, не сговариваясь, ответили: квартет. Таким образом, мы согласились с тем, что советовал и предлагал нам Генрих Ильич. Так и пошло.

Вспоминается, как в классе Г.И.Литинского обсуждался план “Кантаты о Родине” Александра Арутюняна. Присутствовавший при этом Завен Гевондович отрицательно отнесся к идее включить в Кантату, в качестве 3-й части, “Торжество труда”.

А Генрих Ильич и Арутюнян были уверены в необходимости именно такого решения.

И когда в очередной приезд в Москву Завена Гевондовича ему показали (в классе) уже завершенную 3-ю часть, он с присущей ему прямоотой поднял руки вверх: “Я — пас!”

Прививая нам крепкий профессионализм, Литинский ни в чем не ограничивал нашу свободу. Хорошо помню, как в 1948 году, когда

появилось печально памятное постановление ЦК ВКП(б) об опере "Великая дружба", мы в классе вместе с Литинским очень обстоятельно его обсудили и пришли к выводу, что никакого формализма в опере Мурадели (как и в творчестве Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна) нет и в помине. Вспоминаю сейчас об этом, чтобы лишний раз подтвердить, в каких традициях доверия и свободы мы воспитывались несмотря на общую напряженную атмосферу, сложившуюся вследствие этого постановления.

О наших делах мы постоянно сообщали в Ереван Завену Гевондовичу.

Несомненно, Завен Гевондович был *личностью* с ярко выраженными чертами организатора. Прекрасный музыкант – блестящий кларнетист и вдумчивый музыковед, – он получил образование в Ленинградской консерватории, а после возвращения в Армению стал одним из инициаторов и организаторов музыковедческого отделения Ереванской консерватории (параллельно руководил классом кларнета).

В работе он неизменно проявлял исключительные деловые качества и инициативу, умел мыслить широко, по-государственному, проявлял постоянную заботу о подготовке кадров в области искусства.

В определенный период Завен Вартамян сыграл в организации музыкальной жизни Армении ведущую роль.

Барсамян

Анна Александровна

музыковед, профессор, Засл. деят. иск. Арм. ССР

Наш музыковедческий класс в здании Ереванской консерватории по улице Спандаряна располагался на втором этаже, а прямо под нами, на первом, занимались духовики. И вот, во время наших занятий, мы часто слышали игру на кларнете нашего педагога Завена Гевондовича Вартамяна (параллельно он вел музыковедческие дисциплины и руководил классом кларнета). Мы всегда удивлялись: как это он успевает совмещать все это с работой директора Армфилармонии и сотрудника Управления по делам искусств при правительстве Армении. Вероятно, ответ на это нужно искать в самой личности З.Г.Вартамяна, в его кипучей энергии и широком круге интересов – талантливого ис-

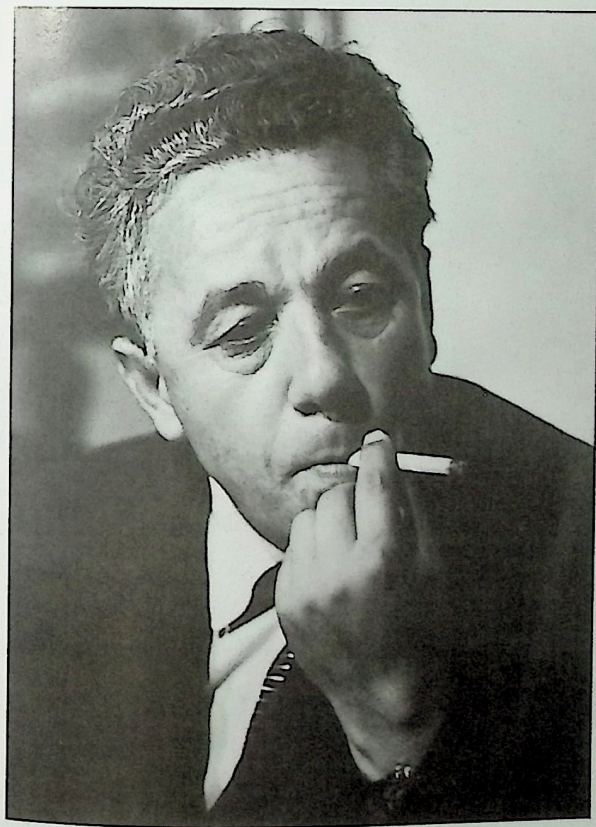
полнителя-кларнетиста, музыковеда, организатора музыкальной жизни.

Когда в 1937 году Завен Гевондович вместе со своим ленинградским соучеником Константином Ефремовичем Мелик-Вртанесяном основал музыковедческое отделение нашей консерватории, я была первой, подавшей заявление. Это вызвало недовольство моего педагога по фортепиано Ольги Айрапетовны Бабасян, сокрушавшейся: "как это я не посоветовалась с ней"...

Первый "набор" музыковедов составили: Роберт Атаян, Матевос Мурадян, Карине Григорян, Цицилия Брутян, Ашик (Аршалуйс) Джанибекян, Бахтик Сильванян и Мария (Маник) Тонян. Все они впоследствии стали полезными деятелями нашей музыкальной культуры. Неоценимую помощь организаторам музыковедческого отделения оказывал ректор консерватории Самсон Гаспарович Гаспарян. Благодаря ему, наше отделение было утверждено московским Главком (подобное утверждение порою длилось несколько лет). С.Г.Гаспарян поставил Москву перед фактом, что у нас уже третий год как действует музыковедческое отделение. Так нас и утвердили.

Занятия наши были продуманы до мелочей. Чувствовалось, что организаторы опираются на опыт Ленинградской консерватории. Помимо чисто музыковедческих дисциплин большое внимание уделялось занятиям по изобразительному искусству (их у нас вел Рубен Драмбян, часто водивший нас в организованную им первую армянскую картинную галерею). Прекрасный специалист Гайк Гюликехвян очень интересно вел у нас курсы эстетики и всеобщей литературы, включая Данте, Шекспира и т.д. Во время своих приездов из Ленинграда читал нам лекции по полифонии строгого письма Христофор Степанович. Кушнарев (после его лекций мы по-новому стали ощущать закономерности полифонии). Историю музыки нам читала ленинградка Наталья Розова, специально приезжавшая в Ереван на лекции.

Незабываемы были уроки Георгия Григорьевича Тигранова, который, начиная с военных лет, состоял профессором и Ленинградской, и Ереванской консерваторий. Курс анализа музыкальных форм очень интересно вел бывший ленинградец Сергей Владимирович Коптев. Он был нашим ровесником, и у нас сразу же установились теплые дружеские отношения. Константин Мелик-Вртанесян уделял

В 1918 году, при наступлении турецких войск на Армению, мы вынуждены были бежать из Нахичевана. В том же году вся моя семья вследствие голода и эпидемических заболеваний вымерла.

С 11-летнего возраста я остался один. В моей жизни наступил период страданий, голода, холода. В Ереване я включился в компанию беспризорников.

Как жить, где жить, чем питаться, как провести холодную зимнюю ночь, где взять одежду?

Завен Вартанян. "Университеты жизни" (эссе)

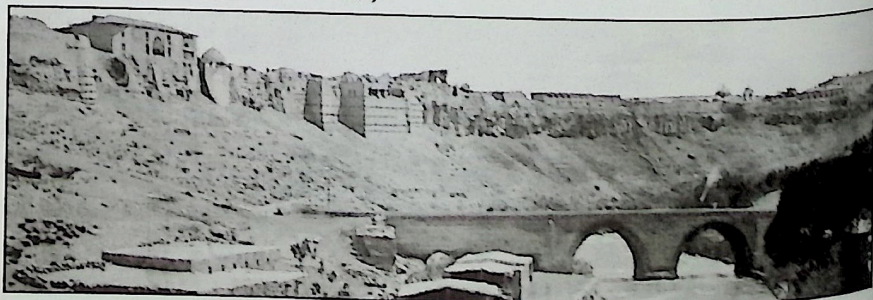
Ереван. Николаевский собор
(фото 1925 года)

В Ереване, там, где сейчас площадь Шаумяна, стоял огромный русский собор. Это было одно из самых привлекательных мест для беспризорников, особенно в зимнее время.

Мы залезали в подвалы, жгли небольшие костры и как-то, прижавшись друг к другу, проводили ночь.

С утра начиналась погоня за куском хлеба. Приходилось, конечно, и воровать. Но сам я воровал только еду...

Завен Вартанян.
“Университеты жизни”

Ереван. Сардарская крепость (фото 1916 года)

В дождливое время, поздней осенью, мы перебирались в Сардарскую крепость. Там собирались на ночевку сотни три-четыре ребят, мальчиков и девочек.

Эта крепость привлекала нас еще и потому, что американское благотворительное общество раздавало ребятам по утрам по куску хлеба и стакану какао. Но изнуренные, голодные ребята, еле-еле проснувшись ото сна, часто не дожидались своей очереди и на глазах падали и умирали.

Завен Вартанян. “Университеты жизни”

Вильгельм Августович Шперлинг
- капельмейстер оркестра
ереванского гарнизона и,
одновременно, заведующий
духовым отделением
Ереванской консерватории.
Фото 1927 года

Весной 1920 года я стал воспитанником
Пятого американского (скаутского) приюта.

В приют был приглашен капельмейстер
Первого армянского стрелкового полка Виль-
гельм Августович Шперлинг, немец по нацио-
нальности. Ему было поручено формирование
при приюте какого-то оркестроподобного
ансамбля.

Мастро сказал: "Ты, Завен, должен иг-
рать на кларнете", - и вручил мне инстру-
мент. Вскоре, делая успехи, я довольно прилич-
но играл на кларнете.

После серьезного инцидента в приюте,
мастро сказал: "Ребята, есть возможность
всей командой перейти на добровольных
началах в Первый стрелковый полк". Так мы и
поступили.

В Красной Армии (в различных частях) я
находился четыре с половиной года (апрель
1923 - октябрь 1927).

Завен Варгянян. "Университеты жизни"

Музыкантский взвод ереванского гарнизона, 1923 год.
Любимец полка Завенчик в 1-м ряду, 3-й слева. В центре - В.А.Шперлинг.

Завен Вартанян (полулежит справа) с неразлучным кларнетом в музыкантском взводе седьмого Лорийского стрелкового полка. 1926 год

40 лет спустя

В 1960 году на экраны вышла кинокомедия “Парни музкоманды”. Коллективным героем фильма стала военная музыкантская команда, руководимая В.А.Шперлингом. Прообразом одного из действующих лиц - всеобщего любимца Малыша (Чутю) был Завен Вартанян.

**АРМЯНСКОЕ
КИНО**
Оцифрованный каталог
полной фильмографии

1924
1999

80. Парни музкоманды

1960г., Арменфильм, комедия, 86мин. (2379м), ч/б.
в.э. 10.04.1961г.

Авт.сцен. М.Шатирян, реж.-пост.: Г.Малян.
Г.Маркарян, опер.-пост. И.Дилдарян, худ.: С.Ару-
чян, С.Сафарян, композ. Г.Арменян, звукоопер.:
Э.Ванунц, Ш.Григорян, монт. В.Айказян, дир.
К.Ованесян.

В ролях: Л.Тухиян (Цолак), Ф.(М.)Мкртчян (Ар-
сен), А.Хостикиан (Завен), Р.Мкртчян (Гагик), М.Ка-
рагезян (Вардкес), К.Ерицян (Киракос), А.Котикян
(Шперлинг), В.Маргуни (м-р Нокс), Х.Назаретян
(Багратуни), Г.Хажакян (Тигран).

О деятельности большевика Цолака в музкоманде
дашнакской армии, о злключениях музыкантов на-
кануне установления Советской власти в Армении.

Кадры из фильма
"Парни музкоманды"

Александр Афанасьевич
Спендиаров

На бывшего сироту-беспризорника Завена неизгладимое впечатление оставило исполнение оркестром Ереванской консерватории под управлением А.А.Спендиарова Третьей симфонии Бетховена (к 100-летию со дня смерти композитора)

Ի Ե Թ Ն Ո Վ Ե Ն Ո Ւ
ՄԱՅԿԱՆ ՀԱՐՑՈՒՐԱՄՅԱԿԻ ԱՌԹԻՎ
1827—1927

ԿՈՒՆՏՈՒՐԱՅԻ ՏՈՒՆ

ՊԵՏԱԿԱՆ ԿՈՆՍԵՐՎԱՏՈՐԻԱ

Մարտի 26-ին 1927 թ.

ՍԻՄՖՈՆԻԿ ՀԸՄԵՐԳ

26 и 28 марта 1927 года в Ереване, в Доме культуры, состоялся концерт из произведений Бетховена. В исполнении симфонического оркестра Ереванской консерватории под управлением А.Спендиарова прозвучала Третья симфония, а под управлением Оганеса Оганезова-увертюра "Эгмонт" и Четвертый фортепианный концерт (солистка-студентка Нина Мусинян). Все произведения исполнялись в Ереване впервые. Вступительное слово произнес Василий Корганов.

Афиша к исполнению А.А.Спендиаровым
Третьей симфонии Бетховена. 1927 год

Ծ Ր Ա Պ Ի Ր

I բաժ.

ՀԱՆԴԻՍԱՎՈՐ ՆՈՍ ՆԱԽԱԳԱՆՈՒԹՅԱՐԲ

Լուսմայկով Ա. ՍՈՒԱՎԱՆԻ
բաղմուն խոսք Վ. ՂՈՐՀԱՆՅԱՆ

II բաժ.

Ղևկափարու թյամբ Ժող. Արտ. Ա. ՍՊԵՆԴԻԱՐՅԱՆԻ

I ԳԵՐԱՄԱԿԱՆ ՍԻՄՖՈՆԻԱ (№ 3)

- ա) Allegro con brio
- բ) Marcia funebre
- գ) Scherzo. Allegro vivace
- դ) Finale. Allegro molto

III բաժ.

Ղևկափարու թյամբ Գ. ՀՈՎՈՐԱՆԻՍՅԱՆԻ

II ԳԱՐՆԱՄՈՒՐԻ IV ԿՈՆՇԵՐՏ

- ա) Allegro moderato
- բ) Andante con moto
- գ) Rondo. Vivace

III ՈՒՎԵՐՏՈՒՐԱ „ԵԳՄՈՆՏ“

Սկիզբը լինի. Ժամը 9 ին

Գրատ. կարգ. Ս. ՄԵՂԻՔ-ԳԵՎՈՐԳՅԱՆ

Студент Ереванской консерватории

Здание Ереванской консерватории на улице Спандаряна (Арами), где протекали учеба, а впоследствии - педагогическая работа З.Вартаняна.
Фото 1920-х годов

*Речь заходила также о переводе в консерваторию духовиков из военных оркестров.
Кадры, уже могущие играть, вливались в состав консерватории.*

Аршак Адамян (в 1924-1926 ректор Ереванской консерватории). Воспоминания.

4 июня 1928 года
Дом культуры
Вечер класса
камерного ансамбля
Ереванской консерватории
Бетховен - Трио В-dur
для фортепиано, кларнета и
виолончели
Исполняют:
Марианна Айвазян (ф-п)
Завен Вартанян (кларнет)
Корюн Анянян (виолончель)

Первая значительная
ансамблевая программа
(педагог - Михаил Малунцян)

23 декабря 1928 года
Дом культуры
Показательный концерт
Ереванской консерватории

Рейзингер - "Фантазия"
для кларнета с фортепиано

Исполняет
Завен Вартанян
(техникум, 2-й курс)

Первое ответственное
сольное выступление
(педагог - Степан Довгань)

Оркестр и хор Ереванской консерватории, 1927 год.

В очерчении на переднем плане: Варлам Колтухчян (контрабас), Ирина Колтухчян (скрипка), Сурен Закарян (скрипка), Армен Вартанян (альт), Степан Довгань (кларнет), Борис Федоров (гобой), Дмитрий Лекгер (скрипка), Андрей Котляревский (альт), Анушаван Тер-Гевондян (дирижер, ректор), Давид Согомонян (скрипка), Михаил Малунциан (виолончель), Арам Мангасарян (тромбон), Вильгельм Шперлинг (фагот), <музыканты военного оркестра - тромбон, туба>, Андрей Галустян (фагот), Сергей Шатирян (валторна);
на втором плане: Гоар Акопян (скрипка), Бабкен Тамразян (скрипка), Элеонора Тер-Мартirosян (вокал, фортепиано), Петрос Айвазян (флейта), Вероника

Ахшарумова (скрипка), Дора Агбалиян (виолончель), Вардкес Хачатрян (флейта),
 Виргиния Гиланян (фортепиано), <...>, скрипка>, Анаида Азизян (вокал), Вартан
 Вартанян (кларнет), Назар Петросян (валторна), Татул Алтунян (гобой), Вартан
 Акопян (контрабас).

В первом ряду (сидят на земле): Завен Шахиджаниян (виолончель), Гаяне
 Александрян (виолончель), Гурген Адамян (виолончель), Торос Алоян (скрипка),
 <...>, Грачья Богданян (скрипка), Пахлав Пахлавун (альт), <...>, валторна>, Завен
 Вартанян (кларнет), Грант Оксюзян (труба).

Снимок сделан на улице перед Домом культуры (ныне концертный зал имени
 Арно Бабаджаняна)

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Государственная Консерватория

Воскресенье 10-го июня 1928 г.

ОПЕРНЫЙ СПЕКТАКЛЬ

(В СОПРОВОЖДЕНИИ ОРКЕСТРА)

В 1927-1929гг. Завен Вартанян в составе оркестра активно участвовал в спектаклях оперного класса Ереванской консерватории

Сурен Чарекян (дирижер)

Левон Калантар (режиссер)

I.

ГУНО

ФАУСТ

3-ий акт.

Маргарита	— А. Бархударян . . .	} Класс Е. А. КАГАРЯН
Зибель	— Т. Мелик-Шахназарян	
Марта	— Н. Тер-Мартirosян .	} Класс М. А. ГЕНДЖИАН
Фауст	— А. Саркисян . . .	
Мефистофель	— Н. Фокин	

II.

ВЕРДИ

РИГОЛЕТТО

3-ий акт.

Джильда	— Т. Хачатурян	} Класс Е. А. КАГАРЯН
Паж	— Е. Мултанова	
Риголетто	— С. Мелик-Геворкян .	} Класс М. А. ГЕНДЖИАН
Марцелло	— В. Матевосян	
Монтерон	— Н. Фокин	

III.

НА АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

ВЕРДИ

АИДА

4-й акт. (сцена суда) пер. А. АРУТЮНЯНА

Акиерис	— А. Сирилян	— Кл. Е. А. КАГАРЯН
Радмес	— А. Тер-Абрамян	} Класс М. А. ГЕНДЖИАН
Раифис	— Н. Фокин	

В отрывках участвуют ученики хорового класса
М. А. ГЕНДЖИАН и Е. А. КАГАРЯН

Руководитель оперного класса и дирижер
С. Г. ЧАРЕКЯН

Постановка режиссера **Л. А. КАЛАНТАР**
Концертмейстер **М. А. АРАМАКЛISIAN**
Художник **М. А. АРТУЧIAN**

Группа педагогов Ереванской консерватории. 1927 год.

1-й ряд: Спиридон Меликян (композитор, хормейстер),

Осанна Тер-Григорян (теория музыки),

Анушаван Тер-Гевондян (композитор, ректор),

Анна Мнацаканян и Евгения Ханкаламян (фортепиано),

Давид Согомонян (скрипка);

2-й ряд: Борис Федоров (гобой),

Михаил Малунциан (виолончель, камерный ансамбль),

Вильгельм Шперлинг (духовые инструменты, контрабас),

Андрей Котляревский (альт, квартет), Арам Мангасарян (тромбон, туба);

3-й ряд: Степан Довгань (кларнет), Дмитрий Лекгер (скрипка).

В сентябре 1929 года ЦК ЛКСМ Армении и Наркомпрос Армении совместным решением направили меня в Ленинград для продолжения учебы. Однако, за отсутствием среднего общего образования в Ленинградскую консерваторию меня не приняли. Я вынужден был два года учиться на рабфаке при Ленинградской консерватории.

В 1931 году, окончив рабфак по общеобразовательному и специальному циклу, я поступил в Ленинградскую консерваторию. В консерватории совмещал учебу на двух факультетах – историко-теоретическом и оркестровом (класс кларнета).

Завен Вартамян. Автобиография

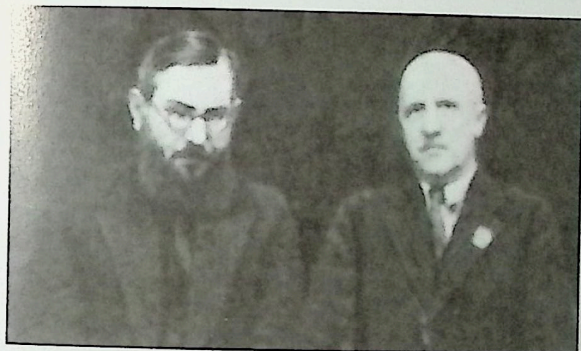
Санкт-Петербургская
(Ленинградская) консерватория.
Фрагмент фасада

На рубеже 1930-х годов
здесь живы были традиции
А. К. Глазунова
(ректор в 1905-28 годах)

В учебно-бытовой коммуне студентов Ленинградской консерватории
проявился общественный темперамент Завена Вартадяна
(на фото - 3-й справа). 1930 год

Выдающийся историк Роман Ильич Грубер
(на фото - слева) прошел школу академика
Бориса Владимировича Асафьева

Крупнейший теоретик
Христофор Степанович
Кушнарев - инициатор
и организатор
творческой связи
консерваторий
Ленинграда и Еревана

Профессора Р.И.Грубер и А.В.Оссовский
со студентами-музыковедами
Ленинградской консерватории
(внизу в центре - Завен Вартанян)

"В 1929-32 годах
в Ленинграде
состоял членом
РАПМа. Принимал
активное участие
в организации
армянского отделения
этой ассоциации"
(З.Вартанян.
Автобиография)

Профессор
класса кларнета
Ленинградской
консерватории
Анатолий Васильевич
Берзин

Прошло более 30 лет, но в памяти сохранился облик активного, темпераментного Завена, влюбленного в музыку, неразлучного со своим инструментом. Уроки с ним доставляли огромное удовлетворение. Главным его достоинством было стремление овладеть исполнительским искусством, и его труды увенчались успехом.

На всесоюзном конкурсе Вартамян стал лауреатом среди таких мастеров, как Володин, Генслер, Райтер, Штарк.

А.В.Берзин

Руководитель
оркестрового класса
Ленинградской
консерватории
Самуил Абрамович
Самосуд

Помнится, как в 30-х годах С.А.Самосуд разучивал Шестую симфонию Чайковского со студенческим оркестром. Вдруг резким жестом "снял" громкое звучание и слушал, как играет Вартамян. Густые, бархатистые, глубокие и волнующие звуки, интерпретация партии кларнета явно пришлись по душе замечательному дирижеру. "Обратите внимание на этого ученика, присылайте его на все мои репетиции", – сказал Самосуд.

А.В.Берзин

**Второй Всесоюзный
конкурс музыкантов-
исполнителей**

Ленинград, 1935 год

Кларнет

1-я премия —

**А. Володин (Москва),
В. Генслер (Ленинград)**

2-я премия —

**А. Штарк (Москва),
Д. Райтер (Ленинград)**

3-я премия —

З. Вартанян (Ереван)

Семья кларнетиста-виртуоза **Вартаняна** погибла в годы армяно-турецкой резни. Мальчуган два года был беспризорным, затем воспитывался в детском доме и оттуда пошел добровольцем в Красную армию. Комсомолец Вартанян — первого музыканта боевых оркестров — комсомол направил на работу ленинградской консерватории. Он учится сейчас на четвертом курсе, на двух факультетах — совмещает игру на кларнете со специализацией в области истории музыки.

Мы слышали игру Вартаняна на втором туре — он с большим мастерством, с большим чувством играл творения композиторов своей родины — с лирической теплотой, но без грусти. Мы слышали скрипку Габриэляна.

Газета "Ленинградская правда"
(04.03.1935)

о Втором всесоюзном конкурсе

**ТРИУМФ СОВЕТСКОЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Тов. ВАРТАНЯН (Армения)

награжден III премией

Я вырос без родителей, был беспризорником и воспитался в основном в комсомоле. Музыкальное мое образование началось с приюта, где я жил. Там начал и играть в духовом оркестре.

В 1927 году я поступил в Эриванскую консерваторию. Через два года ЦК комсомола откомандировал меня в Ленинград на учебу. Ленинградская консерватория дала мне очень много.

У меня нет слов передать грандиозные впечатления от конкурса. На этом конкурсе был представлен весь цвет Союза как в смысле исполнительских кадров, так и по составу жюри. Это был триумф советской музыкальной культуры.

Наш совет показал, что мы умеем не только хорошо играть, но и овладеть по-настоящему широко и глубоко культурным наследием буржуазии.

А если посмотреть на подрастающее поколение, то, честно говоря, трудно себе даже представить, что будет через пять лет.

Ни одна страна не может мечтать о таком грандиозном росте!

Интервью "Красной газете"
(04.03.1935)

Выступление оркестра Ереванской консерватории с приглашенными из Ленинграда и союзных республик музыкантами в "Летнем симфоническом сезоне" Еревана, 1927 год. В очерчении - дирижер Сурен Чарекян. На переднем плане - Завен Варганян (кларнет) и Сурен Закарян (скрипка).

большое внимание глубокому знанию музыкальной литературы (в условиях отсутствия средств звукозаписи, музыкальный материал иллюстрировала наша любимица Ольга Николаевна Вагенгейм).

Сам Завен Гевондович читал нам на армянском языке курс всеобщей истории музыки, привлекая также материал из творчества Комитаса, Спендиарова и других армянских композиторов. Он руководил и дипломными работами студентов. Я была его первой дипломницей с темой: "Ромео и Джульетта" Чайковского. Ректор Ереванской консерватории К.С.Сараджев после защиты подошел ко мне с предложением поделиться материалами по неоднократной переработке Чайковским этого произведения.

Помню, с каким воодушевлением готовился Завен Гевондович к московской Декаде 1939 года. Перед отъездом в столицу был организован ереванский просмотр четырех декадных спектаклей и Заключительного концерта. Интерес к ним у ереванцев был огромный. Площадь перед оперным театром в эти дни бывала переполненной. Действован был тройной милицейский кордон... Кроме билетов, проверяли также паспорта.

Завен Гевондович дал своим студентам несколько билетов, которых, разумеется, было недостаточно. Наши друзья-художники по ночам виртуозно изготовляли копии-подделки...

Иногда все сходило благополучно, иногда – нет. С фальшивым билетом "попался" педагог музыкальной школы...

Впечатление от спектаклей и концерта было потрясающим. В часы их показа в Москве ереванские улицы пустели: все спешили домой послушать трансляцию по радио из Большого театра СССР.

На концерты в Дом культуры (позднее – Малый зал Армфилярмонии, ныне им.А.Бабаджаняна) студенты-музыковеды проникали всеми мыслимыми способами. Слушали, стоя вдоль стенки, так как зал всегда был переполнен. Концерты посещал Первый секретарь ЦК Григорий Артемьевич Арутюнян со своей супругой, Ниной Григорьевной. Присутствие его стало делом привычным, и его, как правило, ждали, не начиная концерта. Дом культуры не располагал ложей, и Г.А.Арутюняну отводились места в общем ряду. Как-то раз он пришел с большим опозданием и, будучи человеком высокоинтеллигентным, повернул назад, не позволив себе помешать начавшемуся концерту. Все это невольно подтягивало, воспитывало, служило примером...

Сразу после Великой Отечественной войны, в 1945 году, трое ереванцев: музыковед Цицилия Брутян, пианистка Аревик Авдалбекян и я были направлены в Московскую консерваторию на усовершенствование. Это было началом большой работы, предпринятой правительством Армении по подготовке через Москву молодых кадров деятелей искусства республики. В организации нашей командировки велика была роль З.Г.Вартаняна и проректора Ереванской консерватории К.С.Домбаева.

В Московскую консерваторию нам сразу поступить не удалось (помешал неудачно сданный экзамен по полифонии). Мы обратились к Араму Ильичу Хачатуряну, который переговорил с ректором Московской консерватории, исключительно отзывчивым человеком и великодушным музыкантом В.И.Шебалиным, персональным разрешением которого мы были зачислены на подготовительное отделение. Тем самым, срок нашей стажировки был переигран с двух на три года, что, конечно, оказалось для нас очень полезным.

Мы старались посещать занятия почти по всем музыковедческим дисциплинам, причем не только у своих педагогов. Старались не пропустить ни одного спектакля или концерта (интересных гастролеров было множество). По специальности мне довелось заниматься у Романа Ильича Грубера, у которого еще в Ленинграде обучался сам Завен Вартанян (думаю, что зачисление в класс Грубера произошло не без "подахи" Завена Гевондовича). Грубер был исключительно эрудированным ученым, приходил на занятия с двумя портфелями, раскладывал нужные книги на разных языках, находил необходимые фрагменты и тут же их цитировал в собственном переводе. Это было исключительно интересно и поучительно.

К сожалению, общая обстановка тех лет была идеологически напряженной, со многими перегибами в политике партии в области искусства. Печально известное постановление ЦК ВКП(б) 1948 года привело к гонениям на самых авторитетных деятелей советского искусства, в том числе, на профессоров консерватории. На наших глазах из консерватории вынуждены были уйти Шостакович, Шебалин и другие передовые деятели. Помню собрание коллектива Московской консерватории в связи с этим постановлением. С изумлением и недоумением слушали мы "идеологически выдержанное" выступление одного из самых уважаемых профессоров-музыковедов, в котором наве-

Первый секретарь ЦК Компартии Армении
Григорий Артемьевич Арутюнян
явился инициатором выдвижения
Завена Вартамяна
на организационно-творческую работу
и активно поддерживал все его начинания

О предложении, сделанном Вами со стороны
Управления по делам искусств нам было
известно еще весной и все мы считали Вашу
кандидатуру весьма подходящей и желанной, зная
Ваше отношение к предложению. Вам
работы. Действительно, при таком количестве
старых счетов и счетоводов, которые
наблюдаются ~~в~~ в среде наших работ-
ников искусств только новое и при таком
тесном ^{поблизости} способно к жизни правитель-
ственного ~~руководства~~. Из этого у нас есть все
данные. Как в отношении художественно-на-
учной работы, так и в отношении
Вашей личной работы.

Решение руководства республики приветствовал
профессор Х.С. Кушнарев
(письмо З.Г. Вартамяну, Ленинград - Ереван, 23.08.1937)

**Соратники по основанию в 1937 году музыковедческого отделения
Ереванской консерватории**

Завен Вартанян

**Ректор
Самсон Гаспарян**

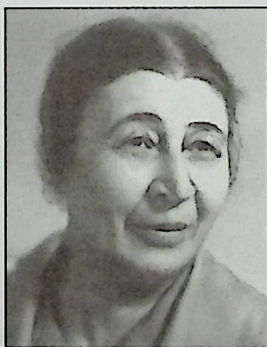

**Константин
Мелик-Вртанесян**

**У Завена Вартаняна учились
Заслуженные учителя Армении
музыковеды:**

Седа Григорян

Эгине (Эля) Кацахян

Мария Тонян

У Завена Вартаняна учились музыковеды:

Тереза Аразян
канд.иск., профессор

Маргарита Арутюнян
Засл.деят.иск. РА
канд.иск., профессор

Роберт Атаян
Засл.деят.иск. РА
канд.иск., профессор

Анна Барсаян
Засл.деят.иск. РА
канд.иск., профессор

Геворг Геодакян
Засл.деят.иск. РА
доктор иск., профессор

Нами Геуркова-Микоян
музыковед, журналист

Кнарик Григорян
канд.иск.

Изабелла Болян
доктор иск.

Матевос Мурадян
Засл.деят.иск. РА
доктор иск.

Кларнетисты - воспитанники З.Г.Вартаняна заняли ведущее положение в исполнительстве и педагогике республики

Солист оркестра
Ереванского
оперного театра,
Засл. арт. РА
Вруйр Азарян

*"Одного лишь
опасаюсь, как бы Вы не
забросили Ваш
инструмент. При
неблагоприятных
условиях в Эривани для
Вашего
исполнительства, легко
может случиться, что
важные дела
музыкального фронта
незаметно отодвинут
Ваше исполнительство
на второй план, и чем
дальше, тем труднее
будет Вам к нему
вернуться. А это будет
весьма и весьма
досадно: пропадет
большая
художественная
ценность".*

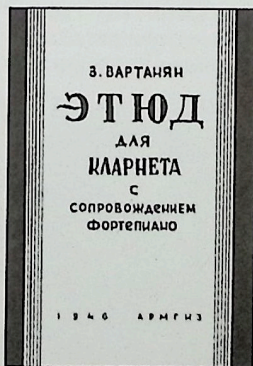
Х.С.Кушнарев -
З.Г.Вартаняну (письмо,
Ленинград-Ереван,
22.08.1937)

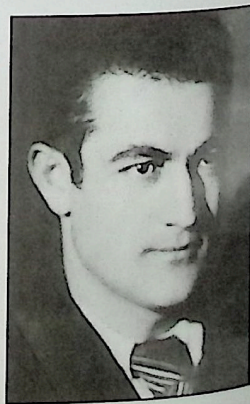
Солист оркестра
Ереванского
оперного театра,
Засл. арт. РА
Левон Мутафян

Солист
Филармонического
оркестра Армении,
Засл. арт. РА,
профессор
Мкртыч Тулакян

Издано в 1946 году
в Ереване
под редакцией
К.С.Сараджева

Солист
Филармонического
оркестра Армении
Гегам Флджян

Инномышленники в деле создания новых филармонических коллективов

Артеми́й Айвазя́н - композитор,
основатель (в 1938 году)
Джаза Армении

Тату́л Алту́нян - хормейстер,
основатель Хоровой капеллы
Армении (в 1937 году)
и Ансамбля песни и пляски
Армении (в 1938 году)

Подлинным событием в музыкальной и общественной жизни Армении стала Декада армянского искусства и литературы в Москве в 1939 году. В процессе подготовки к Декаде были созданы новые филармонические коллективы. В этом велика заслуга лично директора Армфилармонии Завена Варганяна.

Гурген Мирзоян - композитор,
основатель (в 1938 году)
оркестра народных
инструментов Армфилармонии

Шара Тальян - певец,
основатель (в 1937 году)
ансамбля ашугской песни

С приездом Григория Артемьевича Арутюняна в Армению в 1937г. сразу же почувствовалось оживление в культурной жизни республики. По его инициативе началась подготовка к Декаде в Москве. Работа велась смело, с большим размахом. Для написания балета "Счастье" (специально к Декаде) в Ереван был приглашен Арам Хачатурян.

Эдвард Мирзоян. "Фрагменты"

Содружество великих...

Оркестром руководил замечательный, опытнейший дирижер К.С. Сарadgeв, оказавший мне в процессе работы неоценимую помощь.

Арам Хачатурян

Все группы участников балета "Счастье" очерчены выпукло, свежо, типично. Органическая спаянность тем приводит в изумление.

Константин Сарadgeв

НОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ ПРИ СНИ СОЮЗА ССР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
АКАДЕМИЧЕСКИЙ БОЛЬШОЙ ТЕАТР СОЮЗА ССР

ДЕКАДА АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ

20-29 октябрь 1939 г.

Государственный театр оперы и балета Армянской ССР
им. А. А. Спендиарова

АЛМАСТ III, 20 октября Музыка: А. Арутюнян, Е. Спендиаров. Либретто: А. А. Спендиаров. Сценарий: А. А. Спендиаров. Режиссер: А. А. Спендиаров. Художник: А. А. Спендиаров. Музыкальный руководитель: А. А. Спендиаров. Дирижер: А. А. Спендиаров. Хор: А. А. Спендиаров. Танцевальный ансамбль: А. А. Спендиаров.	АНУШ III, 20 октября Музыка: А. Арутюнян, Е. Спендиаров. Либретто: А. А. Спендиаров. Сценарий: А. А. Спендиаров. Режиссер: А. А. Спендиаров. Художник: А. А. Спендиаров. Музыкальный руководитель: А. А. Спендиаров. Дирижер: А. А. Спендиаров. Хор: А. А. Спендиаров. Танцевальный ансамбль: А. А. Спендиаров.
ЛУСДБАЦИН III, 21 октября Музыка: А. Арутюнян, Е. Спендиаров. Либретто: А. А. Спендиаров. Сценарий: А. А. Спендиаров. Режиссер: А. А. Спендиаров. Художник: А. А. Спендиаров. Музыкальный руководитель: А. А. Спендиаров. Дирижер: А. А. Спендиаров. Хор: А. А. Спендиаров. Танцевальный ансамбль: А. А. Спендиаров.	СЧАСТЬЕ III, 21 октября Музыка: А. Арутюнян, Е. Спендиаров. Либретто: А. А. Спендиаров. Сценарий: А. А. Спендиаров. Режиссер: А. А. Спендиаров. Художник: А. А. Спендиаров. Музыкальный руководитель: А. А. Спендиаров. Дирижер: А. А. Спендиаров. Хор: А. А. Спендиаров. Танцевальный ансамбль: А. А. Спендиаров.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

29 октября

НОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ
ПРИ СНИ СОЮЗА ССР

ДЕКАДА АРМЯНСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ 1939

программа заключительного концерта

Реклама оперных спектаклей и
Заключительного концерта Декады

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

„ОПИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ“. Музыка композитора *Х. Кушнера*.

„КАРМИР ВАРД“ (Красная роза). Народная песня в обработке *М. Мазмания*.

„КАЛИ ЕРГ“ (Песнь пахаря). Народная песня в обработке *Комитаса*.

„НАХШУН АКИР“. Народная песня в обработке *А. Кочаряна*.

„ГАРУНА“. (Весна). Музыка *Комитаса* в обработке для квартета *С. Асламазяна*.

„КАКАВИК“ (Куропаточка). Музыка *Комитаса* в обработке для квартета *С. Асламазяна*.

„КЕЛЕ-КЕЛЕ“. Музыка *Комитаса*—под аккомпанемент квартета имени *Комитаса*.

„ПОЭМА“. Музыка *Т. Ованесяна*.

„ПЕСНЬ КРЕСТЬЯНКИ“. Музыка заслуженного деятеля искусств Армянской ССР *М. Мирзояна*.

„ГРУЗИНСКИЙ ТАНЕЦ“. Музыка заслуженного деятеля искусств Армянской ССР *А. Айвазяна*.

Исполняет хоровая капелла Армянской государственной филармонии. Хормейстер *Т. Алтунян*.

Солисты—*А. Тер-Абрамян* и *В. Мамиконян*.

Исполняет заслуженный ансамбль Армянской ССР—квартет имени *Комитаса* в составе заслуженных деятелей искусств Армянской ССР—*А. Габриеляна*, *Н. Балабания*, *М. Тэриана* и *С. Асламазяна*.

Исполняет заслуженная артистка Армянской ССР *А. Даниэлян*.

Исполняет лауреат Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей *З. Вартанян*.

Исполняет *Т. Сазандарян*.

Исполняет лауреат Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей, заслуженный деятель искусств Армянской ССР *А. Айвазян*.

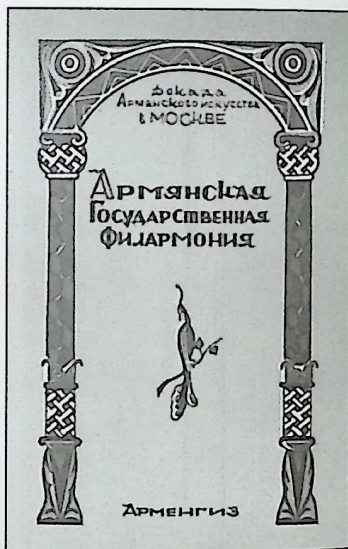
К выступлению Завена Вартаняна-кларнетиста на Заключительном концерте Декады в Москве (фрагмент программки концерта)

Заключительный концерт декады прошел с огромным успехом

На концерте присутствовали товарищи *И. В. Сталин*, *В. М. Молотов*, *К. Е. Ворошилов*, *Л. М. Каганович*, *М. И. Калинин*, *А. И. Микоян*, *А. А. Андреев*, *А. А. Жданов*, *Н. М. Шверник*, *Л. П. Берия*, *Г. М. Маленков*, *М. Ф. Шкирятов*, *Г. М. Димитров*, *А. С. Щербаков*

Декада армянского искусства, которая закончилась вчера в Москве, прошла с исключительным успехом. Она явилась яркой демонстрацией расцвета национальной культуры.

По страницам
газеты „Правда“
(05.11.1939)

Из рекламных и справочных материалов Декады

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯХ ПО РАЗВИТИЮ ИСКУССТВА АРМЯНСКОЙ ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

В целях создания наиболее благоприятных условий для дальнейшего развития искусства Армянской ССР, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1) Утвердить к постройке в 1940 г. жилой дом в гор. Ереване для работников искусств Армении, стоимостью в 2 миллиона рублей;

2) Утвердить к постройке в 1940—41 г.г. здание Армянской Государственной Консерватории в г. Ереване, стоимостью в 4 миллиона рублей;

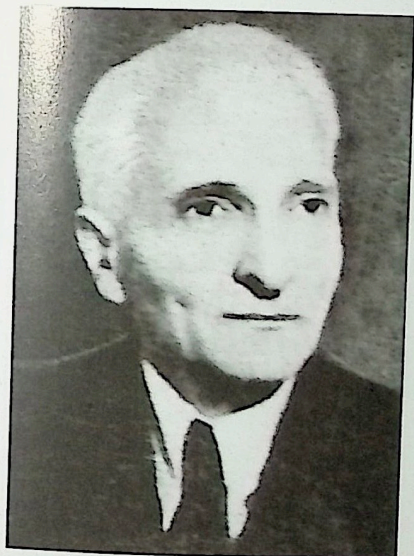
3) Включить в план капитальных работ Комитета по делам Искусств при СНК Союза ССР достройку Концертного зала при театре оперы и балета им. Спендиарова;

4) На проведение вышеуказанных мероприятий отпустить Комитету по делам Искусств при СНК СССР дополнительно к основному плану капитального строительства 1940 г. 5,5 миллионов рублей.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. МОЛОТОВ.

Управляющий Делами СНК Союза ССР М. ХЛОМОВ.

Москва, Кремль. 4 ноября 1939 г.

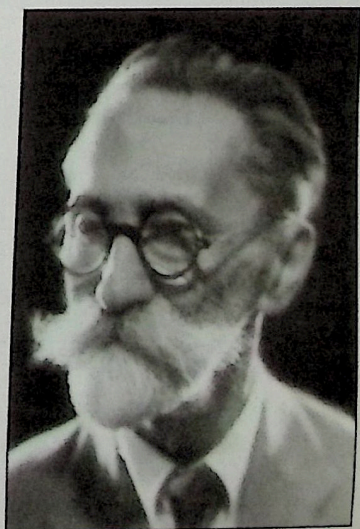

Арам Артемьевич
Тер-Оганесян

В 1940 г. Хоровую капеллу Армении возглавил приглашенный З.Г.Вартаняном из Ленинграда замечательный хормейстер Арам Тер-Оганесян. Последовали первые в Ереване исполнения Девятой симфонии Бетховена, Реквиема Моцарта, Мессы си минор Баха, концертное исполнение оперы Иоланта Чайковского. *“Комитасовские программы Тер-Оганесяна ознаменовали принципиально новое направление в армянском хоровом исполнительском искусстве”*, – писал Роберт Атаян.

Важнейшим достижением последекадного периода явилась организация (как самостоятельного коллектива) Симфонического оркестра Армении под управлением К.С.Сараджева. Однако началась Великая Отечественная война, и новосозданный коллектив пришлось слить с оркестром оперного театра, образовав “Объединенный оркестр”.

Константин
Соломонович
Сараджев

Исполнение в Ереване Седьмой симфонии Д.Д.Шостаковича стало подлинным событием общественно-художественной жизни Армении военных лет

Дирижер
Михаил Арсеньевич Тавризиан

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ
ИСКУССТВ ПРИ СНК АРМ. ССР

Государственный орден Ленина театр оперы и балета
им. А. А. Спендиарова

Суббота, 11 июля и воскресенье, 12 июля
1942 года

**СИМФОНИЧЕСКИЙ
КОНЦЕРТ**

ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ
Д. ШОСТАКОВИЧ

СЕДЬМАЯ СИМФОНΙΑ

Славная страница
симфонической культуры Армении

Приезд работников искусств братских республик

Вчера в Ереван из Тбилиси прибыла группа деятелей искусств братских республик, специально приглашенных Управлением по делам искусств при СНК Арм. ССР в связи с исполнением 7 симфонии Д. Шостаковича.

Среди прибывших лауреаты Сталинской премии композиторы И. Я. Мясковский, Ю. А. Шапорин, Г. В. Князев, Ш. М. Мшвеллидзе, заслуженный деятель искусств профессор К. Н. Игумнов, главный дирижер Государственного оркестра СССР, заслуженный артист А. В. Гаук, профессор Ленинградской консерватории П. Б. Рязанов, профессор В. В. Нечаев, композитор А. Баланчивадзе, дири-

жер-орденовонец Ш. Азизпарейшвили, представитель Всесоюзного комитета по делам искусств тов. Сулханшвили, музыковед П. Хучуа и другие.

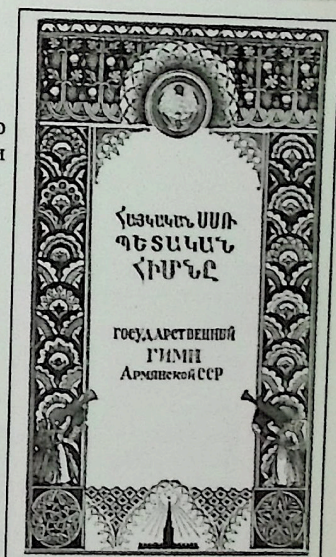
С этой же группой в Ереван приехали композиторы А. Тигранян и С. Бархударян.

Гостей на вокзале встречали начальник Управления по делам искусств при СНК Армянской ССР тов. А. Шагинян, заслуженные деятели искусств, композиторы А. Г. Тер-Гевондян, К. Захарян, профессор К. С. Сараджев и другие.

Вчера гости присутствовали на генеральной репетиции 7 симфонии Д. Шостаковича.

Первое издание утвержденного
в 1944 году Гимна Армении

Конкурс на утверждение Гимна Армении в 1944 году проходил при активном организационном участии З.Г.Вартаняна и стал стимулом к его интенсивной переписке с Арамом Хачатуряном.

Дорогой Завен!

Посылаю гимн через тов.Карапетяна. Очень прошу организовать показ как следует. Последняя фраза имеет два варианта. Первый вариант музыкально интереснее, и в хоре и оркестре даст большой подъем, но трудноватый, а второй проще.

Завен джан! Отдай переписать гимн, чтоб подписать весь текст по-армянски. Верхняя вокальная строчка должна далеко отстоять от строчек клавира, чтобы три куплета свободно можно было бы вписать.

Очень прошу тебя после прослушивания дать мне телеграмму подробную, как оценили гимн.

Должен тебе сказать, что я работал честно и долго. Этот гимн у меня пятый вариант. Я ведь много раз встречался по государственному гимну СССР с руководителями партии и правительства. На этих встречах много было высказываний, что такое гимн. И я знаю, что требуется. Я старался все, о чем говорилось о гимне, выполнить в армянском гимне. Мне кажется, гимн получился. В хоре и оркестре это будет торжественно.

Если нужно будет, вызывайте в Ереван.

Горячий привет, жду твоих сообщений.

Твой Арам Хачатурян

В годы войны велась целенаправленная работа по консолидации вокруг Армении деятелей культуры, проживавших за пределами республики.

Начальнику Управления
по делам искусств Армении

Мысль о том, чтобы лично и активно участвовать в нашей музыкальной жизни, меня никогда не оставляла. Вот в связи с чем я могу только радоваться тому, что Ваше приглашение вновь открывает мне перспективу работы в Армении.

А.Адамян
28.07.1942, Ташкент

Уважаемый Аришак Абгарович! Прошу Вас принять все меры к выезду в Ереван вместе с Х.С.Кушнаревым. Работы хватит на нас всех, ибо богатейшие возможности нашей музыкальной культуры не только не исчерпаны, но всерьез капитально еще не начаты.

С уважением, Завен Вартанян
Ереван-Ташкент, 05.05.1943

Аршак Абгарович Адамян

Николай Яковлевич Мясковский

Я получил лестное для меня предложение Управления по делам искусств при Совнаркоме Армянской ССР. Оно отвечает моему желанию. Надеюсь несколько погодя приняться за симфонию на армянском фольклоре. Буду надеяться, что мне все же удастся кое-что внести в сокровищницу армянской музыкальной культуры, хотя состязаться с такими мастерами и знатоками, как Аро Степанян и Арам Хачатурян, я не позволю себе и мечтать.

С искренним приветом – Ваш Н.Мясковский
07.08.1942, Тбилиси

В числе принципиальных достижений объединенного симфонического оркестра Ереванского оперного театра и Армфилармонии в годы войны - исполнение в Ереване под руководством Михаила Тавризияна Второй симфонии Арама Хачатуряна и "Фантастической симфонии" Берлиоза

Исполняет объединенный симфонический оркестр Государственного театра оперы и балета им. А. Спендиарова и Гос. оркестра Трудового Красного Знамени Армянской филармонии.

ПРОГРАММА ПЕРВОГО СИМФОНИЧЕСКОГО КОНЦЕРТА.

Григорий Егиазарян — «Армения» поэма для симфонического оркестра.

Ашот Сатян — «Арли Гайнез» из оратории «Давид-бек».

Исп. засл. арт. Арм. ССР Татевик Сазацарян.

Николай Чемберджи — «Песни родины». Сюита для симфонического оркестра в 4-х частях.

Анушаван Тер-Гевондян — «Танцевальная сюита» для симфонического оркестра в 4-х частях.

Арно Бабаджанян — «Концерт для ф-п. с оркестром».

1 часть. Партию ф-п. исполняет автор.

Эдуард Мирзоян — «Герои Отечественной войны». Поэма для симфонического оркестра.

Дирижеры: И. О. Хараджанян.

С. Г. Чаренян (засл. деят. искусств).

ПРОГРАММА ВТОРОГО СИМФОНИЧЕСКОГО КОНЦЕРТА.

Аро Степанян — «Симфония» в 3-х частях.

Каро Закарян — «Поэма» для симфонического оркестра.

Григорий Егиазарян — «Концерт для скрипки с оркестром».

Партию скрипки исполняет Авет Габриелян (заслуж. деятель искусств).

Александр Арутюнян — «увертюра».

Дирижеры: Г. Е. Будагян (засл. деят. искусств).

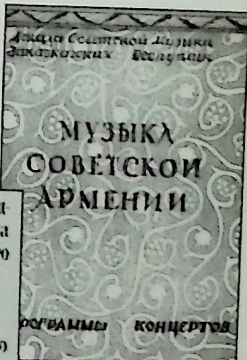
Р. Г. Степанян.

ПРОГРАММА КАМЕРНО-СИМФОНИЧЕСКОГО КОНЦЕРТА.

ВТОРОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

Арам Хачатурян — «Симфония № 2».

Дирижер — М. А. Тавризиян (нар. арт. Арм. ССР).

На Декаде музыки республик Закавказья в Тбилиси (1944 год) оркестром широко были представлены произведения армянских композиторов

Из программы Декады в Тбилиси

Москва, 1948 год. Первый всесоюзный съезд советских композиторов. Сидят: Евгения Гилина, Азат Манукян, Люся Сафарян, Вано Мурадели, Завен Варганян, Саркис Бархударян, Ашот Сатян, Анушаван Тер-Гевондян, Маргарита Арутюнян; стоят: Гурген Мирзоян, Ваагн Араратян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Варган Тигранян, Аргак Тоникян, <...>

Замечательная инициатива ректора ЕГК К.С.Сараджева и З.Г.Вартаняна

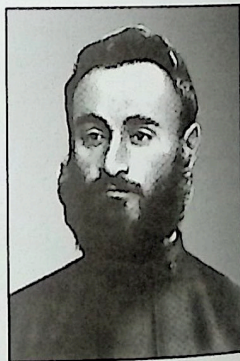
В Совете Министров Армянской ССР

Совет Министров Армянской ССР удовлетворил ходатайство Управления по делам искусств при Совете Министров Армянской ССР и дирекции Ереванской Государственной консерватории и присвоил Ереванской Государственной консерватории имя композитора Комитаса. (АТА).

газета "Коммунист" (Ереван), 24.12.1946

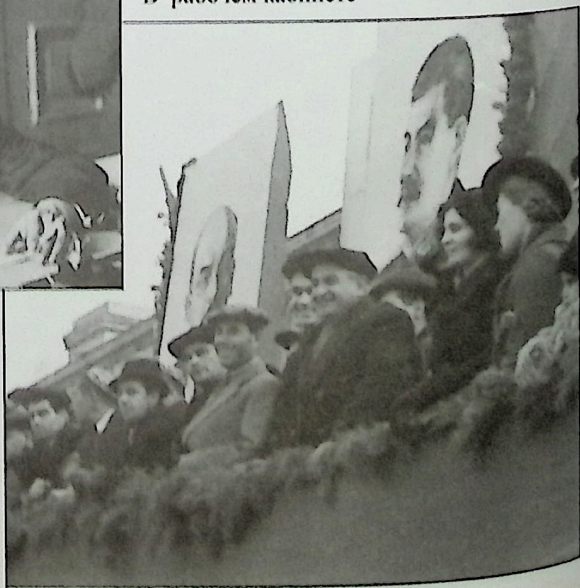
Прекрасным подарком для консерватории было присвоение ей имени Комитаса (1946). Это было признанием ее заслуг в деле воспитания национальных кадров, основания музыкальных очагов культуры, той просветительской миссии, о которой мечтал гениальный армянский музыкант.

по страницам книги М.Берко
"Консерватория имени Комитаса". Ереван, 1973

В рабочем кабинете

Празднование в Ереване
30-летия Октября.
На трибуне (в шлеме)
- З.Г.Вартанян

шивались ярлыки в духе того времени... Звонил мне на дом и Роман Ильич Грубер, с опаской рекомендуя ни в коем случае не упоминать в моем труде о Спендиарове имени Вагнера (последний также был в опале).

Возвращаясь к личности Завена Гевондовича Вартаняна, не могу не сказать, что и он не остался в стороне от определенных идеологических догм. Несмотря ни на что, наши с ним отношения всегда были исключительно плодотворны и полезны для меня и не прекратились после его переезда на работу в Москву. Он часто бывал в Доме культуры Советской Армении в Москве, интересуясь успехами проживающих в общежитии ДКСА десятков своих подопечных. Задумав с Маргаритой Арутюнян труд по истории армянской музыки, мы решили обратиться за советом к Завену Гевондовичу, который принял нас в своем кабинете в аппарате ЦК КПСС и помог в нашей просьбе.

Целое поколение деятелей армянского искусства должно быть бесконечно признательно Завену Вартаняну за его заботу.

Аразян

Тереза Михайловна

кандидат искусствоведения,

профессор Ереванской консерватории

Завен Гевондович Вартанян запомнился как неутомимый, энергичный деятель — организатор музыкальной жизни, прекрасный кларнетист и, конечно, музыковед, проявивший себя в самых разных областях этой многоохватной науки.

Он был постоянно в движении, его волновали всевозможные проблемы музыкальной действительности. Занимая высокие должности, он интересовался возникающими проблемами не по долгу службы, а по велению сердца, считая себя ответственным за все и инициативно руководя решением сотен вопросов. Он умел держать в поле зрения всю панораму музыкальной жизни Армении, вникал в суть вопроса и защищал свои позиции заинтересованно, активно и убежденно.

Одной из заслуг Завена Гевондовича была организация историко-теоретического отделения Ереванской консерватории. Было это на четырнадцатый год существования консерватории, уже имевшей свои

успешно действующие отделения: фортепианное, оркестровое (струнное и духовое), вокальное, а также сравнительно недавно организованный класс композиции... Отсутствие в этом реестре историко-теоретического отделения чувствовалось давно, хотя музыкально-исторические и теоретические дисциплины велись в консерватории еще со "студийного" периода.

В широком плане, организация этого отделения была естественным очередным шагом на пути равнения Ереванской консерватории на достижения ведущих консерваторий Советского Союза, с использованием их опыта организационно-структурных преобразований.

Практическое осуществление этих шагов стало возможным благодаря наличию в Армении соответствующих профессиональных кадров, могущих возглавить эту важную работу. Ими явились недавно завершившие учебу в Ленинградской консерватории молодые энергичные деятели Константин Ефремович Мелик-Вртанесян и Завен Гевондович Вартанян. Их активно поддерживал ректор Ереванской консерватории Самсон Гаспарович Гаспарян, музыкант также "ленинградской ориентации" и большой друг Завена Гевондовича.

Наконец, несомненно воздействие общей для тех лет тенденции сближения Ереванской консерватории с Ленинградской, нашедшей выражение в шефстве, принятом Ленинградской консерваторией над консерваторией Армении.

Незабываема роль, которую сыграл в укреплении связей двух консерваторий выдающийся теоретик, профессор Ленинградской консерватории Христофор Степанович Кушнарев.

Организация историко-теоретического отделения стала своего рода историческим явлением на пути Ереванской консерватории. Время доказало необходимость этого шага, а профессиональные кадры – воспитанники этого отделения, сыграли выдающуюся роль в развитии музыкально-теоретической науки Армении и ее музыкальной фольклористики.

Первая группа студентов-музыковедов была собрана в 1937 году из учащихся исполнительских отделений Ереванской консерватории, проявивших интерес к музыкознанию. Вторую группу (1938 год) образовали: Маргарита Арутюнян, Тереза Аразян, Седа Тацян, Джульетта Алавердян, Джемма Саркисян, Аракся Мартиросян.

В те годы любой значительный шаг в направлении структурных преобразований должен был получить санкцию Управления учебных заведений в Москве. Официально музыкально-теоретическое отделение было утверждено Москвой в 1938 году.

Все было организовано блестяще. Нам преподавали лучшие специалисты: Гайк Гюликехвян, Рубен Дрампян, Геворк Будагян, Сергей Коптев. Специально приезжала из Ленинграда для ведения курса истории музыки Наталья Розова. Кардинально был повышен уровень преподавания музыкально-исторических дисциплин с переездом в Ереван в военные годы Георгия Григорьевича Тигранова. И, конечно, незабываемы были творческие встречи с Христофором Степановичем Кушнаревым, в годы войны недолгое время преподававшим в Ереване. Практический курс сольфеджио и гармонии вел у нас один из основателей отделения Константин Ефремович Мелик-Вртанесян (его арест по произвольно сфабрикованному обвинению и заключение в тюрьму оставили на всех нас тягостное впечатление).

Благодаря Завену Гевондовичу мы имели свободный вход в филармонию и в оперный театр. Были организованы наши поездки в Ленинград и в Москву для слушания уроков в консерваториях и посещения концертов и спектаклей. Излишне говорить, как все это помогало расширению нашего кругозора и приобщению к нашей специальности.

Лекции нам читал и индивидуальные занятия вел сам Завен Гевондович. Он прекрасно ориентировался в вопросах истории музыки — зарубежной и русской, но особое внимание уделял истории армянской музыки (курс ее тогда еще не был полностью разработан). Многие темы он связывал с творчеством Комитаса и армянской народной музыкой.

Перегруженность организационной работой Завена Гевондовича была такова, что он мог заниматься с нами только по воскресеньям (в этот день он находился в консерватории с утра до вечера).

Завен Гевондович не ущемлял инициативу студентов, умел нас воодушевить. Он не был категоричен в своих суждениях ("Может быть", — часто говорил он, предоставляя нам самим искать ответы на возникающие вопросы).

Атмосфера дружеского общения царила на его уроках, и мы под впечатлением встреч с ним спешили домой, стремясь как можно ско-

рее выполнить задания педагога. Каждый раз мы с нетерпением ждали воскресенья.

Завен Гевондович искренне привязывался к своим воспитанникам, был к нам внимателен и после своего переезда на работу в Москву (во время наших посещений столицы снабжал нас билетами в театр и филармонию).

Роль Завена Гевондовича в организации и развитии музыковедческого отделения консерватории незабываема. Его деятельность еще ждет своей достойной оценки.

Вартанян

Карине Завеновна

врач-невропатолог, дочь З.Г.Вартаняна

Будучи в немолодом уже возрасте, я все чаще обращаюсь в воспоминаниях к своей семье. Не раз мелькала мысль, что все это следовало бы записать, но не было уверенности, что кто-то этим заинтересуется. Звонок из Еревана (звонил музыковед Армен Будагян) с просьбой передислоцировать в Армению личный архив моего отца — Завена Гевондовича Вартаняна — положил конец моим сомнениям и вызвал чувство огромной благодарности лицам, которые чтут память об ушедших, интересуются историей страны и судьбами людей, принимавших активное участие в жизни моей любимой Армении.

Бедствия и лишения, выпавшие в детстве на долю моего отца, подробно описаны в его Автобиографии, и здесь мне нечего добавить.

По рассказам знаю, что главную роль в его беспризорном детстве после побега из детдома сыграла Красная Армия, где он был сыном полка, и армейская музкоманда, которой руководил капельмейстер-немец. Кстати, в 1960 году в Армении был снят прекрасный фильм "Парни музкоманды", где прототипом образа всеобщего любимца — Малыша — послужила биография моего отца (Малыша в нашей семье любовно именовали Завенчиком).

Упомянутый немец-капельмейстер по фамилии Шперлинг сыграл, наверно, решающую роль в судьбе моего отца: заметив в нем способность к музыке, стал с ним заниматься.

Далее были консерватория в Ереване, рабфак и консерватория в Ленинграде.

Там же, в Ленинграде, отец познакомился со своей будущей женой — Москалевой Ираидой Константиновной. Она училась в консерватории и окончила ее по классам фортепиано и теории музыки.

О матери моей хочется сказать особо, так как огромная, фантастическая любовь моих родителей сопутствовала всей моей жизни. Мама была родом из г.Энгельса Саратовской области, но далее жила в Нижнем Новгороде. Отец ее, Константин Митрофанович Москалев, был разорившимся купцом (в жаркое лето на Волге сгорели склады с зерном), однако, благодаря семейным связям, выучился на машиниста и работал на Николаевской железной дороге. Это была престижная и хорошо оплачиваемая работа. Он содержал дом, прислугу, а в отпуск ездил с супругой в столицы — слушать Шаляпина и Собинова.

Бабушка моя по материнской линии, Москалева (урожденная Селезнева) Мария Дмитриевна, также происходила из купеческой семьи. Имела только начальное образование и монастырское воспитание. Оба брата моей матери были участниками Великой Отечественной войны. Анатолий служил в НКВД; Сергей был водителем «Катюши», дошел до Берлина и впоследствии много лет работал в Германии водителем советского посла.

После революции 1917 года дед мой долго болел и умер от чахотки в 1932 году. Его я не могла видеть. Бабушка же прожила с нами всю жизнь, вырастила внуков, ухаживала за всеми, была добрым и мудрым человеком. Она пребывала в ясном уме до глубокой старости (прожила почти 90 лет, умерла в 1975 году). Мой отец очень ее любил и называл *мамой*.

В 1936 году в Ленинграде родился мой брат Рубен. Отец в это время уже начал работать в Армении (преподавал в консерватории), однако часто наезжал в Ленинград.

В 1940 году в Ереване родилась я (в самом красивом роддоме, в центре города). И вновь, мама и бабушка с двумя детьми возвратились в Ленинград.

Началась война. Эвакуация была затруднена. В последний момент знакомые посадили маму, бабушку и нас с братом на речной трамвайчик. Из рассказов знаю, что у нас с собой был только один чемодан с пеленками для меня, манной крупой, спиртовкой для каши и несколько плиток шоколада.

До Горького плыли один месяц, так как на одной стороне Волги были наши, а на другой — немцы. Бесконечно приставали к берегу под обстрелами, каким чудом выжили — не знаю. Помню только по рассказам, что брата хотели отправить в эвакуацию с группой детей, но мама не отдала его. Он должен был плыть как раз на том трамвайчике, который разбомбили немцы — эти кадры всегда показывают в кинолентах о войне и блокаде Ленинграда.

Господь спас нас. В Баку нас встречал отец на машине. По воспоминаниям мамы прибыли в полностью затемненный Баку, только с берега раздавались голоса: искали близких. И тут послышался голос отца: "Ира! Мама!" Мы были спасены, так как мама и бабушка вследствие голода и антисанитарии заболели на этом кораблике то ли дизентерией, то ли какой-то другой инфекционной болезнью.

Ереван помню примерно с трех-четырёх лет. Мы с бабушкой и братом гуляли в садике около оперного театра. Мама работала в музыкальной школе имени Спендиарова преподавателем, целый день проводила на работе. Это была прекрасная пора детства. Хотя в квартире было холодно (печка стояла на кухне, там все и спали), однако в этом возрасте все безоблачно, заботы взрослых — далеко...

Хорошо помню день окончания войны. Около 5-6 часов утра по городу вдруг пошли трамваи, на них катались мальчишки, и все кричали, что война кончилась. Потом мы пошли в садик, и там играл военный оркестр.

Впрочем, были впечатления и совсем другого рода. Помню, как из здания оперного театра чекисты вывели его директора — Григория Семеновича Варжапетяна — с развязанными шнурками ботинок... Он помахал нам рукой... Наивная вера отца и его преданность делу партии были так велики, что у него даже в мыслях не было, что произошла чудовищная несправедливость, произвол...

Особо нужно сказать о самом близком отцу человеке — музыковеде и общественном деятеле Самсоне Гаспаровиче Гаспаряне, которого он считал своим братом. Судьба породнила их как в трудном

детстве, так и во взрослой жизни. Они были преданы друг другу и своей Родине, отдавая все силы развитию культурной жизни Армении.

Брат мой начал учиться по классу фортепиано у прекрасного педагога и друга нашей семьи – Роберта Христофоровича Андриасяна. Я тоже окончила подготовительный класс, но очень умело симулировала головные боли и рези в желудке, так что на меня в конце концов махнули рукой...

В 1948 году отец получил назначение на работу в ЦК КПСС в Москве. Он уехал, чтобы уладить вопрос с жильем, а мы остались в Ереване. Прошел слух, что отца арестовали, и 99% знакомых перестали с нами общаться. Даже детям в садике запрещали к нам подходить. Однако, когда мы уезжали в Москву и стало ясно, что отец не арестован, на вокзал пришла с цветами целая толпа.

3 октября 1948 года мы приехали к отцу в Москву. Нас поселили в общежитии (гостиница "Центральная" на улице Горького была тогда общежитием для партийных работников), где мы жили более года. Потом была коммунальная квартира на Котельнической набережной, потом – квартира на Кутузовском проспекте (тогда – Можайское шоссе), сначала двухкомнатная, затем трехкомнатная.

Я училась в общеобразовательной школе, брат – в Центральной музыкальной школе при консерватории. Мама с переездами бросила работу. Жили скромно, с небольшим достатком, но очень дружно. Летом ездили на дачу – в Серебряный бор, где нам выделяли две комнаты с террасой на семью.

Примерно в 1953-1954 годах мама начала сильно болеть: за тяжелым гриппом последовал инфекционный неспецифический полиартрит, который вызывает страшные боли и отеки в суставах, а также их деформацию. Все остальные годы до своей смерти (в 1975 году) она провела в больницах, санаториях, в постели... Она очень страдала и считала, что стала обузой для семьи. Все эти годы отец ее нежно любил, баловал, ухаживал за ней.

В 12 лет мне пришлось принять на себя значительную нагрузку. Бабушка вела хозяйство, готовила. А я ходила по магазинам, рынкам, командовала тратами на хозяйство, стирала и т.д.

После работы в ЦК КПСС отец перешел на работу в Министерство культуры СССР – сперва на должность заведующего Отделом учебных заведений, затем – музыкального Главка. Брат учился в консерватории в Москве, а я – во 2-м Московском медицинском институте. Стала врачом-невропатологом, которым работаю до сих пор (кандидат медицинских наук, доцент). Вышла замуж, разошлась, имею сына – физика-теоретика.

Перипетии творческого пути брата были более значительными. Он работал в Ереване художественным руководителем и главным дирижером Филармонического оркестра Армении, учился в Вене у Герберта фон Караяна, работал в Боливии, там женился на сотруднице нашего посольства. Общих детей у них не было. Жена его впоследствии скончалась от рака.

В 1988 году Рубен уехал в США, где работал художественным руководителем и главным дирижером симфонического оркестра Арлингтона. В последние годы жизни он тяжело болел [Рубен Вартанян скончался в 2008 году – А.Б.].

Отец за пару лет до смерти ушел на пенсию, но остался в своем Главке на небольшой должности. И по-прежнему пользовался любовью и уважением своих сотрудников. Это был талантливый и благородный человек с врожденной интеллигентностью. Он был строгим начальником, но никогда не считал себя вправе кого-либо оскорбить или унижить.

В последний год у него проявилось тяжелое заболевание: перенесенный в детстве инфекционный гепатит (от которого умер его брат Баграт) переродился в рак печени. Он умирал в сознании, все понимая. В бреду много говорил по-армянски. Потом сознание вернулось, он попросил поднять его на ноги, посмотрел в окно, попросил прикурить ему папиросу, затянулся пару раз и угас у меня на руках. Это было 25 апреля 1977 года.

Отец был самый близкий мне человек. Казалось, что не перенесу утраты. Но по-прежнему живу, думая всегда о том, что отец одобрил бы, а что – нет.

Светлая ему память...

Глава восьмая

Из переписки¹

Адамян

Аршак Абгарович

музыковед, эстетик, Засл. деят. иск. Арм. ССР

28.07.42, Ташкент

Уважаемый Андраник Христофорович *ИШагинян*, начальник Управления по делам искусств *Армении*, на Ваше приглашение — работать в Армении — я ответил согласием. Иначе я и не мог бы поступить. Мысль о том, чтобы лично и активно участвовать в нашей музыкальной жизни, меня никогда не оставляла.

Ереван я покинул 16 лет назад, в пору первых усилий и первых успехов новой, советской музыкальной культуры Армении, успехов более организационных, чем подлинно художественных, — в пору, когда Ереванская консерватория, успевшая всего лишь незадолго до того организовать по типу советских музыкальных вузов, еще не имела ни одного выпуска, — когда в напряженном труде складывался симфонический коллектив, первый в Армении, заложивший фундамент для ее дальнейшей симфонической и оперной культур, — когда организовывалась концертно-эстрадная деятельность будущей филармонии. Сегодня скромными должны казаться эти успехи. Но мне всегда радостно вспоминать их, как и сознавать, что именно они в конце концов привели к тем блестящим успехам, которыми я, вместе с тысячами других, восхищался в памятные дни московской декады, к таким завоеваниям сегодняшнего дня, как постановка "Отелло" Верди и 7-я симфония Д.Шостаковича. Вот в связи с чем я могу только радоваться тому, что Ваше приглашение вновь открывает мне перспективу работы в Армении в новых условиях ее музыкальной жизни.

Изъявляя готовность переезда в Ереван, я хотел бы знать, как Управление по делам искусств предполагает использовать мои силы и как мыслится предстоящая моя работа там.

¹ Материалы обширной переписки З.Г.Вартаняна приводятся в настоящем издании выборочно, с незначительными сокращениями. Пояснения даются по ходу изложения курсивом в косых скобках.

В Управлении по делам искусств, может быть, известно, что в течение последних лет я веду педагогическую деятельность, ведя курс истории эстетических учений. По инициативе Ленинградской консерватории и Института театра и музыки я приступил к составлению учебного пособия по этой дисциплине. Мне предстоит закончить первый том и приступить ко второму. Для себя я счел бы потерей, если бы эти работы — педагогическая и лежащая в ее основе исследовательская — в условиях моей деятельности в Ереване не могли бы осуществиться. Это было бы для меня тем более обидно, что оно отразилось бы и на другом: давно я лелею мечту включить в круг своего исследования историю развития эстетических воззрений в Армении, начиная с древнейших времен.

Мне было бы ценным знать, будет ли указанная моя работа учтена при планировании моей предстоящей работы в Ереване.

Я хотел бы также знать о перспективах моего бытового устройства в Ереване, куда я намерен перевезти из Сухуми семью моего сына — жену и дочь; сын мой находится в рядах Красной Армии.

Я буду признателен, получив от Управления по делам искусств разъяснения по изложенным вопросам.

А.Адамян

Игумнов

Константин Николаевич

пианист, профессор, Нар. арт. СССР

22.09.45, Москва

Уважаемый Завен Гевондович!

Простите, что я не мог принять Ваше так соблазнявшее меня предложение */посетить с концертами Армению/*, и поверьте, что я искренне сожалею об этом. Обстоятельства оказались против меня: осенняя сессия госэкзаменов перенесена с ноября на середину октября, Ленинградский институт театра и музыки торопит меня к ноябрю хотя бы частично выполнить литературные обязательства, Ленинградская консерватория также ждет моего приезда, затем невозможно московских учеников, претендующих на конкурс, оставить без руководства, наконец, опубликование меня в числе участвующих в цикле из сочинений Рахманинова, причем мое выступление с Четвертым концертом, который я не играл 10 лет и совершенно

забыл, назначено на 3-е ноября... Как видите, целый клубок препятствий. Наиболее серьезные это госэкзамены и мое выступление. Филармония настаивает, но я, даже оставшись здесь, не уверен, что смогу подготовиться, так как летом, чувствуя себя плохо, совершенно не играл. Вообще на душе много забот и беспокойно. Представляю, какая у вас сейчас славная осень. Жаль, что я в Москве. Шлю всему Еревану горячий привет. Всего доброго.

Ваш К.Игумнов

Сараджев

Константин Соломонович

дирижер, профессор, Нар.арт.Арм.ССР

31.05.44, Одесса

Многоуважаемый Завен Гевондович!

Очень прошу Вас поднять вопрос о награждении званием "Заслуженного деятеля искусств" профессора А.М.Мнацаканян /*Анна Михайловна, пианистка*/ и доцента Е.И.Ханкаламян /*Евгения Ивановна, пианистка*/. Я полагаю, их многолетняя безупречная работа в Армении (первая работает с 1921 года, вторая – с 1924 года) вполне достойна быть отмеченной нашим правительством, и, принимая во внимание предполагаемые изменения в их положении /*отчисление из консерватории*/ – эта награда смягчила бы переживание предстоящего удара по самолюбию.

Прошу Вас подумать над моим предложением и поделиться со мной Вашими соображениями.

Примите дружеский привет уважающего Вас

Конст.Сараджева

Тигранян

Армен Тигранович

композитор, Засл.деят.иск.Арм.ССР, Засл.деят.иск.Груз.ССР

20.02.47, Тбилиси

Начальнику Управления по делам искусств
при Совете Министров Арм.ССР тов.Вартаняну З.Г.

Прошло три месяца после того, как, на основании моего обращения, Секретарь ЦК КП(б) Армении тов. Арутюнян /*Григорий Артемьевич*/ сделал распоряжение по материальному вопросу оперы

“Давид Бек” и изданию клавира оперы “Ануш”, но с Вашей стороны ни по одному из этих вопросов не принято никаких практических шагов.

Неестественное затягивание материального вопроса, связанного с моей творческой работой и возбужденного мною еще восемь месяцев тому назад, не могло не нанести ущерба работе и чревато дальнейшими осложнениями.

Такое отношение к вопросам, в конце концов, приведет к их естественному отмиранию. Изданию клавира “Ануш” угрожает опять попасть “в долгий ящик”.

Считаю совершенно не естественным задерживание вопроса, связанного с определенным отрезком времени со дня возбуждения его, предназначенного для финансирования в определенный период – период процесса творческой работы.

В разрешении этих вопросов нет ничего сложного и зависело от доброй воли и желания.

Считаю, что мое обращение (по Вашему же совету) к Григорию Артемьевичу и его немедленное распоряжение не могли привести к такому исходу.

А. Т. Тигранян

Маилян

Антон Сергеевич

композитор, хормейстер, Засл. деят. иск. Азерб. ССР

16.02.42, Баку

Дорогой Завен Гевондович!

В настоящее время я нахожусь в Баку. Приехал по вопросу обмена квартиры, но пока что желающих нет. Все время быть в Ереване или Тбилиси нельзя, т.к. я потеряю право на квартиру. Поступить опять на службу здесь больше не хочу, т.к. достаточно я работал в братской республике, а теперь пора мне работать в Ереване /.../

Теперь, когда фашисты нарушили наше спокойствие, когда причинили горе нашей славной родине, невелика беда, если я в настоящее время буду нуждаться, особенно я – когда со дня советизации я чувствовал себя на седьмом небе. Что же, пройдет война и все будет в порядке, и вновь увидим советское искусство во всем блеске.

Когда я обратился к тебе поддержать меня хоть временно, до окончания войны, ты с поразительной чуткостью предложил мне писать балет. И немедленно дал мне задание пока писать симфоническую картину на оборонную тематику.

Я взял маленький срок, до 1-го марта, но все же я выполняю задание. Клавир закончил и пишу партитуру. Сдам работу 1-го марта. Сделаем прослушивание в симфоническом исполнении, возможно, под моим же управлением.

Что касается балета, то я все же остановился на "Ара Прекрасном и Семирамиде".

Задача трудная, интересная.

До скорого свидания. Жму крепко руку. С приветом.

Антон Маилян

Сарьян

Мартiros Сергеевич

Народный художник СССР

21.04.44, Москва

Уважаемый Завен Гевондович!

В Ереван по командировке приехала Агаян Сусанна Михайловна. Она будет у Вас, у нее очень серьезные поручения в связи с выявлением кадров по прикладному искусству.

Сама Сусанна Агаян известная здесь художница по текстилю, долгие годы работавшая старшим художником на шелковой фабрике "Красная роза". Она сделала многочисленные рисунки для тканей, освоенные в производстве. Она — мастер первоклассный. Материал ее своеобразный, армянский, она хорошо знает армянский орнамент, выросла на изучении этого материала в продолжение долгих лет. Выработала свой индивидуальный характер. Она первая в СССР, ее здесь очень ценят и любят и считают армянским мастером. Она подготовила кадры, у нее здесь много учеников. Кроме всего этого, как большевичка, всегда почти вела и партийно-общественную работу. С исключительной энергией по линии общественной работы, пользуется большой популярностью и любовью. Она председатель текстильной секции МОССХ и секретарь парторганизации. Сусанна Агаян — замечательное явление, ею может гордиться наш народ. Мне

хотелось бы, чтобы ее знали в Ереване, воспользовались бы ее советами и исключительными организаторскими способностями. У нас очень легко организовать это замечательное творчество росписи тканей, печатание разными способами рисунков для шалей, платков, подушек и т.д. и т.д. У нас многие художники могли бы изучить это дело и существовать, делая хорошие вещи для быта, на которые спрос будет колоссальный, как только кончится война.

Кроме всего этого вы имейте в виду нескольких художников, живущих здесь, необходимо их работы выставить на нашей предстоящей выставке, как армянских художников, таковыми их считают здесь и гордятся, что армянский народ, имея такую высокую культуру, учит и других, как надо украшать свою жизнь.

Махлас, զսիւսի տարւի էլ, բայց փիտու է, փխր, վեր ծողովորը
/надоел я тебе, но мне жаль наш народ/.

Завтра я выезжаю в Киев на съезд художников Украины и вернусь к первым числам мая, случай увидеться с моим замечательным сыном, который уже пятый год в армии и уже много раз видел смерть в лицо, награжден медалью за боевые заслуги и орденом Красной Звезды. Он ведь молодой композитор, а Вы, говорят, очень внимательны к музыкантам. На всякий случай сообщаю его адрес: ППС 25342, Сарьян Лазарь /Газарос/.

Я написал здесь несколько портретов и хочу написать еще кое-кого, а потом приеду домой.

Большой привет Вам и ереванцам.

Март[ирос] Сарьян

[Письмо впервые опубликовано в издании: Мартирос Сарьян. Письма, том 2, Ереван, 2012г., с.311-312]

От него же

16.05.44, Москва

Дорогой Завен Гевондович!

Пользуясь случаем приезда в Ереван Аршалуйса Михайловича Аршаруни, пишу Вам несколько строк. Моя жизнь здесь задержала меня: во-первых лечение, во-вторых мечта встретиться с Зариком /Газарос Сарьян, сын М.С.Сарьяна/. Все это случайно вышло неплохо, я с Зариком встретился в Москве, а недавно имел командировку в

Киев, где вторично имел возможность встретить его и провести с ним несколько счастливых часов.

Вернувшись в Москву, я наконец имел возможность поговорить с П.М.Сысоевым и А.К.Лебедевым. Это начальник ИЗО и его заместитель. Относительно выставки армянских художников. Вам, вероятно, известно, они мне сообщили, что выставка планирована на август, во всяком случае работы художников Армении нам желательно было бы иметь здесь к первому августа. Мне кажется, что выставка будет хорошая, к армянской выставке они относятся очень хорошо и думают показать ее как следует.

Но самый трудный вопрос с помещением. Третьяковка занята. Помещение Ново-Западной живописи в очень плачевном состоянии, требует большого ремонта (потолок обрушился). Музей имени Пушкина, у которого потолок стеклянный, стекла все побиты, а стекло сейчас самый дефицитный товар. Если удастся отремонтировать, то это самое замечательное помещение. Между прочим, здесь они устраивают периферийную выставку художников республик — национальных и автономных, и взяли у нас какое-то количество работ из числа тех, которые были присланы сюда на выставку "Фронт и тыл".

Между прочим, они спланировали и мою персональную выставку в конце этого года — вероятно, в декабре. Они хотят показать работы за все время, по возможности собрать из всех мест, чтоб показать работы всех периодов. Я от такой выставки не отказался, но, имея в виду суровое время Отечественной войны, отношусь несколько скептически к тому, что это получится хорошо. Эту выставку частично можно перебросить в нашу столицу Ереван, может быть, к тому времени и война кончится, которая, кстати сказать, вошла в наш быт и раскрепоститься от нее будет тоже делом не очень легким.

Между прочим, на эту выставку армянских художников необходимо привлечь и армянских художников ткани, которые в Москве занимают первое место. Я, кстати, писал Вам письмо, которое привезет Сусанна Агаян — лучшая художница по тканям декоративным.

Между прочим, здесь большой интерес к прикладному искусству, здесь этим делом занимается Комитет по делам искусств в связи с тем большим интересом, который имеет Советский Союз. Неплохо было бы [организовать выставку] наших мастеров по серебру, ковру и

керамике, которую хотела организовать наша славная ИЗО, по старости лет забыл я ее имя, — вот было бы кстати.

Одним словом, дел много, и хороших дел, на все нужны люди, люди и люди.

Привет всем художникам и знакомым. Надеюсь, дружба между Вами и ними не нарушена.

Крепко жму Вам руку — *М.Сарьян*

Здесь художественный фонд "Салон" думает сделать творческие заказы нашим художникам. Я просил Асламязянов / *Ерануи и Мариам, сестры, художницы* / составить список, который представлю.

В скором времени, по-видимому, приеду в Ереван.

М.С.

Մարյան

Մարտիրոս Մերգելի

ԽՄՀՄ ժողովրդական նկարիչ

12.09.46, Երևան

Սիրելի Ջավեն

Հովհաննես Զարդարյանը շատ վատ կացության մեջ է: Իսկ նրա աշխատանքը, որ չընդունեցիր, կարող է իմ կարծիքով շատ հեշտությամբ ուղղել կամ նորը պատվիրել: Իհարկե, ավելի լավ է նորը պատվիրեք և դա, համոզված եմ, որ կլինի այն, ինչ որ դու և առհասարակ մենք ուզում ենք: Համոզված եմ, որ դու ամեն միջոցներ ձեռք կառնես թե՛ լավ նկար ունենալու և թե՛ օգնելու մեր լավագույն երիտասարդ նկարիչներից մեկին:

Ընկերական բարևներով՝ Մարտիրոս Մարյան

Перевод предыдущего письма

Сарьян

Мартирос Сергеевич

12.09.46, Ереван

Дорогой Завен!

Ованес Зардарян находится в бедственном положении. Работу его, не принятую Вами, он может, по-моему, легко исправить. Можно заказать ему новую картину. Конечно, лучше заказать, и, я уверен, это

будет именно тем, чего ты и, вообще, все мы желаем. Уверен, что ты сделаешь все возможное, чтобы появилась хорошая картина и была оказана помощь одному из лучших наших молодых художников.

С товарищеским приветом — *Мартирос Сарьян*

Мясковский

Николай Яковлевич

композитор, Нар. арт. СССР

07.08.42, Тбилиси

Многоуважаемый Андраник Христофорович /Шагинян, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Я получил лестное для меня предложение Управления по делам искусств при Совнаркоме Армянской ССР. Оно отвечает моему желанию, но сейчас возникло небольшое препятствие к его осуществлению. Мне пришлось по предложению Всесоюзного комитета по делам искусств подписать договор на музыкальное произведение к 25-летию Великой Октябрьской революции, а так как такая работа подразумевает определенные сроки (которые теперь уж очень кратки), я не могу решиться взять на себя еще срочную и притом ответственную работу, ввиду полной невозможности справиться в короткий срок с двумя большими произведениями. Но от своей мысли я отказываться не намерен, и потому, не считая возможным заключать такой договор, о каком Вы пишете, я все же надеюсь несколько погодя приняться за симфонию на армянском фольклоре. Единственное, о чем очень прошу, это чтобы мне по возможности предоставили материал — песенный и плясовой, и лучше всего в необработанном виде, но в наиболее полной записи. Мой собственный материал (сборник Комитаса), к сожалению, остался в Москве.

Буду надеяться, что мне все же удастся кое-что внести в сокровищницу армянской музыкальной культуры, хотя состязаться с такими мастерами и знатоками, как Аро Степанян и Арам Хачатурян, я не позволю себе и мечтать.

В конце августа в Тбилиси обещал быть А.П.Долуханян /Александр, композитор, пианист/, очень было бы хорошо, если бы Вам удалось хотя бы часть материалов прислать с ним.

С искренним приветом — *Ваш Н.Мясковский*

Агаян
Мушег Лазаревич
музыковед, композитор, Засл.деят.иск.Арм.ССР
1945, Ереван

Заявление
(перевод с армянского, в сокращении)

Начальнику Управления по делам
искусств при Совнаркоме Арм.ССР
тов.З.Вартаняну

В соответствии с предложением дирекции и музыкального отдела Дома народного творчества я приступил к составлению юбилейного сборника избранных песен Саят-Новы — с предисловием, нотированными мелодиями и их текстом.

Эта работа начата 6 августа 1945 года. Материал в рукописи находится в Секторе истории и теории музыки Академии Наук.

Считаю необходимым сообщить, что указанные песни Саят-Новы не принадлежат к числу известных и уже нотированных произведений. Весь этот материал — результат моих изысканий и исследовательской деятельности, которые я веду еще с 1905-1906гг., вот уже 40 лет.

Считаю, что предложенный мне дирекцией Дома народного творчества гонорар не только недостаточен, но и оскорбителен для подобной серьезной и кропотливой работы. Прошу Вас пересмотреть это решение.

С коммунистическим приветом — *Мушег Агаян*

Штейнберг
Максимилиан Осеевич
композитор, Засл.деят.иск.РСФСР, Нар.арт.Узб.ССР
12.02.41, Ленинград

Многоуважаемый Андраник Христофорович /Шагинян, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Письмо Ваше получил. Простите, что не ответил Вам сразу — все эти дни я был очень занят.

В конце декабря я подписал договор на сочинение казахской оперы. Поэтому, к моему глубокому сожалению, я в данный момент не могу приступить к выполнению Вашего лестного для меня предложения. Если бы оно было сделано 2 месяца тому назад, я бы, конечно,

но, с радостью согласился. Считая себя действительно большим другом армянского искусства, я, конечно, охотно буду работать для театра им. Спендиарова; поэтому, если это Вам удобно, просил бы дать мне заблаговременно конкретные предложения в отношении сюжета и либретто, для того, чтобы я мог приступить к сочинению музыки, как только представится возможность, а пока подбирать материал. Тему я бы хотел народно-эпическую или же легендарно-героическую, с достаточной дозой лирики.

Если либретто, которое я должен получить из Казахстана, окажется подходящим, то на сочинение музыки понадобится года полтора, после чего, если буду жив и здоров, надеюсь приступить к выполнению Вашего задания.

Исполнение моей поэмы, посвященной 20-летию Советской Армении, действительно, прошло здесь с большим успехом. Здешние армяне приняли мою пьесу чрезвычайно тепло, что было для меня особенно лестно. К сожалению, мне до сих пор неизвестно, предполагается ли исполнение этой вещи в Ереване. Если почему-либо в ближайшее время это невозможно, то я очень просил бы вернуть мне партитуру, сняв с нее в случае необходимости копию.

С искренним приветом

М.Штейнберг

От него же

07.04.41, Ленинград

Дорогой Завен Гевондович!

Из всех сообщений, полученных мною из Еревана, я могу заключить, что исполнение моей пьесы, партитуру которой я своевременно отправил Вам, в настоящее время невозможно по техническим причинам и прежде всего ввиду отсутствия особого симфонического оркестра. Между тем, у меня не осталось ни одного экземпляра партитуры; моя рукопись в настоящее время сдана в гравировку. К тому же необходимо внести в Ваш экземпляр некоторые поправки и добавления. Поэтому очень прошу Вас отправить мне по получении этого письма имеющуюся у Вас партитуру. Как только окажется возможным и желательным исполнение в Ереване, я, разумеется, пришлю Вам партитуру — сейчас же она Вам все равно не нужна, а мне крайне необходима.

Примите мой искренний привет и передайте таковой всем ереванским друзьям.

М.Штейнберг

P.S. Пользуюсь случаем, чтобы попросить Вас еще об одном деле: желательно получить копии партитур моих вставок в "Алмаст". Нельзя ли это сделать? Будьте добры, передайте мою просьбу Г.Е.Будагяну /Геворк, дирижер/ вместе с сердечным приветом.

Бархударян

Сергей Васильевич

композитор, профессор,

Нар.арт.Арм.ССР, Засл.деят.иск.Груз.ССР

03.05.43, Тбилиси

Дорогой Завен Гевондович!

Ваше предложение принять участие в организуемом Вами втором конкурсе крупной симфонической формы я с удовольствием принимаю в расчете на то, что сумею восстановить свое здоровье и взяться за творческую работу.

Что же касается моего балета /"Нарине"/, то должен сообщить вам следующее: после неудачи, постигшей мой балет в 1938г., я не трогал его либретто.

Вам легко поверить, что у меня было вдвойне досадное чувство: за себя, положившего на создание балета столько напряженных дней и ночей, и за свой балет, потому что мы не так богаты оригинальными произведениями в области балетной музыки, чтобы под спудом держать законченное произведение в течение 5 лет.

Ваше письмо явилось толчком, и я вновь перечитал либретто.

Перечитав его со всей строгостью, должен сказать, что в содержании его я не нашел ничего одиозного, ничего такого, что могло бы явиться, с моей точки зрения, принципиальным препятствием к постановке балета, если только, почему-либо, фамилия автора либретто (С.Лисицян) не вызывает каких-либо возражений.

Должен напомнить Вам, что с последней редакцией либретто в свое время я ознакомил Григория Артемьевича Арутюняна /Первый секретарь ЦК КПА/, и он дал свое согласие на постановку.

Однако, я не возражаю против того, чтобы либретто было составлено заново, если Вы найдете это необходимым.

В этом случае я рекомендовал бы составить либретто в плане сказки, что наиболее соответствовало бы музыке по духу и по форме.

Новому либреттисту необходимо, во всяком случае, строго руководствоваться тем развитием действия, которое заложено в старом либретто. Это необходимо для сохранения цельности и последовательности уже готовой музыки.

Крепко жму Вашу руку — *Ваш С.Бархударян*

От него же
17.06.45, Тбилиси

Дорогой Завен Гевондович!

Я получил сведения из Еревана, что Дом композиторов готов, и что наши товарищи уже вселяются. При последнем свидании с Вами в Тбилиси я изъявил желание переехать в Ереван, если будет дана мне квартира, состоящая минимум из двух комнат с удобствами.

Если в настоящее время есть у Вас возможность предоставить мне квартиру, отвечающую минимальным запросам моим, прошу забронировать ее за мной.

С товарищеским приветом — *С.Бархударян*

Шапорин
Юрий Александрович
композитор, Нар.арт. СССР
11.01.44, Москва

Дорогой Завен Гевондович!

Ваш новогодний подарок, столь же щедрый, сколь и трогательный, несказанно меня взволновал, и я спешу выразить Вам чувство глубокой благодарности и за подарок, и за милое, сердечное письмо.

Очень хочу Вас видеть; не откладывая этого дела в долгий ящик, прошу Вас позвонить, чтобы условиться о встрече.

Еще раз благодарю и дружески Вас обнимаю

Ваш Юр.Шапорин

Мшвелидзе
Шалва Михайлович
композитор, Нар.арт.Груз.ССР
Шапорин
Юрий Александрович
композитор, Нар.арт.СССР
Бархударян
Сергей Васильевич
композитор, Нар.арт.Арм.ССР, Засл.деят.иск.Груз.ССР
20.07.1942, Тбилиси

Телеграмма

Ереван, Управление искусств, Вартаняну
копия Шагиняну, копия Гаспаряну

Время, проведенное в братской Армении /приглашение на исполнение Седьмой симфонии Д.Шостаковича/, всегда будет нашим светлым воспоминанием. Шлем глубокую благодарность за сердечный прием и пожелание счастья и процветания армянскому народу и армянскому искусству.

Поручением группы композиторов и исполнителей

Мшвелидзе, Шапорин, Бархударян

Исецкий
Леон Николаевич
певец, Нар.арт.Груз.ССР, Засл.арт.Арм.ССР
30.07.45, Тбилиси

Дорогой Завен!

Если принять во внимание наши упрямства: мне писать, а тебе не отвечать, то, казалось бы, пора положить на все крест, но хочется верить, что все это не так!

Слишком много мною сделано для оперного искусства Армении, слишком ценит и знает меня народ и общественность Армении, для того, чтобы "бросать оружие" в момент моих ревностных желаний и побуждений принести пользу — вопреки отдельным лицам, коим мое пребывание в Армении далеко не желательно. С ними я считаться не намерен.

Два раза уже, дорогой Завен, начиная с 1944 года, я делаю Вам предложение о моем переезде в Армению. Делаю это еще в последний раз и прошу ответить мне.

Я хотел бы очень, с переездом к вам, во-первых, включиться в непосредственную работу в опере (тем более, что с басами у вас слабо), во-вторых, взять на себя одну постановку (или "Сказки Гофмана", или опера "Фра-Дьяволо"), а также, в случае если вы найдете целесообразным, открыть при опере оперную студию, что явилось бы переходной ступенью к опере для консерваторской молодежи, — дать мне руководство этой студией главным образом по части режиссуры.

Такое начинание имеет уже место в Грузии при Оперном театре.

Также могу включиться в работу и при консерватории.

Мне хотелось бы "по горло" быть занятым работой, что позволяют мне и мои знания, и мое образование, и мой опыт, связанный с моими путешествиями по всему миру, а главное — мое крепкое желание!

Для проведения в жизнь моего предложения и детализации всех вопросов, весьма несложных, — считаю необходимым мой приезд в Армению — предварительно, для переговоров.

Естественно, что выведу только с получением вашего вызова.

Только по договоренности с вами я получу годовой академический отпуск, в целях переезда к вам и бесперебойной работы.

В настоящее время я в отпуску. Выезжаю сегодня на ряд концертов, и к 10-му числу буду обратно. Надеюсь к этому времени получить тот или иной ответ.

В Армении осталось очень мало товарищей, кто бы знал меня. Ведь теперь у вас на руководящих постах — все молодые. Поэтому кроме как тебе мне некому и писать, но вот если, дорогой Завен, будешь у Григория Артемьевича /Арутюнян, Первый секретарь ЦК КП Армении/ — старого друга по Тбилиси, которого я хорошо знаю, и который меня прекрасно знает — поставь его в известность о моем письме и освети вопрос в полной мере. Конечно, это в том случае, если ты найдешь нужным.

Также прошу, дорогой Завен, понять меня так, как есть. Никакого навязывания (боже упаси). Находите мое предложение нужным — вызывайте — нет, значит нет!

Ну а теперь всего хорошего. Жму руку.

Ваш Леон Исецкий

Кушнарев

Христофор Степанович

теоретик, композитор,

Засл. деят. иск. Арм. ССР, Засл. деят. иск. Узб. ССР

22.08.37, Ленинград

Дорогой Завен!

Ваше последнее письмо так же, как и предыдущие, получил и прочитал с большим интересом. Не отвечал Вам вовсе не потому, что у меня не было желания написать Вам. Дело в том, что эта весна была особенно тяжелой в смысле нагрузки. Помимо обычной весенней работы в консерватории, институте и Союзе нужно было принять участие в собраниях консерваторского актива и быть одним из докладчиков на предвыборном собрании Союза, продолжавшемся десять дней по утрам и вечерам. Приходилось отложить все дела. Летом у меня многократно возникало желание написать Вам, однако, не зная Вашего ленинканского адреса, я не имел возможности осуществить своего послания.

О предложении, сделанном Вам со стороны Управления по делам искусств, нам было известно еще весной, и все мы считали Вашу кандидатуру весьма подходящей и желали, чтобы Вы не отказывались от предложенной Вам работы. Действительно, при том количестве старых счетов и столкновений, которые наблюдаются в среде наших работников искусств, только новое и притом трезвое лицо способно найти правильную линию поведения. Для этого у Вас есть все данные как в отношении художественно-политической подготовки, так и в отношении Ваших личных свойств. Думаю, что работа в Управлении и Вам, как музыковеду, принесет большую пользу, поскольку необходимость разрешения некоторых практических вопросов заставляет пересматривать и уточнять принципиальные позиции. Думаю, что не ошибусь, сказав, что работа в Управлении даст Вам значительно больше, чем Ваша педагогическая деятельность. Одного лишь опасюсь, как бы Вы не забросили Ваш инструмент. При неблагоприятных условиях в Эривани для Вашего исполнительства, легко может случиться, что важные дела музыкального фронта незаметно отодвинут Ваше исполнительство на второй план, и чем дальше, тем труднее будет Вам к нему вернуться. А это будет весьма и весьма досадно: пропадет большая художественная ценность.

Вы просите написать о моих соображениях по поводу предстоящей Декады армянского искусства. Я эти соображения могу высказать лишь в самых общих чертах. Собственно говоря, основную свою мысль я Вам высказывал зимой. Главное — необходимо как можно шире и лучше показать подлинное народное творчество: песни крестьянские, ашугские, инструментальную музыку, включая сюда и мухаматы. И наконец — всевозможные танцы. Казалось бы, что все это само собой разумеется. Конечно, разумеется! Однако организовать показ народного творчества будет очень трудно. Первая трудность — разнообразие жанров; то есть наряду с монументальными танцевальными номерами в нашем искусстве имеются и прекрасные интимно-камерные. Совместить их в одном концерте чрезвычайно трудно. Разбить же по отдельным концертам едва ли будет целесообразно: получится однообразно для непривычного слушателя.

Я склоняюсь к тому, что путем тщательного отбора произведений можно составить одну программу концерта, положив в основу ее принцип нарастания от интимного до монументального, показав мужские и смешанные хоровые пляски в самом конце. С исполнителями нужна большая предварительная работа как в смысле уточнения размеров исполняемого (иначе, например, дудукисты или сазандары могут увлечься и растянуть исполнение, не учитывая меры восприятия аудитории. С этой трудностью я многократно сталкивался при организации концертов), так и в смысле известной (весьма тонкой) театрализации подачи исполнения. Далее, мне кажется, музыкальные номера следует чередовать с танцевальными, обратив внимание и на сольные, и на парные танцы. Что касается групповых танцев, я решительно склоняюсь к тому, чтобы поручить их организацию Аристанкесяну */Ваграм, хореограф/*. Он не мудрствует и не лукавит, и тем самым сохраняет народный характер танца. Он очень тактично театрализует. И, наконец, его личный темперамент танцора в высшей степени привлекателен. Да и опыт предыдущих выступлений его ансамбля говорит сам за себя (см. отзыв М. Горького). Далее, мне кажется, нужно группу танцоров довести до значительного числа, чтобы на большой сцене она не переставала носить характер массовости. Вообще же мне кажется, что из всего показываемого групповые танцы по своей эмоциональной направленности, по своей мужественной жизнерадостности должны быть наиболее впечатляющей частью про-

граммы концерта в Москве. Программа этого концерта с организационной стороны должна быть составлена так, чтоб ее можно было показать и в других городах, в частности, и в Ленинграде. Стоит ли включать в программу и ансамбль Шара Тальяна? У меня сомнение. С одной стороны, по качеству исполняемого материала ансамбль, несомненно, очень ценен, с другой стороны, боюсь, не слишком ли европеизирована манера исполнения самого Шара.

Теперь в порядке вопроса: намерены ли организаторы использовать певцов из народа, каковых имеется очень много (в частности, в 1927 году меня поразил певец Мирзаджан Симонян из села Гезалдара на Севане и мальчик Цолак из того же селения), и есть ли на примете хорошие тарист, кеманчист и певец мухамматов? Намерены ли поместить в программу исполнение курдских произведений? Я очень рекомендовал бы взять хотя бы одного певца-курда и обязательно расширить круг исполнителей народных песен из крестьян. Далее, мне кажется, что необходимо устроить один концерт из хороших произведений, включив в него отдельные сольно-вокальные номера. Хоровое пение сыграло очень большую роль в нашей культуре, для устройства хорового концерта имеются все необходимые данные.

Далее — камерный инструментально-вокальный концерт. В этом концерте нужно показать максимальное количество авторов. Из больших вещей я рекомендовал бы сюиту для квартета Тиграна */Гер-Мартirosян/*, далее — пьесы для кларнета Оганесяна */Туник/* и Восканяна */Григорий/* (в Вашем исполнении), фортепианные произведения Егиазаряна */Ованес/*, возможно, финал из вариаций Оганесяна, быть может, трио Хачатуряна */Арам/* для скрипки, кларнета и фортепиано (я с ним мало знаком) или другие произведения того же автора, далее — вокальные произведения разных авторов, в том числе Романоса */Меликян/* и Аро */Степанян/*. Возможно, найдутся и другие инструментальные произведения, мне неизвестные.

Относительно оперы затрудняюсь что-либо сказать, так как последние достижения в этой области мне знакомы лишь по отрывкам. Думаю, что надо показать "Ануш", при условии переработки ее партии в сторону максимального освобождения ее от чуждых, претенциозных моментов. Сама постановка этой оперы должна быть выдержана в простых народных, даже несколько наивных тонах, примерно в духе первых постановок казахской оперы. Далее, нужно теперь же

остановиться на одной из опер Аро */Степанян/*, доработать ее до предельного конца и показать. Показ "Алмаст" у меня не вызывает сочувствия по двум причинам. Во-первых, сюжет больно антипатичен, во-вторых, опера эта в Москве уже шла, и со средним успехом. Жалею, что ничего не могу сказать об опере Каро */Закарян/* "Марджан", из которой мне знакомы лишь отдельные, правда, очень приятные, номера, то же о балете Бархударяна */Саркис, балет "Нарине"/*, мне вовсе неизвестном.

Наконец, последний вопрос — возможна ли организация симфонического концерта. В крайнем случае возможна, если исполнить произведения, москвичам уже известные, т.е. Симфонию */Первую/* А.Хачатуряна и отдельные произведения А.Спендиарова. Стоит ли это делать? Не знаю, вернее — сомневаюсь.

Вот и все касательно Декады.

Со своей стороны обещаю пересмотреть еще раз все тексты и попытаться написать хор. Что касается сочинения оперы, то едва ли внимание Ваше может что-либо изменить. Отобрать тему у Тальяна */Вардкес/* считаю недопустимым. Разве мало других тем? Да и самое трудное, пожалуй, найти на ту или иную тему хороший сюжет. Для этого необходима рука опытного либреттиста. А где его взять? /.../

Вот и все.

Прошу Вас, дорогой Завен, передать мой сердечный привет всем, кто обо мне помнит, Вас же дружески обнимаю и желаю максимальных успехов в Вашей полезной деятельности.

Ваш Хр.Кушнарев

От него же
1939, Ленинград

Дорогой Завен!

По-видимому, судьбе угодно было, чтобы в конце концов Арам */Гер-Оганесян, хормейстер/* попал в Ереван. Я радуюсь тому, что в Армении будет одной культурной силой больше. Вместе с тем, не зная ситуации в филармонии, волнуясь в связи с вопросами, как сложится работа Арама в Армении. Надеюсь, что Вы как руководитель поможете смягчить все острые углы. А это необходимо для дела.

Для меня остается загадкой, почему Татул */Алтунян, хормейстер/* отказался от хора */Хоровая капелла Армении/*. Ведь он пред-

полагал после Декады все внимание сосредоточить именно на хоре. Я был бы рад, если бы Татул написал мне хоть несколько слов, но, думаю, что он этого не сделает, т.к. наряду со слабостью к паровозам имеет слабость не писать писем. Тем не менее, передайте ему мою просьбу. Мы с ним столько пережили вместе из-за хора, что я имею основание ждать его письма. Вручаю Арама Артемьевича /Тер-Оганесян, хормейстер/ Вашему попечению и прошу Вас исполнить точно следующие мои просьбы:

- 1) Кланяйтесь партийному комитету
- 2) Кланяйтесь коллективу хора и передайте ему, что мои искренние симпатии всегда на его стороне
- 3) Кланяйтесь славным сотрудникам филармонии
- 4) Кланяйтесь Татулу /Алтунян/ и Айвазяну /Артемий, композитор/
- 5) Всех вспомнивших обо мне после Декады благодарите от моего имени за телеграммы и неизменно теплое отношение.

Все эти просьбы прошу исполнить обязательно.

Дружески Вас приветствую и обнимаю.

Ваш Хр.Кушнарев

От него же

02.01.42, Ташкент

Дорогие товарищи: Самсон Гаспарович /Гаспарян, зам. начальника Управления по делам искусств Армении/ и Завен!

Тридцатого декабря я получил вашу телеграмму. Судя по обозначенным в ней датам, она шла до меня 17 дней. Сегодня отправил вам телеграфный ответ, получив обещание на почте, что он будет доставлен вам в возможно короткий срок. В эту годину тяжелых испытаний мне было особенно приятно получить приглашение из Армении, к которой стремятся все мои помыслы. С первого же дня войны я каждый день по многу раз возвращался мысленно к Армении и ее судьбе в происходящих сейчас потрясениях, особенно в дни, когда международные отношения были менее ясны, чем сейчас. Мне казалось минутами, что лавина войны может коснуться и Армении, менее, чем четверть века тому назад вышедшей из жестоких испытаний. В такие минуты меня особенно тянуло туда, где я был и в прошлую

войну, т.е. в Армению. Конечно, сейчас я не мог бы принести пользы в строю, но быть в родной стране и разделить участь ее жителей — было моим большим желанием. Именно поэтому каждая весточка, приходившая из Армении, была особенно радостной. И тем более радостно было узнать, что и в Армении обо мне помнят и хотят видеть меня в числе ее работников. Еще и еще раз благодарю вас, дорогие товарищи.

Тем не менее, сейчас я никак не могу оставить консерваторию. И почему? В трудных условиях консерватория выехала из Ленинграда. В эшелоне ехала большая часть профессуры и многие студенты. Здесь весь коллектив общими усилиями преодолевал трудности устройства на новом месте и наладил работу. Сейчас наша консерватория является единственной из консерваторий всесоюзного масштаба, сохранившей основное ядро своих работников. И никто до сего момента ее не покидал. Несомненно, что отъезд в такую минуту кого-либо из представителей старшего поколения (к которому, увы, мне приходится отнести и себя) отозвался бы на ходе работы и вызвал бы отрицательный резонанс у товарищей, как симптом распада. Поэтому, несмотря на все мое желание быть сейчас вместе с вами и включиться в работу в Армении, я этого сделать не могу. Очень прошу вас, дорогие товарищи, понять меня именно так, а не как-нибудь иначе. К сказанному могу прибавить, что наибольшим моим желанием будет после окончания войны приехать к вам!

Здесь мы живем, как на бивуаке. Ловим с жадностью, вероятно, как и вы, каждую весточку, приходящую с фронта или из Ленинграда. Приходящие из Ленинграда письма неуклонно свидетельствуют о каком-то неповторимом мужестве и стойкости, с которыми ленинградцы переносят выпавшие на их долю трудности. Впрочем, это вполне понятно: и пролетариат и интеллигенция Ленинграда и до войны характеризовались тем, что можно назвать стоицизмом.

Я думаю, нет надобности описывать, какое ликование переживаем мы при известиях о победах нашей Армии!

Вот, как будто бы все! Буду очень вам признателен, если напишете мне о жизни в Ереване. Я прошу об этом каждого, кому пишу в Армению.

Ваш Хр. Кушнарев

Нина Ивановна и Карина /супруга и дочь Х.С.Кушнарева/ шлют вам свои приветы. Тигран /Тер-Мартirosян/ все еще ждет, когда разрешится его вопрос в Ереване. Если условия существования в Ташкенте трудны вообще, то тем более они трудны для Тиграна, имеющего всего половину ставки и семью из четырех лиц.

Если представится возможность, прошу переслать мне сборники армянских народных песен, собранных С.Меликяном /Спиридон, композитор, этнограф/ и Комитасом, а также учебник армянского языка, каковой, вероятно, имеется в Армении.

От него же

15.03.42, Ташкент

Многоуважаемый Андраник Христофорович /Шагинян, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Получил Ваше предложение о написании оперы для Армении. Благодарю вас за память. В настоящее время я связан другим договором, а потому переключиться на новую работу не имею возможности. Тем не менее прошу сообщить мне, какие проекты у Вас имеются. В частности, есть ли какие-либо предложения драматургов и на какие темы? Если бы Вы могли поставить меня в известность, я был бы очень Вам признателен.

С товарищеским приветом — Хр.Кушнарев

От него же

16.03.42, Ташкент

Дорогие друзья, Завен и Самсон Гаспарович /Гаспарян, зам.начальника Управления по делам искусств Армении/!

Послезавтра — 18.III — уезжает в Ереван Тигран /Тер-Мартirosян, композитор/. Пользуюсь случаем, чтобы отправить с ним письмо. Ваше теплое товарищеское письмо я получил. Оно доставило мне большую радость. Прочтя его, я почувствовал, что связь моя с Арменией не только не ослабла, но и усилилась. Тяжелые переживания, выпавшие на нашу долю, выдвинули на первый план самые важные задачи, — задачи, которые мы должны разрешать в первую очередь. К числу таких задач для себя я отношу безраздельное служение нашему армянскому искусству, которому и хочу посвятить остаток своей жизни. Таково мое решение, и я тем более счастлив, что моя родина

меня зовет к этому. Накопивши некоторый опыт в своей работе в Ленинграде, я сейчас хочу передать его целиком делу дальнейшего развития нашего искусства.

В предыдущем письме я писал Вам, что в настоящую минуту не могу покинуть Ленинградскую консерваторию. Принципиально я и сейчас держусь этой точки зрения. Однако жизнь вносит некоторые коррективы в наши устремления. К числу таких коррективов относится меняющаяся ситуация внутри самой Ленинградской консерватории. Как я писал уже Испиру /Хараджанян, дирижер/, консерватории, вероятно, придется сильно сжать свою работу, поскольку происходит естественный, в условиях эвакуации, отсев студентов. Часть из них заканчивает образование, часть уходит, не справившись с учебой в трудных условиях, наконец, трудно себе представить, чтобы предстоящий прием смог бы хоть в какой-либо мере компенсировать убыль. Все это вместе взятое может привести к значительному сокращению педагогических часов. Если принять во внимание возможность приезда в Ташкент еще некоторых наших педагогов из Ленинграда и других городов, перепроизводство педагогических сил станет очевидным. При таких условиях мой отъезд из Ташкента не только не возымеет отрицательного действия, но даст возможность поддержать друзей товарищей. Я думаю, что все это выяснится к лету, и если обстоятельства сложатся так, как я допускаю, меня уже ничего связывать не будет. И тогда я смогу не только ответить принципиально на ваше приглашение, но и реально осуществить свой переезд.

Дорогие товарищи! Я не ответил сразу же на ваше письмо, т.к. мне нужно было некоторое время для того, чтобы все снова пере-думать и пережить. Кроме всего того, что я написал вам сегодня (а это самое основное), есть еще факторы, о которых я писать не могу, но которые сыграли главную роль в моем решении. О них я расскажу вам, если моему желанию работать в Армении суждено будет осуществиться.

Теперь мне хотелось бы высказаться еще по поводу одного вопроса. Пусть это высказывание будет свидетельством того, что моя мысль работает в свете тех задач, которые стоят перед каждым сознательным работником фронта армянского искусства.

Совершенно ясно, что после окончания войны последует новый и необходимый подъем в строительстве нашей культуры. В республике,

в которой я сейчас нахожусь, намечаются уже реальные предпосылки для будущего подъема. Сюда переехало много учреждений и предприятий, а вместе с ними и много людей высокой квалификации в самых различных областях техники, знания и искусства. Совершенно ясно, что значительная часть находящихся здесь эвакуированных предприятий и учреждений здесь же и останется. На наших глазах протекает процесс внедрения в жизнь того нового, которое обогащает несколько отсталую технику и культуру Узбекистана. К примеру – Союз композиторов Узбекистана, насчитывавший не более полутора десятка человек, из коих большая часть была представлена мелодистами, сейчас является мощной организацией, в рядах которой имеются люди с известными именами. Многие из них завязывают непосредственные связи с узбекской музыкой. Еще в большей степени процесс внедрения нового наблюдается в области науки и промышленности.

Условия, в которых переживает войну Армения, несколько отличны. В связи с этим я и ставлю вопрос: не было бы целесообразным сейчас предпринять шаги к концентрации в Армении тех армянских, а может быть и неармянских сил, кои смогли бы укрепить наиболее слабые участки нашего музыкального фронта? Мне лично кажется, что это было бы чрезвычайно целесообразно, особенно имея в виду область музыкального образования, область, привлечение в которую нескольких лиц смогло бы поднять на новую ступень воспитание нашей в высшей степени музыкальной молодежи и способствовало бы созданию солидного музыкального центра. Подумайте об этом! Был бы очень рад, если б вы поделились своими соображениями по этому поводу со мной.

В вашем письме вы пишете, что вами пересылаются мне материалы к двум оперным либретто. Я этих материалов не получил. Не потерялись ли они в дороге? Хотя у меня сейчас нет никаких условий для собственной научной или творческой работы, мне было бы крайне интересно с ними познакомиться.

Итак, Тигран /*Тер-Мартirosян*/ послезавтра выезжает, а мои мысли и желания полетят вместе с ним в Армению. Тигран сможет вам рассказать подробно и о нашей ташкентской жизни, и о состоянии консерватории, и об участии многих товарищей, не имевших возможности выехать вместе с консерваторией из Ленинграда.

**Стажировка молодых деятелей искусств Армении в Москве -
одна из важнейших инициатив Завена Вартаняна**

Здание Дома культуры
Советской Армении в Москве.
Фото 1940-х годов

Надежный помощник
и друг - директор
Музыкального
фонда СССР
Левон Атовмян

Москва, ДКСА, 1948 год. Сидят: Сурен Сарухян, Анна Барсамян,
Завен Вартанян, Цицилия Брутян, Александр Гаямов; стоят: Адам Худоян,
Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян.

Дорогой наш Завен Гевондович!
Дела наши идут неплохо. У Литинского заканчиваем 1-е
части полифонических сонат для фортепиано. Арам
Ильич много интересуется нашей работой, но пока к
занятиям не приступили. Это, по-видимому, по
договоренности с Литинским, который нажимает вовсю.
Бываем на многих концертах, но в Большой театр не
попали. У нас около недели нет света.

Ваши Эдик и Адик, Котик и Арно.

P.S. Հալիկի Հիփոնիքի, Կիկի ինչ լավ էլիքի, քը ցալը
լիակիկ: Բնական իրարայնիքով
Արամ Միգիկի-Խոնիքի

Из письма молодых композиторов З.Г.Вартаняну
(Москва-Ереван, 23.05.1946)

Сподвижник -
пианист и музыковед
Григорий Домбаев

С молодыми композиторами несколько
раз встречался, но времени заведе-
ли не от меня. Занимались их обстановка,
хорошо, они работают, как вери.
Благодарю успехи и желаю, что это
время прошло для них с большой
пользой.

Арам Хачатурян - З.Г.Вартаняну (письмо, Москва-Ереван, 12.06.1946)

Стажеры студии при ДКСА с Арамом Хачатуряном.
Эдвард Мирзоян, Александр Арутюнян, А.И.Хачатурян,
Арно Бабаджанян, Адам Худоян. 1946 год

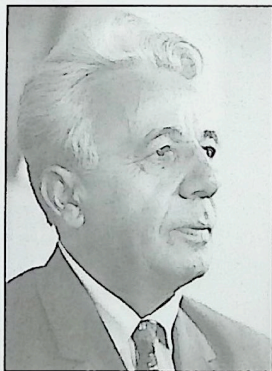
Студенты студии ДКСА с З.Г. Вартьяном и режиссером Рубеном Симоновым, 1948 год.

1-й ряд: Юрий Еринкин (кинореж.), Адам Худоян (комп.), Рая Агамалян (балет), Арио Бабаджян (комп.), Никогосян (скульптор), Эдвард Мирзоян (комп.), Ларет Вагаршян (кинореж.); **2-й ряд:** Арегназ Колопотян (ф-п.), <2>, А.Я. Гаямов (худрук.студия), Екатерина Сигателян-Вагаршян (арфа), Ареник Авадзбекян (ф-п.), З.Г. Вартьян, Р.Н. Симонов, Анна Амбакумян (ф-п.), С.С. Сарухян (директор ДКСА), <10>, Тереза Оганесян-Бабаджян (ф-п.); **3-й ряд:** Цицилия Брутян (теор. муз.), Анна Барсамян (ист. муз.), Александр Арутюнян (комп.), Анита Токмалжян (балет), Ованес Зардарян (художник), Лида Саркисян-Еринкина (балет), Седя Аюджжян (балет), Рубен Бедросов (художник), <9, 10>, Анаит Мачиян-Гулакян (драм. арт.), <12, 13, 14, 15>; **4-й ряд:** Гукасе Чубарян (скульптор), <2, 3>, Сергей Галегян (певец), Норайр Хачатрян (балет), <6>.

Дружный авторский коллектив оперы "Арцваберд"

Композитор
Андрей Бабаев

Либреттисты:
Завен Вартанян и Гурген Борян

"Опера "Арцваберд" является огромным достижением нашей музыкальной культуры"
(из приветствия Союза композиторов Армении)

После премьер в Ереване, Донецке и Казани
состоялась постановка оперы "Арцваберд" в Свердловске
(на фото в центре - Завен Вартанян)

Песни Ашота Сатяна

3. ВАРТАНЯН

Трудящиеся Армении хорошо знают творчество композитора Ашота С... Многие его песни завоева... популярность... расцвету у...

Трудящиеся Армении хорошо знают творчество композитора Ашота Мнацаканяна. Многие его песни завоевали популярность. Со временем к дальнейшему расцвету узбекской музыки.

З. ВАРТАНЯН

3. ВАРТАНЯН

Бюро ЦК КП(б) Узбекистана вынес-
ло постановление «О состоянии
дела Узбекской ССР»

ры и балеты, симфонии
низованы театр опер-
мония, симфоничес-
реконструированы

Оперный сценарий

Трибуна

3 ВАРТАНЯМ

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ
ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ТЕАТРУ

РАЗВИВАТЬ СВОЙ СТИЛЬ

ЩЕЩЬ О ЗЕМЛЕ

СВОИ СТИЛЬ ПЕСНЬ О ЗЕМЛЕ
З. ВАРТАНЯН
стности о А. Тепа
е дебаты. тив
мя гово-
рхресте

СОВЕТСКАЯ МУЗЫ

В гуще событий

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР им. Г. СУНДУКЯНА

10 февраля новый спектакль

А. АРАКСМАНЯН, З. БАРТАНЯН

М И К А Э Л И А Л Б А Н Д Я Н

Историко-революционная драма в 4-х дейст. (11 карт.).

В гл. ролях: — лауреаты Сталинской премии, народные артисты: — О. Авакян, А. Аветисян, Г. Габриелян, Д. Матян, Г. Нерсисян; народные артисты: — Р. Варганян, А. Мясян, О. Бунятыян, Г. Диканбекян; заслуженные артисты, лауреат Сталинской премии Г. Хакакян, Г. Ашутян, Г. Африкян, Г. Арутюнян, М. Костанян, В. Маргуни; лауреаты Сталинской премии: — М. Симонян, Ф. Довлатян; артисты: — С. Алавердян, Г. Алавердян, В. Егратунян, Л. Мсриян, Аш. Нерсисян.

Режиссер — лауреат Сталинской премии, народный артист В. Н. Адремьян, Художник — заслуженный деятель искусств М. А. Арутюни.

К постановке в Ереване. 1952 год

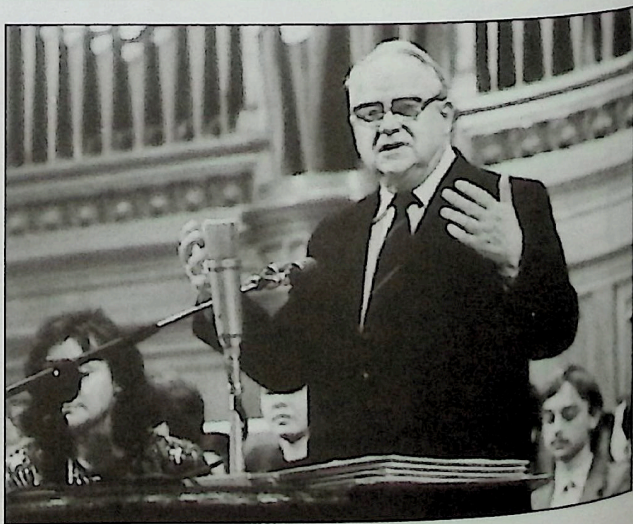

Екатерина Алексеевна Фурцева (в 1960-1974гг. министр культуры СССР), пианист Эмиль Гилельс и Завен Вартанян.
Москва, 1962 год.

Министр культуры СССР Е.А.Фурцева как человек талантливый, блестящий организатор, сразу поняла, что за личность З.Г.Вартанян, каков масштаб его деятельности и как ясно он представляет пути развития советского музыкального искусства. Фурцева практически всегда поддерживала Вартаняна.

Станислав Лушин. Воспоминания

Инициативы
З.Г.Вартаняна,
как правило,
всегда горячо
приветствовал
председатель Союза
композиторов СССР
Тихон Николаевич
Хренников

Член коллегии Министерства культуры СССР Завен Варганин (2-й слева)
на совещании у министра культуры СССР Е.А.Фурцевой. Москва, 1962 год.

Отстаивается идея проведения в Москве международного конкурса имени Чайковского

Для того, чтобы понять грандиозность этого начинания, надо ощутить себя внутри подготовительного процесса и осуществления этого, не имеющего себе равных в музыкальной практике, творческого соревнования.

Фундамент популярности и уважения к этому конкурсу, его международному авторитету был заложен лично З.Г.Вартаняном. Труд подготовки конкурса можно уподобить подводной части айсберга, и деятельность Вартаняна заслуживает самой высокой оценки.

Станислав Лушин

УЧАСТНИКИ КОНКУРСА

ХОСЕ ЭДУАРДО АЛЬВАРАДО АПРИРЕ Эквадор I
МЕЛИТА ЭДИТ ВАИ Венгерская Народная Республика I
КЛАРА ВЕЛЛА Венгерская Народная Республика I
ЭМИЛИО ПЕРЕС КАСАС БЕЛЬТРАН Мексика I
АЛЕШ ВИЛЕК Чехословацкая Республика I
ДМИТРИЙ БЛАТОЙ СССР II
РОЖЕ БУТРИ Франция II
СЕРЖИО СОАРЕС ДЕ ВАРЕЛЛА СИД Португалия II
ЛЕВ ВЛАСЕНКО СССР II, III
НЕГУДА ВОЛЬФ Израиль I
ЕЖИ ГАЛЕК Польская Народная Республика I
КУНАН ГУТМАН СССР II
ДАНУТА ДВОРАКОВСКА-ЮГУЛЬСКА Польская Народная Республика I
СИЛЬВЕН ДЕКРЭ Франция I
ЛИЗ ДЕШАН Канада I
АНТОНИ ДЕНЦИСЛАВОВ ДИКОВ Народная Республика Болгария II
НАДЯ ЖЕЛДАНОВА Франция II, III
КРИСТИЯ ЗАЛУ Румынская Народная Республика I
АЛЕКСАНДР ИХАРЕВ СССР II
ВАН КЛИБЕРН США II, III
ФЕДОРА КОН Румынская Народная Республика I
БЛАНДИН КРОСТИ Франция I
ЭВЕРЛИН КРОШЕ Франция II
ЖЕРМ ЛОВЕНТАЛЬ США I
ИНИА МАЛЛИНИНА СССР II
ВИРТУ ЛУИС МАРАНО Аргентина I
ТРУДИН МАРТИН США I
ЕЖИ МАРХВИНСКИ Польская Народная Республика I
АНИН МАРШАН Франция I
ФЕОДОСИИ МАЦУРА Япония II, III, IV
ЭДУАРД МИАНСАРОВ СССР II, III
МИЛЕНА МОЛЛОВА Народная Республика Болгария II, III

41

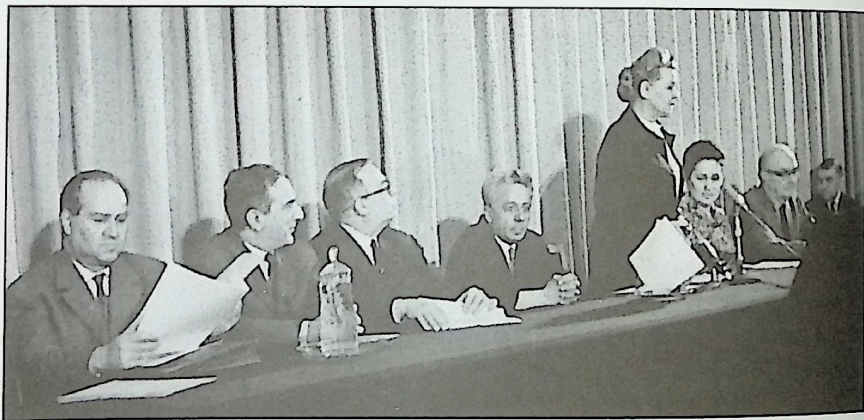
Буклет Первого международного конкурса имени Чайковского с рабочими пометками З.Г.Вартаняна

Подлинным открытием конкурса стал американский пианист Ван Клиберн (на фото - справа)

С членами жюри
конкурса скрипачей.
Леонид Коган,
Давид Ойстрах,
Дмитрий Цыганов,
Завен Вартанян.

З.Г.Вартанян (в центре) на торжественном закрытии
Первого международного конкурса имени Чайковского.
Премии вручает Тихон Николаевич Хренников (1-й слева)

Заседание в преддверии Третьего международного конкурса им. Чайковского. Давид Ойстрах, Яков Флиер, Лев Оборин, З.Г.Вартанян, Е.А.Фурцева, Ирина Архипова, Александр Свешников, Дмитрий Цыганов. 1966 год

Засл. деят. иск. РФ и Узбекистана
Станислав Александрович Лушин –
сотрудник Министерства
культуры СССР,
генеральный директор ГАБТ СССР
и Кремлевского Дворца Съездов.
("Вместе с Завеном Гевондовичем и
без него я провел шесть
конкурсов им. Чайковского")

Мы можем уверенно сказать, что конкурс имени Чайковского утвердился в мировой музыкальной практике как крупнейшее художественное явление. Предстоящий третий конкурс 1966 года вновь примет пианистов, скрипачей и виолончелистов, а также - впервые - вокалистов. Все настойчивее стучится в дверь оргкомитета камерная инструментальная музыка и, в частности, квартетная. Не менее желанными гостями столицы могли бы стать в ближайшие годы молодые дирижеры, композиторы, музыковеды. А балетная молодежь - она с таким же правом претендует на участие в конкурсе имени великого композитора - создателя неповторимых шедевров балетной музыки.

Завен Вартанян

ZAVEN VARTANIAN
General Administrator
of the Russian Festival

США, 1959 год

«Чикаго американец»: «Русский фестиваль музыки и танца является самым баснословно быстрым, самым волнующим и самым разнообразным спектаклем, который когда-либо ставился в Опера-хауз или в каком-либо другом театре Чикаго. Более двухсот талантливых исполнителей, отображенных из десятка ведущих ансамблей, показывают лучшие номера из своего репертуара. Это сливки из сливок. Триумф из самого триумфального парада».

S. HURON presents
In cooperation with THE SOVIET EXHIBITION

RUSSIAN FESTIVAL OF MUSIC AND DANCE

Directed by BORIS PUKHACHY
Principal Producer, Bolshoi Theatre, Moscow

with
THE PIATNITSKY RUSSIAN FOLK CHOIR

Artistic Directors: PYOTA KAZMIN and MARIAN ROVAL
Choreographer: TATIANA LESTUNOVA
Conductor: GEORGIY PANTUKOV
Conductor of Russian Folk Orchestra: NIKOLAI NIKRAKOV

Dancers from
THE KIEV STATE BALLET

Dancers from
THE GEORGIAN STATE DANCE COMPANY

Artistic Director: NINA RAMISVILI and ILIYU SAKHIVILI

Dancers from
THE ARMENIAN STATE DANCE COMPANY

Artistic Director: T. ALTUNIAN Producer: KADROS RAHMANIAN

Dancers from
THE KAZAKHSTAN STATE DANCE COMPANY

Artistic Director: L. KERNYSHOVA

GALYA ISMAILOVA, Prima Ballerina
UZBEKISTAN STATE BALLET

Ballets from
THE MOISEYEV DANCE COMPANY

Artistic Director: IGOR MOISEYEV

Ballets from
THE BOLSHOI THEATRE, Moscow

NINA TIMOFEEVA and YURI ZHDANOV
LUDMILA BAKHAREVA and FEFANILAN VILANOV
CHANGI YAUZON
YELENI KIRKALOV, Dancers

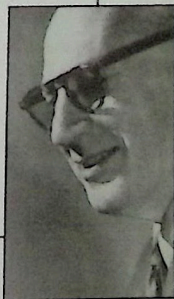
Ballets from
THE LENINGRAD BALLET

TATIANA BUKHAROVA and VALERY PANOV

Ballets from
THE KIEV STATE OPERA

ANATOLY KINOT, Bar

Conductor: GENNADIY KUZNETSOV
from the Bolshoi Theatre
Guest Conductor: ARTHUR LUD

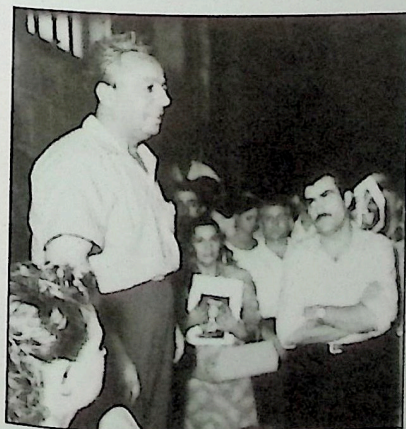

Импрессарио
С. Юрок (США)

Руководитель группы советских артистов З. Вартanian в беседе с вашим корреспондентом сказал:

— Весь коллектив был очень взволнован и чувствовал большую ответственность. И теперь все мы рады и счастливы сообщить советским людям, что почетная задача — достойно представить в дни советской выставки в Нью-Йорке музыкальное и хореографическое искусство нашей Родины — увенчалась успехом.

М. ШАЛАШНИКОВ,
спец. корр. «Советской культуры»,
НЬЮ-ЙОРК, 8 июля. (По телефону)

Встреча с армянами Америки

Творческое сотрудничество с Дмитрием Шостаковичем и Арамом Хачатуряном
- драгоценная страница биографии Завена Варганяна

Шостакович — это кризис —
как в истории музыки.
Как трудно учиться у Шоста-
ковича величайшей творческой
персони. Он сверхчеловеческий
талант и дерзкий художник.
Слушал музыку Шостаковича
хотелся писать, писать и писать!
Он забыл, он сомневался и уни-
жался!

Завен, я хочу тебе вернуть
мне, что я, а со мной все
те, кто озяб и искроуется.
Сделаю нашу музыку рожа-
нием человеческого.

Арам Хачатурян - З.Г.Варганяну
(из письма, 06.10.1945)

Арам Хачатурян
(из фотоархива З.Г.Варганяна)

С Дмитрием Шостаковичем
(снимок сделан 15 декабря 1970 года)

Москва. Пятый всесоюзный съезд композиторов, 1974 год. 1-й и 2-й ряды: Анна Барсегян, Шушаник Апоян, Матенос Мурадян, Гегуни Читчян, Гаине Чеботарян, Арам Хачатурян, Геворк Арменян, Изабелла Еолян, Ким Погосян, Маргарита Тер-Симонян, Завен Варганиян, Георгий Тигранов. 3-й ряд: Геворк Геодакян, Александр Арутюнян, Эдгар Оганесян, Арам Сагунц, Эмин Аристанкесян. 4-й ряд: Роберт Амирханян, Хачатур Аветисян, Роберт Агаян, Эдуард Абрамян (на возвышении), Мелик Мависакяни, Степан Шакарян.

На дальнем плане: Эдуард Мирзоян, Юрий Казарян, Вагаршак Котоян, Эдуард Багдасарян, Григор Ахичян.

З.Г.Вартанян с супругой – пианисткой и музыковедом Ираидой Константиновной Москалевой, ее матерью, Марией Дмитриевной и сыном Рубеном. 1937 год

Сын - Рубен Завенович Вартанян (1936-2008) -
дирижер ГАБТ СССР, художественный
руководитель и главный дирижер
Филармонического оркестра Армении,
Национального симфонического оркестра Боливии,
Симфонического оркестра Арлингтона (США),
Камерного оркестра Уильямсбурга
(штат Вирджиния).

Дочь - Карине Завеновна Вартанян (род. 1941г.) -
кандидат медицинских наук, доцент.
Педагогическая деятельность в Московском
институте усовершенствования врачей.
Консультант-невропатолог больницы
им.С.П.Боткина (Москва).

Выступление Рубена Вартаняна в Большом зале Московской консерватории

...Скажу правду: завидую не только тебе, но и всем тем, кто имеет возможность писать, писать и писать.

...Вот оставлю общественную работу, поеду в деревню, обязательно на берегу реки, буду получать небольшую пенсию, стану заведующим избой-читальней или директором школы и в свободное время буду читать, писать и ходить на рыбалку (река мне нужна для этого).

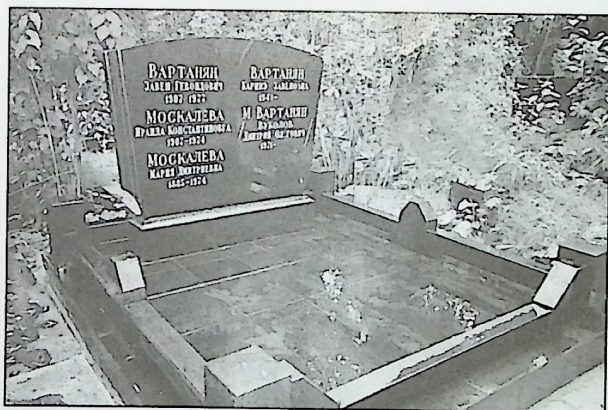
Вот будет идиллия!

Завен Вартанян

Из письма Самсону Гаспаряну
Москва - Ереван, 26.12.1952

Рыболов на даче в Серебряном бору

На Кунцевском кладбище
в Москве

Завен Гевондович Вартанян был деятелем искусства в самом широком смысле этого слова. Гражданственность была органическим свойством его натуры. Он не знал, что такое отдых. Не представлял себе жизни без работы. Он обладал еще одним талантом – талантом организатора и руководителя.

журнал "Советская музыка", 1977, №9

*...Я всем своим существом
связан с Арменией,
ее народом,
ее культурой.
Уверен, что никто
не сможет отнять
у меня это.*

Завен Вартанян

Вас обоих, дорогие Самсон и Завен, я горячо обнимаю и целую и бесконечно благодарю за то, что вы так правильно поняли соображения и чувства, изложенные мною в предыдущем письме.

Нина Ивановна и Карина /супруга и дочь Х.С.Кушнарева/ вполне разделяют мою точку зрения об Армении. Карина сейчас на 3-м курсе, специализируется в области археологии и предполагает посвятить себя изучению археологии Армении.

Привет всем товарищам. Еще раз вас обнимаю.

Ваш Хр.Кушнарев

От него же

05.04.43, Ташкент

Дорогой Завен!

Как будто становится похоже на то, что мы с Вами увидимся в недалеком будущем в Ереване! Телеграмма Ваша с двумя адресами была получена 15-го марта. В течение десяти дней мне не удавалось повидаться по разным причинам с Серебряковым /Павел, ректор ЛГК/. Наконец встреча состоялась. Первоначально он занял совершенно непримиримую позицию и лишь после многих моих доводов стал уступать. Договорились мы на том, что я еду в Армению в командировку, которая начнется ранее окончания учебного года, т.е. примерно в середине мая. К этому времени я должен буду закруглить свою работу в консерватории. Относительно предельного срока командировки договоренность имеется с Островским /Арон, проректор ЛГК/. Предполагается, что я должен буду вернуться к концу 1943г. Эта договоренность имеет условный характер. Будущее покажет, как нужно будет поступить. В двух пунктах я должен был согласиться с дирекцией:

- 1) помочь коллективу консерватории в момент эвакуации и восстановления нормальной жизни в консерватории
- 2) эпизодически проводить в ней работу педагога или консультанта в дальнейшем.

Думаю, что Армения в этом не будет чинить препятствий, тем более, что в настоящее время трудно предусмотреть, в какие формы и на какой период времени может вылиться совместительская работа

в Ереване и Ленинграде. 1-го апреля Серебряков послал Вам телеграмму. В ней было обещано прислать "подробности письмом". Думаю, что при занятости Серебрякова письмо это будет написано не очень скоро. Поэтому дополнительные переговоры я вел с Островским, после чего и послал Вам свою телеграмму с указанием на возможность выезда в первой половине мая. Это время года является наиболее удобным для путешествия с семьей из Ташкента в Ереван по самым различным причинам. К тому времени и я успею закончить свою работу в консерватории. Само путешествие кажется мне весьма сложным по причине двух, а может быть и трех пересадок, связанных с необходимостью передвижения с вещами по чужим городам. В этом отношении весьма и весьма рассчитываю на помощь, которую, судя по письмам Тиграна */Тер-Мартirosян, композитор/*, должен оказать нам Гаямов */Александр, театровед/*. Было бы очень хорошо, если бы можно было избежать проезд через Тбилиси и проехать из Баку на Ереван через Нахичеван. Впрочем, я не имею понятия и о том, в каком состоянии находится пассажирское движение на этой ветке, а потому всецело полагаюсь на Вашу предусмотрительность. О предстоящей работе в Армении, о ее характере ничего не спрашиваю. Думаю, что об этом легко можно будет договориться на месте.

Вчера, 4-го, помимо телеграммы, касающейся возможного срока моего приезда, я послал и вторую, в которой высказывал пожелание о вызове в Армению также и Адамяна */Аршак, философ, эстетик/*. Сегодня получил от Тиграна */Тер-Мартirosян/* письмо, из которого узнал, что с вызовом Адамяна связаны некоторые затруднения. К сожалению, Тигран ограничивается одной лишь общей фразой и не дает возможности вникнуть в суть дела: каков характер затруднений? При всем этом не сожалею о том, что послал Вам телеграмму, а если она возымеет действие, буду весьма удовлетворен. Дело в том, что Адамян за последние годы вырос в крупного специалиста в своей области и смог бы быть полезным в Армении не только в узком кругу музыкантов, но в значительно более широком. Им проделана огромная исследовательская работа и заново разрешены многие задачи большой принципиальной важности. Думаю также, что пребывание его в Армении было бы полезно и для него самого. Оно дало бы ему возможность в родной стране соприкоснуться с живой творческой практикой современности и углубиться в изучение

эстетических воззрений нашего прошлого. Есть еще соображения, подсказавшие мне необходимость отправления телеграммы, но о них мне не хотелось бы писать Вам теперь. Буду ждать ответа на свою телеграмму, не теряя надежды на благоприятный исход дела.

После полуторагодичного желания попасть в Армению и окунуться с головой в родную стихию, мне даже не верится, что мечта эта может быть осуществлена. Ну, проживем – увидим! Конечно, первое, что мне захочется после приезда – это послушать хороший дудук. С моим переездом в Армению "сам-четыре" связано много вопросов организационно-практического характера. Полагаю, что на них нет смысла останавливаться, т.к. они Вам понятны не менее, чем мне.

Не терпится уже! Хочется вперед заглянуть в ту обстановку, в которой придется действовать. Хочется узнать, как расставлены силы, какова атмосфера, достаточно ли дружная. После той спаянности коллектива, в которой я чувствовал себя исключительно хорошо (говорю о ленинградском Союзе композиторов), мне менять привычки на старости лет было бы очень трудно. Будем надеяться, что не придется.

В эти трудные дни, дорогой Завен, в Вас, в Самсоне /Гаспарян, зам.начальника Управления по делам искусств Армении/ и многих других товарищах я нашел большую моральную поддержку, за что всех горячо благодарю. Вас же дружески обнимаю.

Ваш Хр.Кушнарев

Думаю, что в ближайшие дни моя телеграмма дойдет до Вас, после чего не замедлит появиться Ваш ответ, которого буду ждать с нетерпением. Заранее предвкушаю удовольствие беседы с Вами по многим вопросам.

Хр.К.

От него же

05.04.46, Ленинград

Дорогой Завен Гевондович!

Пишу Вам из Ленинграда, хотя и надеюсь вскоре встретиться с Вами в Ереване. Однако вопрос, который меня сейчас волнует, не терпит отлагательства. Речь идет об одном рационализаторском предложении и о судьбе одного человека, совсем так, как иногда бывает описано в "Маленьких фельетонах" наших газет.

Рационализаторское предложение — это то самое злосчастное предложение, которое я некогда имел “бестактность” выдвинуть в Ереване, которое касается приемов игры на скрипке и которое, как, вероятно, известно и Вам, потерпело крах и сделалось в некоторых авторитетных устах поводом для насмешек (Кушнарев чудит!)

Ереванское фиаско, однако, не обескуражило автора рационализаторского предложения, и он упорно продолжает думать в том же направлении и все больше и больше убеждается в правильности своих установок. Должен сказать, мой приезд в Ленинград и встречи с Эйдлиным */Юлий, скрипач, профессор ЛГК/*, наблюдение за его игрой укрепили меня окончательно в первоначальных своих предположениях. Ереванское фиаско, впрочем, не носило скандального характера. Мои противники, не принявшие предлагаемых установок, исходили из априорных соображений: “Шевчик никогда ничего подобного не говорил!” Однажды в десятилетке им.Чайковского я сделал сообщение о своей методе. Никаких веских высказываний против метода не было; наоборот, многие поддерживали. Директор консерватории на докладе не присутствовал, на консерваторской кафедре вопрос не обсуждался. Но затем началась “партизанщина” из-за угла. На нее я не обращал внимания, поскольку она, так сказать, проскакивала мимо, хотя кое в чем и вредила.

Самое серьезное случилось в момент консерваторских реформ. Сейчас дело доходит до упомянутой выше персоны. Как Вы помните, в момент реформы наряду с четырьмя пианистами был уволен также и Д.Н.Лекгер */Дмитрий, скрипач, профессор ЕГК/*. Это увольнение рикошетом било и меня. В самом деле, дирекции хорошо было известно, что именно в данный период времени Д.Н. */Лекгер/* энергично пересматривал свои методические и художественные позиции. В его перестройке, как всем было известно, активно принимал участие и я. Удар по Лекгеру я не мог не рассматривать как желание одновременно выплеснуть и те идеи, беспокойные идеи, которые мною через него проводились в жизнь. Никто не захотел подумать о том, что идеи новы, что методика еще не доработана и может быть доработана только на практике. Лекгер, столько сделавший для поднятия скрипичного дела в Армении, конечно, был весьма удручен. Я же смотрел на все случившееся как на превратность судьбы, появление которой от времени до времени обязательно в жизни почти каждого человека.

Мне удалось его успокоить, и мы с ним вместе перекочевали из консерватории в десятилетку им. Чайковского, под крылышко М. Мазманяна /*Мартын, директор муз. десятилетки им. Чайковского*/. Здесь первое время также подымались бури в стакане воды. Так, однажды, директор консерватории после несколько утрированных движений одной малюсенькой девочки, ученицы Лекгера, с возмущением вскочил, выбежал из класса с возгласом: "А Вы, Д.Н./*Лекгер*/, завтра явитесь ко мне в таком-то часу в кабинет". Был также случай, когда представитель Управления по делам искусств по жалобе дирекции консерватории требовал от М. Мазманяна прекратить "экспериментирование" над детьми. Конечно, все это нервировало, но, честно говоря, очень и очень мало. Вы спросите, дорогой Завен Гевондович, почему я молчал. Отвечу.

Во-первых, я был автором системы. Если бы система исходила от кого-нибудь другого, я бы постарался вникнуть и, в случае согласия с ней, оказал бы поддержку. Так было с Назаровым /*Иван Тимофеевич, автор трудов по методике скрипичного исполнительства*/. С момента, когда я убедился в правильности его основных установок, я взялся за редактирование и исправление его работы, которая по постановлению методкомиссии Гууза будет издаваться в Москве. (Кстати, дела "колдуна" Назарова значительно стали улучшаться после его отбытия из Еревана). В Ленинградской консерватории он зачислен в штат и работает с педагогами. По постановлению той же методкомиссии Гууза ему предложено сделать ряд сообщений в Московской консерватории. Конечно, все это не ради Назарова, а ради поднятия дела музыкального воспитания. Не будь нашей косности, мы могли бы извлечь из него значительную пользу. Во-вторых, все, что делалось противниками моих идей, не носило серьезного характера (я был бы счастлив выслушать деловую критику) и фатально приобретало форму выпадов и выстрелов в спину из не совсем обыкновенного ружья. На подобные вещи недостойно реагировать. Наконец, в-третьих, я был уверен, что время сделает свое, и дети, над которыми производились "эксперименты", заиграют лучше, чем если бы они занимались по традиционной системе. Мои ожидания меня не обманули. Пробным камнем был прошлогодний концерт Зои Петросян, которую мы рассматривали как проверку "эксперимента". Конечно, к концерту 16-летней девочки, беспрецедентному, кстати, в Ереване,

нельзя было отнестись с полной мерой требований, конечно, Габриелян /*Авет, скрипач, профессор МГК*/ играет лучше, но, тем не менее, мне концерт внушил настроения оптимистические, т.к. я убедился, что система откроет ей возможность непрерывного роста, и что она не стукнется головой в потолок наподобие многим другим (увы!!) Какие были сделаны выводы в кулуарах: "Зоя Петросян талантливая девочка и ей скорей надо переходить к другому педагогу или уехать в Москву".

Но за Зоей идет уже вереница других детей, у которых также обнаружили таланты, доселе скрытые. Их всего уже шесть человек, шесть будущих армян-скрипачей, на которых радуется мое сердце. Вообще о таланте говорят тогда, когда он вскрыт, если же он задущен, о нем забывают. Можно предсказать, что о некоторых наших замечательных детях скоро будут говорить, что они вовсе никакими данными не обладали и не оправдали возлагаемых на них надежд. Я бы назвал много имен, но это очень тяжело. Больше всего душа моя болит за В.Саркисяна /*Вилли, пианист*/, боюсь, что он уже не выбьется, а ведь он во много раз одареннее своей сестры Зузз /*Саркисян, скрипачка*/.

Бедный Лекгер многократно впадал в уныние и готов был решиться на отъезд, но я его постоянно поддерживал, и он всегда уходил от меня в радужном настроении, переключив все свое внимание на бурные успехи учеников.

Вчера я получил от него письмо, в котором он сообщает о новых успехах своих питомцев и вместе с тем... просит моей рекомендации для выезда в другой город, для работы в консерватории. В рекомендации я ему отказать не могу. С другой стороны, рекомендуя его в другое место, я должен, так сказать, разрушить одним росчерком пера все то, что строилось 2,5 года, и то, что далеко еще не достроено. Лекгера я вполне понимаю. Кому приятна перспектива доведения учеников до известного совершенства с тем, чтобы передать их педагогу не более, а может и менее квалифицированному, педагогу, который стоит на позициях традиционной школы и начнет выбивать из учеников все то, что заботливо культивировалось и лелеялось. (Я считаю, что в Ереванской консерватории нет педагога, который во всех отношениях был бы сильнее Лекгера. У каждого из них есть и свои уязвимые места).

В данный же момент обстоятельства для Лекгера складываются особенно обидно. Предстоит повышение ставок, от которого ему ничего не достанется. Должен Вам сказать, что в своем письме Лекгер остается мужчиной до конца и мотивирует свое желание единственно состоянием здоровья своей жены и необходимостью для нее перемены климата. Но мне кажется, что всякому на его месте понадобилось бы переменить климат. (Я покажу Вам его письмо). Какие выводы и в чем заключается мое пожелание? Принять во внимание, что Лекгер неустанно совершенствуется в методике, что с его отъездом разрушится тот маленький очаг новой скрипичной культуры, который мы с ним с таким упорством налаживали, и поставить его на то место, которое он должен занимать, т.е. восстановить его в консерватории. Я обещаю помогать ему ежечасно. Не боюсь показаться самонадеянным, обещая свою помощь. Правда, в Ереване, где исполнительскую область я воспринимал для себя как некую "запретную зону", я не решился бы и заикнуться о своей помощи, но я пишу Вам из Ленинграда. Здесь участие в работе этой области мне не запрещено и даже усиленно поощряется, словом, в вопросах исполнительства здесь я не чувствую себя непрошеным гостем, вторгающимся с сомнительными подарками.

Знаю, какую трудную задачу я перед Вами поставил, но я не хочу обращаться ни к кому другому. Молчать же я не могу. Seriously, я ведь не Назаров, которому все равно, где проповедовать свое учение, в Минске, Москве или Ленинграде.

Я не о себе забочусь. У меня, как Вы знаете, и без скрипичных дел много хлопот в жизни, особенно сейчас, когда голова моя занята новой и увлекательной проблемой. Одна забота — наши черноглазые детишки. Я хочу, чтобы они играли лучше своих предшественников, и могу этому способствовать. А раз так, то и должен добиваться своего права помочь делу. Утопии никакой, будьте уверены!

Это письмо можно показать, кому найдете нужным. Не показывайте только К.С.Сараджеву /Константин, ректор ЕГКУ/, он ничего не поймет, свалит на "личную заинтересованность". Прошу прощения за большой листаж. Короче было бы труднее высказаться.

Дружески Вас обнимаю, до скорого свидания.

Любящий Вас

Хр.Кушнарев

От него же
14.03.47, Ленинград

Дорогой Завен Гевондович!

Пишу Вам по двум делам, разрешение которых требует Вашего участия.

Первое дело касается наследия И.Р.Налбандяна */Иоаннес, скрипач, профессор ЛГК/*. После него остался архив, содержащий ряд интересных писем, фотографий, рецензий, воспоминаний и т.д.

Имеются произведения изобразительного искусства: скульптуры, портреты. Среди скульптур, изображающих самого И.Р.Налбандяна, имеются бюсты работы Манизера и Давтяна и маленькая бронзовая статуэтка работы Гинзбурга. Все эти ценности жена И.Р.Налбандяна передает Сектору истории и теории музыки АН Армении. Их я намерен переслать в Ереван. Думаю, что кое-что из вещей, имеющих художественную ценность, может пригодиться нашему музею. Анна Степановна */супруга И.Р.Налбандяна/* предоставляет мне право распорядиться вещами по моему усмотрению и передать музею то, что я найду нужным.

Помимо скульптур имеются и портреты красками. После доставки вещей в Ереван вопрос о передаче некоторых вещей мы решим совместно. Есть и другая сторона вопроса, касающаяся инструментов. А.С. */супруга И.Р.Налбандяна/* их пожертвовать не может, т.к. сама живет на средства от продажи вещей. По моему разумению (и ее горячему желанию) инструменты должны попасть никуда иначе, как в Армению.

Всего у нас три скрипки, из коих одна является уникальной как по звуковым свойствам, так и по сохранности, другая — просто перворазрядной, третья же, хотя и обладает хорошими качествами, но является продуктом работы мастера мало известного. Многие добиваются возможности купить эти инструменты, в частности, к ней неоднократно обращались из Грузии с намерением приобрести лучший из инструментов для подрастающей скрипачки Яшвили */Маринэ/*. Но она всем отказывает, не теряя надежды исполнить желание И.Р.Налбандяна и продать их в Армении. Из разговора с ней я узнал, что у нее есть соглашение с Аветом Габриеляном */скрипач,*

профессор МГК, которому якобы обещана нашим правительством материальная помощь, в случае, если сделка состоится.

Скрипки пока не оценены, но думаю, что покупка всех трех инструментов обойдется примерно тысяч $110 = 60 + 40 + 10$. Возможно, что и меньше.

Сейчас слово за Вами. Как быть? Нельзя ли поставить этот вопрос перед соответствующими инстанциями и разрешить его раз и навсегда. По существу, указанная мною цена является небольшой, принимая во внимание, что за такую сумму едва можно приобрести какую-нибудь спальню красного дерева, на которой, как известно, ничего сыграть нельзя.

Второй вопрос касается также музыкального инструмента, но иного рода. Сейчас здесь можно получить безвозмездно небольшой, но очень хороший орган. Я его смотрел. Для филармонии он маловат, но для консерватории более чем достаточен и по величине (силе) и по другим качествам.

Не найдете ли Вы нужным воспользоваться этим замечательным случаем и взять его? Его приобретение даст хороший толчок для создания органных произведений на армянской почве. Тембры органа, его тянущийся, как в дудуке, звук могут быть отлично использованы в этих целях. Конечно, разборка, пересылка и установка кое во что обойдутся, но сам инструмент ничего стоить не будет.

Работы у меня безумно много. Веду два семинара, один из которых по теории нашей музыки. Слушают с большим интересом. В ближайшее время состоится защита диссертации Островского /Арон, проректор ЛГК/, на которой мне придется выступать официальным оппонентом вместе с нашим соотечественником, профессором-психологом Ананьевым. Это молодой специалист (39 лет), обладающий большим талантом.

Конференция по скрипичным делам состоится 4-го апреля. Местная десятилетка намечает устройство двух концертов: один силами ереванцев, другой — ленинградцев. Обещают оказать максимум внимания нашим детишкам. Регулярное питание обеспечено.

Дружески Вас обнимаю и жду от Вас известий.

Ваш Хр. Кушнарев

Было бы хорошо получить от Вас предварительные ответы по телеграфу на оба вопроса.

Даниелян
Айкануш Багдасаровна
певица, Нар. арт. СССР
23.12.45, Москва

Здравствуйте, Завен Гевондович!

Повторные телеграммы Ваши, с одними и теми же запросами, сказали мне, что ответы мои или не дошли до Вас, или запоздали. Лица Вами названные выпали из конкурса */Всесоюзного/* или по своей вине, или просто и не собирались принимать участие в конкурсе.

Татевик */Сазандарян/* пела хорошо. Критиковали программу, о которой, кстати сказать, я узнала накануне ее выступления. Арию из "Гугенотов" (паж) забрала комиссия, орлеанскую деву спела хорошо. Отметили также колебания верхнего регистра, но наличие хорошего голоса, одаренности дали ей возможность войти в число дипломантов, которых очень мало (5 человек). Из 75 человек со всего Союза отмечены всего 11 человек вокалистов, среди которых, при слишком строгих условиях конкурса, от Армении Сараджева */Анна, сопрано/* и Сазандарян */Татевик, меццо-сопрано/*. Инструменталистов был сто один человек (101ч.). Я считаю, что, учитывая и условия конкурса, и иные обстоятельства, мы (армяне) прошли хорошо. Перед Сараджевой и Сазандарян — перспектива дальнейшего роста.

Было ли что-либо из ряда вон выходящее на конкурсе? Среди вокалистов — нет. Среди инструменталистов я слышала Рихтера. Сначала я, когда он играл Баха и Моцарта. Безумный темперамент в сонате Бетховена, и вообще, с точки зрения чистой музыки, я не приемлю такого искусства, скучного, пока дело не доходит до африканских страстей и безумных ритмов. Остальное еще раз послушаю на третьем туре и окончательно вынесу свое решение и проверю себя.

Мне всегда казалось, что в Москве нельзя сосредоточиться и работать при нормальном состоянии нервной системы, чтобы продукт твоего труда был чистым, без налета неврастения и умопомрачения, а сейчас, в безумном беге жизни, это стоекратно. Хочу спокойной мысли. Может быть, это есть следствие моего петербургского воспитания, где все было так собранно, сосредоточенно, почти замкнуто, а главное — спокойное созерцание мысли и глубина сдержанного чувства. Но всегда из Москвы с радостью возвращаюсь к "мирной

жизни": хоть люблю Москву всем сердцем, но ненадолго (!!)) Мне всегда приятны встречи с московскими мастерами, всегда они принимают меня с лаской и вниманием. Вчера в ВТО, в научно-исследовательском вокальном кабинете, был мой доклад: "Мой творческий путь". Доклад мой вызвал большой интерес и восторженный прием со стороны слушателей. Меня обязывают вынести свой доклад на широкую арену и даже заставляют все это написать и хотят заключить со мной договор (издательство при ВТО).

Сегодня мы (я, Литвиненко-Вольгемут /Мария, сопрано/, Паторжинский /Иван, бас/) поем в Доме актера (творческий отчет) как гости дорогие, как говорят наши московские Народные артисты СССР. В Доме культуры Армении тоже буду петь, а дальше не знаю, не хотела бы задерживаться.

Москва все та же бурная, шумная, многомиллионная, большая, ее дыхание, мощное дыхание сердца нашей страны ощущается во всем. Необходимо, пусть ненадолго, но почаще дышать этим дыханием. Шире горизонты, мысль сразу охватывает несколько областей.

Марианна /Арутюнян, пианистка, певица, дочь А.Б.Даниелян/ едет сегодня. Мне всегда грустно с ней расставаться. Но, торопится на учебу. Столько лет просидела в Ереване безвыездно, все же послушала многое в Москве, ей польза.

Примите, Завен Гевондович, мой привет. Подробнее все можете узнать от Марианны. Прошу Вас, будьте другом ей, если обратится к Вам, не оставьте без внимания. Хотя излишне говорить об этом. Вы всегда внимательны к нам.

Нар.арт.СССР Даниелян

Ахумян

Тигран Семенович

*литературовед, театровед, Засл.деят.иск.Арм.ССР
21.04.43, Ереван*

Уважаемый Завен Гевондович!

Вчера мы подписали с Вами договор на пьесу для конкурса. Нечего и говорить о том, что лично Ваше исключительное доверие ко мне, в результате чего Вы почти во всем пошли мне навстречу, — меня глубочайше тронуло, и за это я искренне благодарен Вам.

Но поскольку денег по договору я еще не получил и, стало быть, договор наш в законную силу еще не вошел, — я по зрелом и спокойном размышлении хочу отказаться от договора, и участия в конкурсе не принимать. И вот по каким соображениям.

1. Прежде всего — срок! Он слишком для меня короткий, в особенности теперь, когда буквально нет никаких материальных предпосылок для форсирования самой активной творческой работы. Условия жизни моей таковы, что я не в состоянии работать так интенсивно, как этого хотелось бы и как это необходимо для того, чтобы представить качественно достойную работу и притом — в менее, чем три месяца.

Товарищи мои могут идти на это: в силу своих больших заслуг перед страной Советов они пользуются рядом льгот и преимуществ (прикрепление к столовой СНК, специальные пайки, общее снабжение по 1-й категории и т.п.), каковых я лишен, несмотря на ровно 30 лет своей непрерывной, честной и преданной работы для своего народа.

Без преувеличения скажу, что никто из них, может быть, столько не работал, как вол, сколько работал я. Достаточно упомянуть здесь хотя бы совсем кратко то огромное количество сделанного мною, чтобы было ясно, что я не голословен:

а) Только за советские годы я перевел 63 пьесы, из них 34 произведения русских и мировых классиков и 29 пьес советских авторов;

б) Политической, экономической, художественной литературы за этот же период перевел более 1600 печатных листов, что составляет не более, не менее, как 40 томов по 640 страниц каждый;

в) Написал за эти годы по вопросам искусства и литературы 518 газетно-журнальных статей;

г) Прочитал за этот же период 114 докладов и лекций по вопросам литературы, музыки, театра и критики;

д) Написал 11 пьес, 2 киносценария, 2 оперных либретто;

е) За время войны в госпиталях, в воинских частях, в районах, на предприятиях, на фронте и в своем агитучастке имел 138 выступлений;

ж) За последние пять лет дал 244 литературных письменных консультаций молодым начинающим писателям (поэтам, прозаикам, драматургам).

А ведь мне, дорогой Завен Гевондович, уже 50 лет!
Что я имел в ответ на этот колоссальный труд?

а) То, что никогда еще и ни разу я не услышал ни от кого ни единого доброго слова справедливой оценки: мой труд, моя работа всегда и всеми систематически замалчивались, никакой общественной оценке не подвергались, никем никогда не отмечались. А это – самое тяжелое положение для человека, ибо работать без общественного резонанса, без поощрения, без оценки труда не под силу и моральному Геркулесу, а не то что мне, человеку издерганному, слабому и уже – увы! – немолодому!

б) То, что, несмотря на все мои просьбы о предоставлении мне более или менее сносной квартиры, я так до сих пор ничего не добился и продолжаю жить и работать в самых невозможных условиях, хотя имел все права, как участник Декады, получить квартиру в новом доме работников искусств.

в) То, что теперь, в эти трудные дни, когда вольный рынок со своими безумно-баснословными ценами буквально душит нас, никто не подумал о том, что ведь и я имею какие-то, кажется, беспспорные права на облегчение своего материального положения.

Беру на себя смелость утверждать, что сделано мною безмерно много, но оно не видно, во-первых, потому, что я об этом не кричал и не рекламировал себя, как это делают другие, и, во-вторых, потому, что вокруг моего имени существует странный, убийственный заговор молчания, и поэтому получается так, как будто все остальные имеют тьму заслуг, а я – ничего. Ложь это и дикая несправедливость!..

2. Вторая причина – моя литературная судьба! Уже много раз было доказано и передоказано, что то, что я пишу, как бы оно ни было хорошо, – не встречает того приема здесь у нас, какой встречает вне Армении. Фактически же получается, что я пишу только для себя. Мои пьесы в Армении не идут (за исключением 3-х из 11), мои книги здесь не печатаются, мои творческие установки сначала восхваляются, а потом – охаиваются.

Так стоит ли после всего этого снова и еще один раз браться за перо для нового грустного эксперимента? Я был у нас каким-то непризнанным, чужеродным элементом, человеком, которого всегда и всякий обходил, награждая его полным невниманием, – таким и остался.

а) Третий месяц идет моя пьеса в ТЮЗе – и до сих пор никто нигде никак на нее не отозвался;

б) 18 и 19 апреля в театре оперетты шел "Леблебиджи", и Вы лучше всех знаете, что это — моя работа, результат моего труда. Но мало того, что меня с вопиющей несправедливостью лишили авторских процентов Ваши же работники, — мне не прислали на премьеру даже билета!

И вот, когда я вижу и на каждом шагу ощущаю на себе эту мерзкую, ледяную, убийственную атмосферу вокруг себя, атмосферу, уничтожающую всякое творческое настроение, всякое вдохновение и трудовой пафос, — мне делается страшно.

Довольно, сколько издевались надо мною — тонко и бесчеловечно.

Вот все, что мне было необходимо, смертельно необходимо — высказать именно Вам, как человеку, в искренность добрых отношений которого я верю и которому пишу сейчас не только как начальнику Управления по делам искусств, но и как просто другу. И прошу верить, что мне очень трудно и тяжело было писать это письмо, но не писать его — я не мог.

Т.Ахумян

**Шапошников
Илья Галустович**
*композитор, дирижер, Засл.деят.иск. РСФСР
21.12.42, Андижан*

Здравствуйте, дорогой Завен Гевондович!

Привет Вам из Андижана, куда я попал ввиду изменения маршрута в пути. Живем в Андижане 2-м — это 7 километров от города. Живя здесь, нельзя не вспомнить Ереван и товарищей, с которыми мне пришлось познакомиться. Мечтаю о моменте, когда я снова попаду в Ереван и найду себе полное применение в этом высококультурном и благоприятном для расцвета близкого мне искусства городе. Но что же делать, если пока мне нельзя уйти с работы. При первой же возможности я готов это сделать и быть на родине. Вопреки моим желаниям пишу музыку для Андижанского театра, в котором нет даже музыкантов, кроме пианиста и скрипача. Прошу Вас всегда помнить о моей готовности и желании написать для вашего театра балет. При

распределении творческих заказов прошу учесть и меня. Если расстование, отделяющее меня от вас, или другие какие-нибудь причины требуют, то я готов сначала написать несколько номеров и прислать в оркестровке для прослушивания. Либретто, конечно, по вашему выбору. Вне зависимости от этого буду весьма рад получить от вас весточку с приветом. Крепко жму руку.

И. Шапошников

Арутчян

Михаил Аветович

Народный художник Арм. ССР

14.07.46, Москва

Дорогой Завен Гевондович!

Мой приезд в Москву почти совпал с прибытием экспонатов для выставки, так что пришлось войти в работу сейчас же, без задержек.

Теперь, когда я основательно ознакомился с присланными работами, должен, к сожалению, констатировать, что общий уровень выставки довольно невысок. Если выставку развернуть на присланном материале, то она не только не поддержит честь художников Армении, но и сильно уронит, на мой взгляд, то хорошее имя, которое было приобретено предыдущими выставками. Изо-отдел и Союз художников, по-моему, упустили из виду одно очень важное обстоятельство – это то, что выставка идет в Москву и что поэтому она должна быть составлена из первоклассных вещей. Поэтому я должен предложить ряд мер, которые могут исправить дело и поднять качество нашей первой выставки.

- 1) Я здесь, на месте, отберу у художников хорошие вещи (лучше, чем посланы) – имею в виду Мартироса Сергеевича Исарьян, сестер Асламазян Ерануи и Мариам, Диму Налбандяна и др.
- 2) Я отберу из запасов ДКСА те работы, которые еще не экспонировались в Москве и которые по качеству подойдут для экспозиции.
- 3) Я попрошу тебя распорядиться, чтобы срочно были присланы работы тех художников, которые очень невыгодно представлены на этой выставке. Имею в виду Гюрджяна Габриел, Коджояна Акоп, Эдика Исабекяна (его работы очень слабы, следует заменить вещами, в которых виден был бы его

большой талант). Я бы назвал еще много фамилий, потому что, на мой взгляд, многие ребята послали вещи, стоящие ниже их возможностей. Но тут возможно следующее: предложить художникам (не всем, конечно) отобрать и послать в Москву лучшие вещи из их мастерских. Тогда у меня будет возможность выбора и улучшения качества выставок.

Мне почему-то кажется, что отбор работ для Москвы производился наспех, что не было жюри, которое в пределах работ одного художника отобрало бы лучшее, а не посылало бы все, только потому, что это все экспонировалось в Ереване; если же кое-кого из художников отбор этот касался, то не в лучшую сторону — например, сестры Асламазян говорят, что у них были вещи лучше, а послали самые невыгодные. При жюри такое положение вряд ли могло иметь место.

Нашу первую выставку мы откроем 1 сентября — раньше, по причине мертвого сезона здесь, нет смысла — таким образом, вторую я мог бы запланировать на 1 ноября (или 15 октября).

Я бы хотел — не в порядке конкурса (мне неудобно участвовать в открытом конкурсе) — сделать портрет Комитаса — все равно какой — графический, для размножения, или живописный. Нельзя ли об этом договориться?

Ну, пока довольноно.

Жду твоих ответов на мои больные вопросы. Будь здоров. Жму тебе руку.

Твой Мих.Арутюнян

Авет Карпович Габриелян
и квартет им.Комитаса
1943, Москва

Дорогой Завен!

Виделся с Сережей /Сергей Асламазян, виолончелист/ и Мишей /Михаил Тэриан, альтист/ и договорился о принципиальной стороне наших внутриквартетных взаимоотношений. Вариант их приезда в Ереван для переговоров (как мы говорили с тобой) оказался неприемлемым; они на работе, и сейчас, при всем их желании, говорю это без их рисовки, это немыслимо.

Должен сознаться, я совершенно ошеломлен здешней интенсивной концертной деятельностью. В течение 2-х недель концерты 3-х

виднейших скрипачей, 2-х крупнейших пианистов и т.д. Это создает невероятный стимул к работе, чего за последнее время я не наблюдал в себе будучи в Ереване. Завен, я боялся этого сигнала — чрезвычайно опасного. Мы все горим желанием приступить немедленно к самой интенсивной работе и просим тебя санкционировать нашу (квартета) жизнь в Москве. К сожалению, мою площадь у меня отобрали, но я готов ютиться где угодно, не покидая Москвы в этот чрезвычайно подъемный период.

Завен — пойми — нам после двухлетнего перерыва необходим толчок к созидательной работе. Сегодня это возможно только в Москве.

Если ты учтешь мои соображения и согласишься, квартет будет спасен.

Я очень думаю о консерватории, где у меня 3 студента, из коих один талантливый, одна средняя, но работага, а третья слабая.

Если ты согласишься на наш вариант, то сообщи, пожалуйста, твои дополнительные соображения.

Ждем ответа.

Привет от наших.

Авет

Они же

30.03.44, Москва

Дорогой Завен!

Как тебе известно, мы приступили к активной квартетной работе. Ежедневно репетируем по четыре часа и, помимо этого, каждый из нас усиленно занимается сам. Но необходимо сказать тебе, что условия жизни (особенно Ади /Авет Габриелян, скрипач/ и Мити /Никита Балабанян, скрипач/) не благоприятствуют нормальной и плодотворной работе: несмотря на твои указания и инструкции, данные тобою в Москве — они по-прежнему живут в плохих условиях. Им предоставлена одна комната в гостинице Националь, где нельзя играть — поэтому они вынуждены ходить заниматься в ДКСА, а там даже нет отдельной комнаты для занятий и кроме того очень холодно. Однако, несмотря на это, работа продвигается быстрее, чем мы предполагали вначале. Мы вчерне прошли квартет Моцарта и сейчас находимся в работе квартеты Бетховена N9 и Бородина N1, которые

также будут вчерне приготовлены к 15-му апреля. После этого приступим к изучению нового квартета Чемберджи */Николай/*, предложенного тобою, и одного из последних квартетов Мяковского. В процессе работы над указанными произведениями мы, помимо их изучения, налаживаем ансамбль. Нужно признать, что эти два с половиной года наложили свой отпечаток. Во всяком случае, настроение у нас бодрое, и мы уже нисколько не сомневаемся, что по приезду в Ереван мы предстанем перед нашей аудиторией в настоящей форме. Сейчас можно уже определенно сказать, сколько времени потребуется для окончательного восстановления ансамбля. Несомненно, что для подготовки хотя бы 3-х концертных программ, нам необходимо будет поработать в Москве еще май и июнь.

Дорогой Завен! Мы очень просим тебя:

1. Утвердить план работы квартета на 1944 год, который прилагаем при этом письме;
2. Отобрать и прислать нам один или два квартета, написанных нашими армянскими композиторами;
3. Проследить за своевременной высылкой зарплаты, т.к. Адя */Авет Габриелян/* и Митя */Никита Балабанян/* не имеют никаких источников дохода, а Миша */Михаил Тэриан/* и Сережа */Сергей Асламазян/* уже отказались от значительной части своих побочных заработков;
4. Согласно твоему личному обещанию, Аде и Мите необходимо восстановить отобранные постановлением Совнаркома их квартиры в Москве;
5. Попросить Айкануш Багдасаровну */Даниелян, певица/* переслать нам материал, чтобы Сережа имел возможность заранее все обработать;
6. Если возможно, пришли народные армянские песни (в любом виде) для их обработки для квартета.

Просим передать наш сердечный привет Григорию Артемьевичу */Арутюнян, Первый секретарь ЦК КП Армении/*.

Крепко жмем тебе руку.

*А.Габриелян, Н.Балабанян,
М.Тэриан, С.Асламазян*

Симонов
Рубен Николаевич
режиссер, Нар.арт. СССР
30.01.43, Москва

Телеграмма

начальнику Управления
искусств Вартаняну

Благодарю вас, работников искусств Армении, за дружеское поздравление, особенно дорогое мне как армянину. Буду счастлив вновь встретиться с товарищами на поприще армянского советского искусства — Рубен Симонов

Араратян
Ваагн Георгиевич
композитор, Засл.деят.иск. Арм.ССР
31.01.1941, Одесса
Перевод с армянского

Уважаемый тов.Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Получил ваше теплое письмо, за что выражаю вам глубокую благодарность. Вы спрашиваете: над чем бы я хотел работать...

Поскольку сегодня достаточно важную представляет вопрос создания полноценной советской оперы или балета, то я хотел бы быть в ряду коллег, которые работают в этом серьезном и не терпящем отлагательства направлении.

С уважением — В.Араратян

P.S. Все возложенные на меня обязанности будут выполнены с честью.

Баласанян
Сергей Артемьевич
композитор, Нар. арт. Тадж. ССР, Нар. арт. РСФСР
07.05.41, Москва

Многоуважаемый тов. Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Большая загрузка и напряженная работа по подготовке Декады таджикского искусства в Москве, к сожалению, не дали мне возможности тотчас же ответить на Ваше письмо. Кстати, письмо Ваше было получено мною с большим опозданием, так как я долгое время находился в Таджикистане.

Я с большим удовольствием установил бы творческую связь с Арменией. Тяготее к музыкально-театральному жанру, хотелось бы выяснить возможность работы над оперой или балетом.

Если, принципиально, это не встретит с Вашей стороны возражения, то тогда можно было бы более конкретно поговорить о теме, сюжете. Поскольку работа над оперой или балетом потребует значительного времени (предварительная работа с либреттистом, подбор материала и т.д.), я до этого периода с удовольствием стал бы работать над песенно-симфоническим циклом или же над симфоническим произведением типа рапсодии или небольшой сюиты (разумеется, на армянском народном материале).

Если мои пожелания в какой-либо мере заинтересуют Управление по делам искусств или творческие организации Армении, то не откажите в любезности сообщить мне.

В ожидании Вашего ответа, прошу принять уверения в искреннем уважении.

С.Баласанян

От него же
27.06.41, Москва

Дорогой Завен!

Само собой разумеется, что ни в какой Железноводск я не поехал и, конечно, не поеду. В эти тяжелые дни не до отдыха. Нужно работать, работать и работать. Проблема советской оперы стала еще

более актуальной. И совершенно очевидно, что акцент должен быть сейчас несколько иной. Патриотизм, героизм наших отважных бойцов, высокое чувство любви к родине — вот на чем надо строить либретто. Борьба с фашизмом может дать благодарный материал для драматургии, а тем более для советской. В этом плане и хочется приложить мне мои творческие возможности.

Очень прошу, дорогой Завен, поговорить с Ахумяном /*Тигран, драматург*/ по этому поводу и попросить его несколько пересмотреть наметанную тогда вместе с нами либреттную канву.

Я убежден, что теперь он сам уже пересмотрел свое либретто (вернее, схему либретто), но мне все же хочется, чтобы ты сам непосредственно поговорил с ним и, может быть, выкроишь полчаса и черкнешь свои соображения. Я ему напишу тоже письмо, с этими же соображениями.

Попроси Ахумяна форсировать работу. Очень хочется скорей начать работать.

Одновременно очень прошу еще об одном содействии. Если будешь иметь возможность (что маловероятно), сделай сам, если же нет, то попроси кого-нибудь (может быть, согласится тот же Ахумян) выслать мне несколько текстов на оборонные темы. За эти дни, вероятно, нашими поэтами было много написано. Хочется сделать несколько вещей для хора или для солистов, но, к сожалению, под рукой у меня нет совершенно армянских текстов. Если окажутся хорошие тексты, то я стал бы делать песенно-симфонический цикл для солиста или солистов и хора.

Пока будет делаться либретто, я поработал бы над этим. Такой цикл сейчас более нужен, чем симфоническая сюита, над которой я должен работать.

Жду от тебя ответа. Обнимаю тебя, твой

С.Баласанян

От него же

1943, Сталинабад

Дорогой Завен!

Обстоятельства, после нашей последней встречи, сложились таким образом, что я снова попал с семьей в Таджикистан. Почему так получилось, долго рассказывать.

Одно бесспорно — чем дольше я пребываю в Таджикистане, тем сильнее меня “тянет к армянам”.

Много думал и думаю сейчас о большой работе, которую хотелось бы делать для армянского театра (оперного, конечно).

Об этом я говорил теперь в Москве и с Шавердяном /Александр, музыковед/ и с Гаямовым /Александр, театровед/. В одной из бесед о тематике оперного спектакля Гаямов подал мысль, которую я разделяю целиком и которую очень одобрил театр Станиславского и Немировича-Данченко. Этот театр предложил мне подумать об опере, которая может быть построена на национальном материале, и в то же время не быть сугубо локальной. Мысль Гаямова — взять из богатейшей истории Армении один из эпизодов, в котором события разворачивались бы и за пределами страны. Из истории мы знаем о больших конфликтах и интереснейших событиях между Арменией и Римом, Византией, Ираном и другими государствами. Богатые исторические фонды дают материал не на одну оперу. По этому вопросу мы консультировались с хорошо известным тебе профессором Иосифом Карповичем Кусикяном.

Он не только одобрил эту идею, но и проявил самое живейшее участие. Более того, он любезно согласился подобрать материал и оказывать консультацию по всем интересующим нас вопросам.

Мне кажется, что на таком материале можно создать очень интересный, красочный спектакль, спектакль больших страстей, актуальный и в наши дни.

Творческое содружество Кусикяна и Гаямова может дать очень хороший результат. Культура, художественный такт и чутье, театральная эрудиция Гаямова плюс изумительное знание фактического материала Кусикяна могут помочь создать полноценное оперное либретто.

К осени я собираюсь перебраться с семьей в Москву, а там хотелось бы установить настоящий творческий и деловой контакт.

Тебе-то, Завен, могу признаться, что очень не хочется дебютировать в Армении с обычным, будничным произведением. Это должна быть моя визитная карточка. Не так ли? Буду очень рад, если черкнешь пару слов мне в Сталинабад о своих соображениях. А пока обнимаю.

Твой

С.Баласанян

Хубов
Георгий Никитич
музыковед, Засл. деят. иск. РСФСР
21.02.1941, Москва

Уважаемый тов. Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

На днях я вернулся из научной командировки в Баку, где пробыл около месяца. Поэтому только сейчас имею возможность ответить на Ваше письмо. Очень досадно, что я не знал о Вашем предложении раньше: без особого труда я смог бы из Баку заехать на несколько дней в Ереван. Теперь осуществить Вашу просьбу трудно – выехать из Москвы я смогу лишь в конце мая. Если этот срок Вас не пугает, то напишите мне о характере и условиях намечаемых Вами докладов. Тема, меня интересующая, – творчество советских композиторов; я могу прочесть доклады: 1) "Основные проблемы советской оперы"; 2) "Творчество А. Хачатуряна"; 3) "Мясковский и проблемы советского симфонизма"; 4) "Творчество Д. Шостаковича"; 5) "Вопросы национальной тематики и формы в творчестве советских композиторов". Из этих докладов я хотел бы ограничиться двумя – на Ваш выбор.

Привет – *Георгий Хубов*

Хачатурян
Арам Ильич
композитор, Нар. арт. СССР
23.05.44, Москва

Дорогой Завен!

Посылаю гимн через тов. Карапетяна. Очень прошу организовать показ как следует. Последняя фраза имеет два варианта. Первый вариант музыкально интереснее, и в хоре и оркестре даст большой подъем, но трудноватый, а второй проще.

Завен джан! Отдай переписать гимн, чтоб подписать весь текст по-армянски. Верхняя вокальная строчка должна далеко отстоять от строчек клавира, чтобы три куплета свободно можно было вписать.

Очень прошу тебя после прослушивания дать мне телеграмму подробную, как оценили гимн.

Должен тебе сказать, что я работал честно и долго. Этот гимн у меня пятый вариант. Я ведь много раз встречался по государственному гимну СССР с руководителями партии и правительства. На этих встречах много было высказываний, что такое гимн. И я знаю, что требуется. Я старался все, о чем говорилось о гимне, выполнить в армянском гимне. Мне кажется, гимн получился. В хоре и оркестре это будет торжественно.

Если нужно будет, вызывайте в Ереван.

Над вокальным циклом *“Три арии для высокого голоса”* еще не начал работать, но на днях начинаю с волнением.

Горячий привет, жду твоих сообщений.

Твой Арам Хачатурян

Инструкция к исполнению гимна Хачатуряна, или что бы я хотел.

1. Гимн написан в Фа мажоре.
2. Петь должен драматический тенор. Хорошо бы, чтобы пел Шара Тальян, но как у него ля бемоль? Надо, чтобы ля бемоль был не очень напряженный.
3. Партию ф-но должен играть, и я его об этом прошу, Долуханов /Александр, пианист, композитор/, но! Играть так, как он умеет играть, т.е. выразительно, выделяя мелодию. Характер Grave Maestoso, темп Andante. Играть не тихо, но и не слишком громко, хотя скорее громко, чем тихо. Аккорды должны быть глубокие и звучащие.
4. Вполне возможно петь на один тон или полтора ниже, т.е. в Ми бемоль мажоре или в Ре мажоре.
5. В будущем, если гимн был бы утвержден, то должны существовать две редакции – одна в Фа мажоре для симфонического оркестра и большого смешанного хора, и другая – массовая – в До мажоре.
6. Последняя фраза имеет два варианта. Гимн нужно исполнять шесть раз от начала до конца, причем первые три раза конец с одним вариантом, а вторые три раза конец со вторым вариантом.
7. Хоровой партии еще нет. Но будет она изложена для смешанного хора – двух-трехголосного, а местами и четырехголосного.

8. Очень прошу извинить, что текст первого куплета подписан русскими буквами. Надо, чтобы кто-нибудь (обязательно музыкант) подписал бы весь текст (обязательно три куплета) под нотами. Чтобы поместить весь текст, надо широко заново переписать все ноты.

Прошу Долуханова после переписки прокорректировать.

9. Последние два такта сделать *ritardando* только после третьего раза.

Заранее благодарю Вартаняна, Шара Тальяна и Долуханова.

Арам Хачатурян. 23.05.1944

От него же

/осень 1944 года/, Москва

Дорогой Завен!

1) Очень жалею, что ты мне ничего не написал о своем приезде в Ереван, о показе пленки Гимна, о впечатлениях, о разговорах, о том, сколько и как тебя ругали за 180 тысяч, истраченных на запись гимна.

Меня все это очень интересует.

2) Язва моя продолжает сильно тревожить меня. Врачи требуют, чтобы я лег в больницу, но я себе устроил дома режим. Из дому не выхожу, много лежу, но зато и работаю. В Ереван сейчас ехать мне опасно. Малейшее нарушение пищи и режима может пагубно отразиться на мне.

Итак, я тебе сообщаю, что в Ереван я на пленум и декаду */музыки республик Закавказья, Тбилиси, 1944 год/* не поеду. Поэтому очень прошу и настаиваю мою симфонию */Вторую/* не исполнять сейчас. Нельзя без меня и без моего участия в подготовке исполнения показывать это большое сочинение. Неужели вы хотите, чтобы сочинение провалилось? Наконец, если предположить, что сочинение вызовет одобрение публики, то я хочу быть свидетелем этого одобрения и, естественно, хочу быть вознагражден за свой большой труд. Кто имеет право лишать меня этого удовольствия, которое является для композитора одной из главных наград! Я бы приехал в Армению в конце зимы, весной, я убежден, что мне будет легче в смысле здоровья. Я не хотел бы беспокоить по этому вопросу Григ.Арт./Григорий Артемьевич Арутюнян, Первый секретарь ЦК КП Армении/.

3) По договору, заключенному с тобой, я уже написал две арии: первая — “Ах, если алым стал бы я. Твоим кораллом стал бы я” — хронометраж 5 мин., вторая — “Ахтамар” Туманяна — хронометраж 6 мин. К третьей не могу подобрать текст. Мне нужно нечто радостное, эпикурейское, но в антологии нет ничего подходящего. Все нытье и стон.

Может, ты подберешь у местных авторов чего-нибудь? Характер первых двух арий лирико-драматический. Боюсь, что для Айкануш /Даниелян, певица/ по характеру не очень подходяще. Музыка без или почти без фольклорных интонаций. Сделано очень свободно и немного модернистически. Боюсь, что армяне будут ругать. Как будет готова третья, клавиры вышлю.

4) Сiju без денег и в долгах. Из-за гимна я летом не работал. На гимн я положил 3 месяца. Постановление будет не скоро. Я прошу тебя, заплати мне за 5 вариантов гимна, за работу. Ведь нельзя же из-за вояжной премии, которая еще вилами по воде писана, не платить мне за работу, за участие в записи и т.д. Ведь Александрову /Александр, автор музыки гимна СССР/ заплатили за все варианты его гимнов, а премию — своим порядком. За пять вариантов мне полагалось бы 20 тысяч рублей, но если не можешь двадцать, заплати меньше.

В конце концов, неужели Армении безразлично, что я сегодня, вместо того, чтоб лечь в Кремлевку и лечить серьезную, опасную болезнь, должен срочно писать киномузыку, прекратив работу над ариями, чтоб заработать на хлеб? У меня же много иждивенцев и много расходов. У меня отец при смерти вот уже два месяца. Два месяца врачи, профессора, сестры, сиделки, уколы, банки и пр., и пр. Ведь нужны же деньги — откуда их брать? Моя диета делается ведь вся на рынке.

У композитора Фролова много лет была язва, — только потому, что он ее не лечил, она обратилась у него в рак, и сейчас он умирает. Ведь и со мной будет так же, если я буду перерабатывать и не отдыхать. Ведь эти мои письма и вопли в письмах (я пишу нечто подобное не только тебе) остаются и могут быть прочитаны моими детьми и внуками. Они осудят тех, кто не облегчит мне жизнь. Кроме того, чтобы написать хорошие сочинения и оставить после себя, у меня других интересов нет.

5) Ты имел "неосторожность" обещать мне отрез на костюм. В чем же дело? Забыл? Или решил, что здесь задыхаюсь от костюмов? То, что я просил для композиторов при тебе, до сих пор еще не получено, и получение под большим вопросом. Но если даже мы и получили бы это, неужели я недостойн того, чтобы у вас меня как-то обласкать? Я не хотел об этом тебе напоминать: это унизительно для меня. Как хочешь! Прошу извинить меня.

Немного чувствую себя оторванным от вас, как нравственно, так и физически.

Кончаю свое длинное и, может быть, сумбурное письмо. Можешь отнестись индифферентно к моим просьбам, но я прошу и настаиваю на двух вещах: 1) Написать мне подробное письмо; 2) Отложить исполнение симфонии */Второй/* на конец зимы и начало весны в моем присутствии.

Прошу второй пункт моего письма прочесть Тавризиану */Михаил, дирижер/* и передать ему сердечный привет от меня. Жму тебе руку.

Твой Арам Хачатурян

От него же

08.06.45, Москва

Дорогой Завен!

Лежу в больнице. Сейчас стало мне лучше, поэтому решил тебе написать. У меня началось внезапное кровотечение. Язва — это мой крест. Не знаю только, когда она меня окончательно согнет. Очень и очень обидно. Я наметил колоссальный план творческих работ и на лето, и на осень, но судьбе было угодно уложить меня на несколько месяцев в постель и лишить великого удовольствия сочинять музыку. Что же я напишу к 25-летию советизации Армении? Успею ли? Вот еще вопрос, который меня мучает. Весь 1945 год болею и провожу в больнице. Хочется писать, писать много и хорошо. Наша миссия, прославляя нашу действительность, подымать нашу родину и ее культуру до мирового звучания. Я считаю, что ближайшие два десятилетия решат колоссальные проблемы нашей музыки. Она должна выйти в ближайшее время на большую арену. Наша музыка, как никогда, сегодня начинает тягаться с русской музыкой. Я имею в виду не грубо подражать ей, а учиться у нее и равняться по ней. Армения одна из первых должна отказаться от скидки. Мне всегда было

неприятно ощущать эту скидку на отсталость, и я отказывался от нее. Я думаю, что этот отказ заставил меня усиленно, годами заниматься техникой. Если быть падким на пропаганду и восхваление, то я мог бы считать себя композитором задолго еще до окончания консерватории. Вот есть такой композитор Узбекистана Мухтар Ашрафи, очень талантливый человек, и мог бы быть настоящим композитором, но он никогда им не будет, потому что усиленно пользуется этой пресловутой скидкой. Никогда не учился и не будет учиться. А его все хвалят, хвалят, подымают, дают премию! И что же: у него отбита всякая возможность и желание учиться. Для нашей талантливейшей молодежи не дай господи встать на этот путь. Наши сочинения должны быть обсуждаемы и оценены с точки зрения Москвы и Ленинграда, с творческих позиций и уровня Шостаковича, Прокофьева, Мясковского и других крупнейших русских композиторов. Если мы будем к себе требовательны и будем соревноваться с лучшими композиторами Москвы и Ленинграда, тогда наше быстрое продвижение вперед обеспечено.

Сейчас амплитуда культуры и техники наших композиторов очень большая. Наряду с композиторами большой культуры и техники, таких, как Кушнарев */Христофор/*, Степанян */Аро/*, у нас есть еще полуграмотные люди, апологеты примитивизма. Нужно музыкальное образование, да не только музыкальное образование, а общий уровень музыкальной жизни страны поставить на такую высоту, чтобы техника и культура у всех была высокая, а вопросы творчества решались бы, при условии высокой культуры и техники, — талантом.

В этом случае индивидуумы со своей индивидуальной манерой письма будут двигать музыкальную культуру. Меня очень расстраивает то обстоятельство, что у наших композиторов очень слабая техника. Это какое-то общее явление. Это не только в Армении. В других республиках еще хуже обстоит дело. Даже не пойму, отчего это? Может быть, оттого, что в искусство пришли миллионы? Может быть, оттого, что эти миллионы, в силу исторических причин, не могли принести с собой большое духовное содержание и высокий интеллект? Да, талантов у нас много, а культуры и техники еще мало. Я верю, что в ближайшие 10-20 лет произойдут чудеса. Все эти народные пласты, поднятые на созидательный труд и творчество, должны дать невероятные дела.

Прости, Завен, за резонерство.

Желаю тебе здоровья и успехов в делах.

Не забывай меня ни как друг и человек, ни как руководитель искусства. Привет.

Арам Хачатурян

Если напишешь, буду рад.

От него же

06.10.45, Москва

Дорогой Завен!

Давным-давно мне следовало бы тебе написать письмо. Мне хочется многое тебе написать, но, видимо, в одном письме я не уложусь. Начну все же с моей болезни. В 1945 году я из десяти месяцев 7 месяцев провел в постели. Последний раз я попал в больницу 19 мая. Меня повезли в "скорой помощи". У меня было сильнейшее кровоотечение. 20 дней я лежал на спине, и не позволяли двигаться. Гемоглобин у меня был 42.

В 45 году я не сочинил ни одной ноты, не считая театральной музыки. Согласись, что это истинная трагедия.

Сейчас, когда я должен давать одно сочинение за другим, я не могу писать. Сейчас, когда большой интерес за рубежом к моему творчеству, я бездельничаю. Это состояние мучает и душит меня. Я не могу примириться с мыслью, что моя "Большая жизнь" кончилась. Под "Большой жизнью" я разумею кипучую творческую и общественную жизнь. Сейчас я сижу дома, больше лежу, почти не работаю и ем манную кашу. Грустно!

25-летие встречаю позорно. Увертюру, которую я задумал, уже не успею. Но сделаю ее обязательно. Такой великий праздник народа я встречаю пассивно-созерцательно. Получил твою телеграмму. Ты зовешь меня в Армению, зачем? Кому я нужен? С чем я выступлю перед народом? Как я буду отчитываться? Спасибо тебе!

Я безумно хочу приехать в Ереван. Но позволит ли мне мое здоровье? Мне запрещено выезжать из Москвы. Я нахожусь под наблюдением. Еженедельно мне делают анализы и ищут и ждут крови. Сейчас я начал лечиться у народного лекаря. Мне стало лучше. Если будет хорошо, то приеду. Будет ли у меня авторский концерт?

Завенчик, почему никто меня не поздравил с утверждением гимна? Почему ничего не произошло в связи с этим? Будь со мной откровенен, напиши мне.

Во мне такая силища, что могу, казалось бы, горы перевернуть, но крылышки у меня подрезаны.

Извини за нытье.

Перейду к делам.

Партитура у милейшего Теймуразова /Николай, капельмейстер, отлично переписывал партитуры/ не совершенная. Посылаю тебе свою, и надо ее печатать. Кстати, о печати. Мне кажется, надо гимн печатать в следующих видах:

- 1) Листовка. Одна мелодия.
 - 2) 2-х или 3-голосный хор с сопровождением ф-но.
 - 3) Симф. орк. и хор
 - 4) Дух. орк. и хор
 - 5) Дух. орк. большого состава.
- В обоих случаях можно играть
одним оркестром

Все эти партитуры у меня существуют. Я очень надеюсь, что за издания мне заплатят так, чтобы я мог чуть поправить свои материальные дела. Я не зарабатываю, а живу из-за моей диеты на рынок. Трачу в месяц 15 тысяч рублей. Запродал, перепродал все свои сочинения — и старые, и новые, и еще не написанные сочинения. Вникни в то, что я не служу, а за весь год я ничего не сочинил.

Только что вернулся с исполнения 8-й симфонии Шостаковича. Ах! Какой дерзкий композитор! Как он поднял потолок советской музыки! Какие он возбуждает интересные мысли в людях! Симфония успеха не имела. И не должна такая симфония сейчас иметь успеха и не может иметь успеха. Истинный художник всегда опережает свою эпоху. Шостакович — это прыжок — скачок в истории музыки. А наша музыка должна развиваться другими путями, но нам нужно учиться у Шостаковича величайшей творческой дерзости. Он сверкающий талант и дерзкий художник. Слушая музыку Шостаковича, хочется писать, писать и писать! Он давит, ошеломляет и уничтожает!

Завен, я прошу тебя верить мне, что я, а со мной все те, кто одарен "искрой Божьей", сделаем нашу музыку достоянием передового человечества. Это не самомнение. Иногда я себе верю, а иногда кажусь бездарностью.

Мечта моей жизни вывести нашу музыку на большую дорогу, на большую арену. Пусть думают, что я мечтаю о непосильной работе, но я свою жизнь уже отдал этой идее. И если даже я хоть скромно нащупаю, намечу этот путь, то моя миссия будет выполнена. Прости меня, мой милый друг, за нескромность, за фантазию! Не хочу погибнуть, как Дон-Кихот, за свои несбыточные мечты!

Завен շնի! Обрадуй меня своим письмом. Напиши обо всем подробно. Напиши, какие радости или горести ждут меня в Армении. Напиши, как ко мне относятся там. Подбодри меня, если есть на то у тебя основание. Ведь мне стыдно ехать в Ереван. Напиши, как твое здоровье. Как нога? Остались ли последствия? Я был искренне огорчен, когда узнал о твоем несчастье с ногой. Постарайся письмо послать с кем-нибудь самолетом, а то по почте долго пойдет.

Передай привет от меня Мих.[айлу] Арс.[еньевичу] Тавризияну, композиторам, Гулакяну *Армен, режиссер*, Варжапетяну *Григорий, дирижер*, Ахшарумову, Марии Петросян, сердечный привет Ляле Арутюнян *Маргарита, музыковед*, твоей ученице Золян *Изабелла Еолян, музыковед*. Сармену *Поэт, автор литературного текста Гимна Армении* горячий привет и поздравления. Передай еще привет твоей жене и детям.

Крепко жму тебе руку и обнимаю. В ожидании твоего письма

Твой Арам

От него же

12.06.46, Москва

Дорогой Завен!

Сейчас уезжаю в Иваново и пишу тебе наспех письмо. Недавно был в Риге на пленуме латышской музыки. Там познакомился с Баграмяном *Иван Христофорович, Маршал Советского Союза*. Милейший и замечательный человек.

Еду в Иваново кончать большой 3-частный концерт для виолончели с оркестром. Уже две части написаны, надо писать 3-ю часть. Хочу быстро еще написать Увертюру "1945 год". В плане еще много вещей. В августе еду в Железноводск. Хочу осенью приехать в Ереван. Дорогой Завен, за тобой 5 тысяч рублей, хорошо бы их

получить. Арии по договору с тобой закончены. Осенью тебе сдам, и надеюсь получить согласно договору 6 тысяч рублей.

С молодыми композиторами /А.Арутюнян, А.Бабаджанян, Э.Мирзоян, А.Худоян, совершенствовавшиеся в ДКСА в Москве/ несколько раз встречался, но встречи зависели не от меня. Занятия их обстоят хорошо, они работают, как звери. Делают успехи, и думаю, что это время прошло для них с большой пользой.

Завен շնի! Обращаюсь к тебе с большой просьбой насчет моего Виктора (водителя машины). Он очень тянется к искусству и, собственно, уже работал актером. Ему нужно помочь. Его любовь к театру и страсть к учебе являются залогом того, что, если дать ему год, два поработать под руководством хороших педагогов, из него может получиться преданный искусству человек. Если из него не выйдет специалист, то выйдет административный работник в области искусства. Это будет преданный тебе в будущем человек. Помогите ему к осени приехать в Москву на учебу по линии Дома культуры.

В Доме культуры дела скромны. Нужен хороший организатор. Нужна помощь, Сурену Сергеевичу /Саруханян, директор ДКСА в Москве/ никто не помогает, он как белка в колесе бьется.

Желаю тебе здоровья.

Твой Арам

От него же

Без даты, Москва

Телеграмма

Ереван, Управление искусств

Вартанян

Сердечно благодарен, горячий привет всем

Хачатурян

От него же

27.05.47, Москва

Дорогой Завен!

Пользуюсь отъездом брата в Ереван и хочу тебе написать несколько слов о себе и о делах.

- 1) Прошу Анисимову /*Нина, балетмейстер, постановщик балета "Гаяне" в Ереване*/ поддержать и помочь ей. Она талантливая женщина. Курдов в балете надо убрать и сделать их неизвестными горскими племенами.
- 2) Русскую линию надо оставить. Танцы пусть ставит смело, и не связывайте ее этнографией (я имею в виду точность движений).
- 3) С молодыми композиторами /*А.Арутюнян, А.Бабаджанян, Э.Мирзоян, А.Худоян, совершенствовавшиеся в ДКСА в Москве*/ я не занимался и не занимаюсь. Они увлечены схоластикой Литинского /*Генрих Ильич, композитор, профессор*/, и я ничего не могу с ними сделать. Они привыкли к нянюшке и возне Литинского, и на самостоятельность творчества, видимо, не хотят идти. Я имел с ними беседу и говорил, что пора кончать с Литинским, что у них будут получаться мертворожденные сочинения, но они, видимо, не убеждены моими доводами.
- 4) Завен ршի, ты всегда мне помогал материально, помоги и сейчас. Я написал 10 пьес для детей младшего и старшего возраста. Эти пьесы получили высокую оценку. Вчера в "Вечерней Москве" была заметка и мой портрет с детьми Центральной музыкальной школы. Несмотря на то, что пьесы были еще в рукописи, а уже на весенних экзаменах трое ребят уже играли 3 пьесы из моего сборника. Прошу тебя купить их у меня для детских школ и консерватории. Если хочешь, подскажу тебе стоимость сборника: по 1500 руб. пьеса, итого 15 тысяч. Когда ты услышишь их, тебе они, я уверен, очень понравятся. Если можешь, помоги. Очень хочу приехать в Ереван, но не знаю, удастся ли?

Начал увертюру для симфонического оркестра, органа и труб /*впоследствии переименована в Третью симфонию, или Симфонию-поэму*/. Но писать некогда. Занят с утра до вечера большими делами, но не творчеством (к сожалению). Назначен председателем Гос.экзаменационной комиссии по выпуску военных дирижеров. Готовимся к съезду. И еще масса дел. Напиши несколько слов о себе и о делах.

Крепко жму тебе руку. Привет супруге и детям.

С приветом. Любящий тебя

Арам Хачатурян

Чемберджи
Николай Карпович
композитор, Засл. деят. иск. Башк. АССР
01.02.41, Москва

Уважаемый т.Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Подтверждаю выраженное мною желание работать для Армении.

Моим творческим планам на ближайшее время наиболее соответствует создание армянского балета.

Будьте любезны ознакомить меня с теми литературными или уже либреттными материалами, которыми Вы располагаете.

Желание работать над балетом и, в частности, именно над армянским балетом — мое давнее намерение.

В настоящее время я заканчиваю оркестровку моей оперы "Карлугас", написанной мною по заказу Правительства Башкирии и включенной в репертуар предстоящей Декады башкирского искусства в Москве. В ближайшее время я смогу, таким образом, приступить к непосредственной работе над балетом.

В ожидании Вашего ответа. С товарищеским приветом.

Уважающий Вас

Н. Чемберджи

От него же
06.05.41, Уфа

Уважаемый т.Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Судя по Вашей телеграмме, Вы заинтересованы в написании современного балета. Я хотел бы знать, что именно в смысле конкретного сюжета имели в виду Вы, предлагая мне балет на современную тематику.

С тех пор, как мы с Вами говорили, прошел изрядный период времени, в течение которого я очень серьезно обдумал план работы над балетом. Знакомясь с армянским сказочным фольклором, я облю-

бовал сюжет одной сказки под названием "Анаит" (напечатана в сборнике армянских сказок в издании Академии). Содержание этой сказки очень интересно и близко идеям нашего времени. Через целый ряд интересных перипетий, представляющих возможности очень красочного отображения в балете, красной нитью проходит идея прославления и величия человеческого труда (я уже не говорю об элементах антирелигиозного характера и других).

"Анаит" глубоко проникнута идеями нашей действительности, содержит элементы, для нее характерные: героизм, верность идеалу, настойчивость, глубокая народность, мудрость народа, его трудолюбие, — все это отличает эту сказку, в чем мы убедились, прочтя ее.

Об этой работе я беседовал с ленинградским балетмейстером и либреттистом т.Капланом /Семен/ (автором блестящего либретто поставленного в Кировском театре и в Большом театре СССР балета "Тарас Бульба"). Ему очень нравится тема "Анаит", и он уже дал согласие работать над этим либретто. Мы этой темой очень вдохновлены, и было бы очень желательно осуществить создание этого балета. Надеюсь, что это конкретное предложение с нашей стороны встретит у Вас поддержку. В частности, т.Каплан готов приступить к либретто теперь же, и поэтому было бы желательно оформить с ним договорные отношения возможно скорее (сумма гонорара за либретто по общекомитетским тарифам — 3000р.).

С приветом. Уважающий Вас

Н. Чемберджи

Шавердян

Александр Исаакович

музыковед, Засл. деят. иск. Арм. ССР

13.02.41, Москва

Многоуважаемый тов.Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Получил Ваше любезное приглашение приехать в Ереван для ряда лекций. Это вполне совпадает с моими намерениями, т.к. я хотел бы установить с Арменией систематические и постоянные связи.

Сейчас я работаю над книгой по армянской музыке по заданию Музыкального кабинета /им.Р.Меликяна/.

Приехать смогу, очевидно, не ранее начала апреля, т.к. до этого — ряд неотложных дел, в частности, Таджикская декада. Темы, которые могут представить интерес для ереванской общественности: советская опера, классики армянской музыки — Комитас и Спендиаров. Кроме того, я мог бы быть полезным в обсуждении работы оперного театра. Надеюсь, таким образом, в апреле поработать у вас.

Мой брат, Рубен Исаакович Шавердян — музыкальный редактор (опытный радиоработник), певец-баритон и художник, переезжает в Ереван по приглашению тамошнего радиокомитета. Очень прошу Вас познакомиться с ним, и в случае, если найдете нужным, оказать ему поддержку, в частности, в вопросах квартирных. Я убежден, что он будет полезным деятелем в условиях Армении. До сих пор он работал в Тбилиси (в радиокомитете), где пользовался большим авторитетом.

С уважением

А.Шавердян

Ходжа-Эйнатов

Леон Александрович

композитор, Засл.деят.иск.Арм.ССР

29.01.41, Ленинград

Уважаемый тов.Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

В ответ на Ваше письмо сообщая, что предметом нашей беседы с А.Л.Степаняном /Аро, композитор/ была начатая мною работа над следующей оперой, сюжетом для которой явилось произведение Ширванзаде "Намус". Сценический вариант и либретто делает наш ленинградский поэт и драматург В.Н.Владимиров. Сценарий весь уже готов, в либретто имеется первый акт и в работе второй. В опере всего 3 акта, пять картин. Вся работа делается в полном согласовании с моими замыслами и поэтому является вполне желанным для меня материалом.

У меня уже имеются написанные часть первого акта и отдельные места из остальных.

В данный момент я работу над оперой прекратил ввиду того, что хотел бы ее писать, не отвлекаясь посторонними заказами, которые я сейчас вынужден был взять. Если Вас эта моя опера (правда, будущая) заинтересует, и Вы сможете предоставить мне и моему либреттисту возможность работать над ней, не отвлекаясь другими заказами, то мы с охотой будем писать ее для Ереванской оперы.

При благоприятных условиях клавиш я закончу к весне 1942 года и, сделав двухмесячный перерыв для отдыха, инструментую оперу к январю 1943 года.

При получении от вас благоприятного ответа я сейчас же откажусь от всех заказов и займусь только оперой.

С уважением

Л.Ходжа-Эйнатов

Тигранов

Георгий Григорьевич

музыковед, профессор,

Засл.деят.иск.Арм.ССР, Засл.деят.иск.РСФСР

12.02.41, Ленинград

Многоуважаемый тов.Шагинян /Андраник, начальник Управления по делам искусств Армении/!

Получил Ваше письмо и, конечно, с большим удовольствием принимаю предложение прочесть ряд лекций для художественной интеллигенции Еревана. Несколько задержался с ответом, так как хотел точнее выяснить возможный срок моего приезда в Ереван. Вы можете мною располагать в течение апреля и мая. Не знаю, какие темы Вас больше интересуют, поэтому сообщаю весь круг тем, которые я читаю, так что Вы сможете выбрать и мне сообщить. Я же в свою очередь подчеркну те темы, которые мне наиболее органичны.

I. Классики мировой музыки. Отдельные лекции-монографии о жизни и творчестве великих композиторов. Например, Бетховен, Вагнер, Лист, Глинка, Мусоргский, Чайковский, Скрябин и другие. Или, например, тема Русская музыка на рубеже XIX и XX вв. (сюда войдут Танеев, Скрябин, Рахманинов, Глазунов, Стравинский)

II. Основные проблемы советской музыкальной культуры

1. Основные этапы развития советской музыки
2. Советская опера и балет
3. Советский симфонизм
4. Советская камерная музыка
5. Шостакович, Мясковский, Шапорин, Прокофьев

III. История симфонизма (ряд лекций – 2-3, охватывающие развитие симфонической музыки от ее зарождения до современности)

IV. Основные проблемы оперы

1. История оперы (ряд лекций)
2. Особенности оперы как музыкально-театрального жанра
3. Основные вопросы оперной режиссуры и исполнительства

V. Шекспир в музыке

Пушкин в музыке

VI. История романса и песни (от 2 до 5 лекций)

VII. Проблема реализма в музыке

Если Вас интересует какая-либо другая тема, то напишите мне, и я постараюсь продумать и подготовить ее, если она входит в круг моей компетенции.

Буду ждать Вашего ответа, а пока шлю искренний привет.

Крепко жму руку

Георгий Тигранов

Есаян

Хачатур Акопович

Народный художник Арм.ССР

22.12.64, Ереван

Завен, дорогой!

Вот почему я пишу тебе: хочу выразить свой неудержимый восторг и восхищение в адрес твоего Рубика /*Рубен Вартамян, дирижер, сын З.Г.Вартамяна*/, вернее, нашего. Как это от такого сурового начальника получился такой мягкий, нежный, уж очень скромный наследник!?

Видимо, где-то и у тебя это есть в изобилии, часть которого досталась и Рубику.

Ну конечно, в нем можно узнать и Ирину Константиновну /*Москалева, супруга З.Г.Вартамяна*/, и в большой дозе.

Что сказать, Завен շնի, весь Ереван в восторге от него. Молодцы вы! Спасибо премного!

Ты знаешь, наш молодежный фестиваль показал, что, несмотря на большие потери, в нашей исполнительской среде появились такие мастера и даже гроссмейстеры (среди них в первой тройке и Рубик!), что спокойно можно вручить в их крепкие руки эстафету будущего.

Очень сожалею, что его последний концерт я не слушал, ибо у меня была генеральная репетиция "Фиалки Монмартра" в оперетте. Кстати, из Москвы приехал режиссер-болгарин Васил Попов. Очень талантливый и культурный режиссер.

Ну, Завен շնի, тебя помню и люблю очень. А Рубика еще больше. Вот!

Сердечный привет Ирине Константиновне.

Твой, все тот же Хачик

Письмо композиторов — стажеров студии при ДКСА (Москва)

Арутюнян Александр Григорьевич

Бабаджанян Арно Арутюнович

Мирзоян Эдвард Михайлович

Худоян Адам Гегамович

23.05.46, Москва

Дорогой наш Завен Гевондович!

Сегодня получили по договору, и должен сказать, очень кстати. Ресурсы были на исходе. Большое спасибо за внимание.

Дела наши идут неплохо. Состоялся первый урок у Рогаль-Левицкого *ИДмитрий, музыковед, профессор*, от которого получили великолепное впечатление. Работает очень тщательно, интересно, убедительно. В понедельник состоится первый урок у Берлина.

Партитуры приводим в порядок и после этого пришлем немедленно.

У Литинского *ИГенрих Ильич, композитор, профессор* заканчиваем первые части полифонических сонат для ф-п в 3-х частях. Арам Ильич *ИХачатурян* много интересуется нашей работой, но пока к занятиям не приступили. Это, по-видимому, по договоренности с Литинским, который нажимает вовсю.

Бываем на многих концертах, но в Большой театр пока не попали.

Писать дальше не могу, т.к. уже темно, а у нас около недели как нет света. С наилучшими пожеланиями от имени ребят

*Ваши Эдик и Адик, Котик и Арно /Э.Мирзоян, А.Худоян,
А.Арутюнян, А.Бабаджанян/*

Զավեն Դևոնդովիչ, Ֆիրոշկային լավ ուշք դարձրեք, ամեն ինչ լավ կլինի, քո ցավը տանեն: Բոցավառ ողջույններով

Աղա՛վ Միցկինիչ -Խնդրյան

Перевод приписки: "Завен Гевондович, дорогой, хорошо следите за Фи-
рочкой /Земфира Семеновна, жена А.Худояна/. Все будет хорошо.

С пламенным приветом — Адам Мицкевич-Худоян"

Письмо композитора — стажера студии при ДКСА (Москва)

Арутюнян Александр Григорьевич

04.02.47, Москва

Дорогой Завен Гевондович!

Пользуюсь оказией — правда, несколько рассеянной, ибо едет Авет Карпович /Габриелян, скрипач/, а он действительно поразительно рассеян, и боюсь, что письмо мое он забудет передать Вам, или же, в лучшем случае, передаст в день своего отъезда из Еревана.

Во всяком случае, хочу Вас немножко проинформировать.

Дело в том, что до сих пор у нас катастрофическое положение с инструментами. Приходится ежедневно отражать яростные атаки пианисток, и я не знаю, хватит ли у нас сил выдержать такую осаду. А в ус никто не дует. Нам в Музфонде обещали инструменты напрокат; если удастся это устроить, то мы будем избавлены от этих ежедневных утренних набегов на классы, ибо кто из нас раньше врывается в класс, тот и является хозяином. Как я Вам написал в предыдущем письме, квартеты кончим в марте и интенсивно возьмемся за крупную форму. Работа над квартетной техникой оказывает нам всем неоценимую услугу и даст несомненно о себе знать в наших будущих работах.

Дорогой Завен Гевондович! Сегодня получили от Вас договора. Я надеюсь, что мы все с честью выполним Ваше задание и вовремя сдадим эти работы.

Сердечный привет Вам от Эдика, Арно и Адика /Э.Мирзоян, А.Бабаджанян, А.Худоян/.

Целую Вас

Ваш Котик /Александр Арутюнян/

Выдержки из писем З.Г.Вартаняна Самсону Гаспаряну

/музыковед, общественный деятель/

20.12.48, Москва – Ереван

...Я всем своим существом связан с Арменией, ее народом, ее культурой. Уверен, что никто не сможет отнять у меня это.

...Москвичи, посетившие Армению для ознакомления с новыми произведениями композиторов, с болью говорили по возвращении, что работа там идет вяло. Скажи, почему это так? Почему они не работают? Сил, что ли, у нас нет? Неужели композиторы разучились писать? Вот вопросы, которые не дают мне покоя.

03.10.49, Москва – Ереван

Журналистика – самое важное из всего, лучшее средство для воспитания народа.

...Завершил новое либретто (полный русский вариант) "Путь к счастью" по роману Наири Заряна "Ацаван". Конечно, от "Ацавана" ничего не осталось. Наири был только поводом для создания совершенно нового произведения. Кстати, я ему читал пять картин (из шести). Он так и сказал, что это – мой самостоятельный труд.

...Написал для "Советской музыки" большую статью о песнях Ашота Сатяна. Словом, не теряю связи с нашей музыкой, что из этого получится – сказать трудно.

... Напиши о нашей музыкальной жизни, о людях, вплоть до мелочей.

26.12.52, Москва – Ереван

...Скажу правду: завидую не только тебе, но и всем тем, кто имеет возможность писать, писать и писать...

...Вот оставляю общественную работу, поеду в деревню, обязательно на берегу реки, буду получать небольшую пенсию, стану заведующим избой-читальней или директором школы и в свободное время буду читать, писать и ходить на рыбалку (река мне нужна для этого). Вот будет идиллия!

...Հասկացողին՝ մեկ, չհասկացողին՝ հազար ու մեկ...

...[Понимающему нужно говорить один раз, непонимающему – тысячу и один раз...]

06.04.53, Москва – Ереван

...Задумал пьесу о жизни и деятельности армянской советской интеллигенции.

...Пришли мне материалы о дискуссиях последних лет по вопросам истории, литературы, искусства, дружбы армянского и русского народов, вхождения Армении в состав России, об эпохе М.Налбандяна и Ст.Назаряна.

25.07.74, Москва – Ереван

Мои дорогие Виктория, Ира и Нора /вдова и дочери С.Г.Гаспаряна/!

С большим опозданием узнал о безвременной кончине Вашего друга – отца и моего брата, дорогого нашего Самсона.

Ушел из жизни человек, который был для меня дорог, любим, как для Вас всех.

Смерть Самсона для меня завершение целой эпохи. Мой друг и брат как бы унес с собой нашу юность, наше братство, наши радости и горести, нашу совместную жизнь и работу.

Вместе с Вами скорблю и тоскую в связи со смертью нашего дорогого Самсона. Пусть утешением для Вас и для меня останется память о замечательном человеке, талантливом художнике, замечательном организаторе и деятеле армянского искусства.

Обнимаю Вас, желаю Вам многих лет доброго здоровья и счастья. Не сетуйте на жизнь, – такова она. Одни приходят, другие уходят, а жизнь продолжается.

Бабушка наша разделяет мои чувства. Ира /Москалева, супруга З.Г.Вартаняна/ настолько тяжело больна, что мы ей ничего не говорим о случившемся.

Крепко обнимаю.

Всегда Ваш – Завен

• [Письма З.Вартаняна Самсону Гаспаряну впервые опубликованы в издании: "Самсон Гаспарян. Воспоминания. Публицистика. Письма". Ереван, 2010]

Раздел третий

Приложения

Приложение 1

Краткий хронограф жизни и деятельности

З.Г.Вартаняна

Детство. Годы учебы

1907	8 (21) января в селе Гадживар, близ Нахичевана, Эриванской губернии, родился Завен Гевондович Вартанян
1918	Спасаясь от нашествия турок, семья Вартанянов в колонне беженцев пытается найти убежище в Тбилиси и Ереване
1918-1920	Лишившись в 11-летнем возрасте отца, матери и братьев, умерших от эпидемии и голода, Завен в Ереване влачит существование сироты-беспризорника
1920	Установление в Армении Советской власти
1920-1923	Годы, проведенные в американском бойскаутском приюте в Ереване. Участие в духовом оркестре, действующем в приюте под руководством капельмейстера военного оркестра В.А.Шперлинга и начало занятий на кларнете под руководством последнего
1923-1927	Самовольно покинув приют, Завен вступает добровольцем в Красную Армию. Служба в музыкантской команде Второго армянского стрелкового полка (1923-1925), Седьмого Лорийского стрелкового полка (1925-1926), Первого армянского стрелкового полка (1926-1927) и продолжение занятий на кларнете под руководством В.А.Шперлинга. В армии Завен вступает в комсомол
1927-1929	По рекомендации В.А.Шперлинга Завен поступает в Ереванскую консерваторию на отделение техникума (класс кларнета С.М.Довганя, класс камерного ансамбля М.М.Малунциана). Участие в показательных вечерах консерватории в качестве солиста-кларнетиста и ансамблиста. В составе студенческого симфонического оркестра в группе кларнетов (С.М.Довгань – Вартан Вартанян – Завен Вартанян) участие в концертах под управлением А.Спендиарова, А.Тер-Гевондяна, Г.Будагяна и С.Чарекяна
1929	Совместным решением ЦК комсомола Армении и Наркомпроса республики Завен Вартанян получает направление на учебу в Ленинград
1929-1931	Занятия на рабфаке при Ленинградской консерватории. Активная деятельность в качестве председателя депутатской группы, председателя правления учебно-бытовой коммуны, члена комитета комсомола Ленинградской консерватории. Участие в агитбригадах, выступления на промышленных и сельскохозяйственных объектах
1931-1936	Учеба в Ленинградской консерватории на оркестровом (класс кларнета А.В.Березина) и историко-теоретическом (класс Р.И.Грубера) отделениях. Оба отделения З.Вартанян окончил с отличием. В годы учебы (до 1932г.) инициативная деятельность в Ленинградском отделении РАПМа и участие в организации Армянского отделения этой ассоциации

- 1932-1934 Приобщение (через Р.И.Грубера) к достижениям асафьевской школы. Первые выступления в прессе: журнал "За пролетарскую музыку" (Москва), газеты "Смена" и "Красная газета" (Ленинград), "Коммунист" (Ереван)
- 1935 Достижения З.Вартаняна-кларнетиста удостоиваются похвального отзыва его профессора А.В.Березина и дирижера С.А.Самосуда. З.Вартанян участвует во втором Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей (Ленинград) и удостоивается 3-й премии
- 1929-1936 Общение с выдающимся теоретиком, профессором ЛГК Х.С.Кушнаревым, ставшим наставником З.Вартаняна в его разносторонней деятельности
- 1936 Получив направление на работу, З.Вартанян возвращается в Ереван. Вступление в Союз композиторов Армении

Руководитель культурного фронта Армении

- 1936-1948 Преподаватель (с 1940 доцент) Ереванской консерватории по специальностям "кларнет" и "история музыки". Заведование отделением духовых инструментов (1936-1937); основание (1938, совместно с К.Е.Мелик-Вртанесяном и С.Г.Гаспаряном) историко-теоретического отделения Ереванской консерватории
В числе учеников З.Г.Вартаняна *кларнетисты*, Заслуженные артисты Армении Л.Мутафян, В.Азарян, М.Тулакян, артист Г.Флджян; *музыковеды*: доктора искусствоведения М.Мурадян, Г.Геодакян, И.Еолян, кандидаты искусствоведения А.Барсамян, Р.Атаян, М.Арутюнян, Т.Аразян, К.Григорян, журналист Н.Геуркова-Микоян и другие
- 1937-1948 Службное и творческое общение с Первым секретарем ЦК КП Армении Григорием Артемьевичем Арутюняном, инициатором выдвижения З.Г.Вартаняна на руководящие должности в правительственных и партийных структурах Армении:
- заведующий музыкальным отделом Управления по делам искусств Армении (1937-1938)
 - директор Армянской филармонии (1938-1941)
 - /одновременно/ заместитель начальника Управления по делам искусств Армении (1940-1942)
 - начальник Управления по делам искусств Армении (1942-1947)
 - заведующий сектором искусств ЦК КП Армении (1947-1948)
- 1940 Присвоение почетного звания Заслуженного артиста Армянской ССР
Вступление в ряды КПСС
- При деятельном инициативном участии З.Г.Вартаняна были осуществлены значительные акции и начинания, определившие ритм общественно-художественной жизни Армении довоенного, военного и первого послевоенного периодов:

- коренная перестройка работы Армфилармонии, создание новых филармонических коллективов: Хоровая капелла Армении (рук. Т.Алтунян, позднее — А.Тер-Оганесян), Ансамбль песни-пляски (Т.Алтунян), Джаз Армении (А.Айвазян), Ансамбль ашугской песни (Ш.Тальян) Ансамбль народных инструментов (Г.Мирзоян) — (1937-1939); симфонический оркестр Армфилармонии (К.Сараджев, 1941, с 1945 — М.Малунциан); театр оперетты (А.Айвазян, Ш.Тальян, А.Тер-Оганесян, 1942). Организация гастрольной работы с привлечением крупнейших солистов и коллективов
- подготовка и блестящее проведение Декады армянского искусства и литературы в Москве (1939); участие З.Г.Вартаняна в Заключительном концерте Декады в качестве кларнетиста; частичное повторение концертов Декады в Ленинграде и Баку; по окончании Декады орденом Трудового Красного Знамени были награждены Армянская филармония и персонально З.Г.Вартанян
- исполнение в Ереване Седьмой симфонии Д.Шостаковича, как симфонии грядущей победы СССР в Великой Отечественной войне. Широчайший общественный резонанс этой акции (июль, 1942)
- концерты армянской музыки в Москве (январь — февраль, 1944) с участием исполнителей из Армении и привлечением крупнейших российских коллективов
- конкурс на создание Гимна Армении (июнь-июль, 1944); переписка А.И.Хачатуряна с З.Г.Вартаняном по вопросам конкурса гимнов
- Декада музыки республик Закавказья (Тбилиси, декабрь, 1944)
- подготовка и проведение Первого съезда композиторов Армении (январь, 1945)
- стимулирование творчества армянских композиторов путем договоров-заказов на создание опер, балетов и крупных симфонических произведений; проведение республиканского конкурса на лучшее симфоническое произведение по военной тематике; работа по сплочению на базе музыкальной культуры Армянской ССР деятельности мастеров искусств, проживающих за пределами Армении (композиторы А.Хачатурян, С.Бархударян, С.Баласанян, А.Маилян, Н.Чемберджи, Т.Тер-Мартirosян, Л.Ходжа-Эйнатов, В.Арапатьян, И.Шапошников, музыковеды Х.Кушнарeв, А.Адамян, А.Шавердян, Г.Тигранов, Г.Хубов, певцы Л.Исецкий, Ст.Бархударян, хормейстер А.Тер-Оганесян, квартет им.Комитаса и другие). Обширная переписка по возникающим проблемам

- стажировка – повышение квалификации – молодых деятелей армянской культуры (композиторы, исполнители, литераторы, артисты балета, художники и т.д.) в Москве, в студии при Доме культуры Советской Армении (ДКСА) в 1946-1953гг. (в 1953г. по распоряжению Л.Берии ДКСА был закрыт)
- подготовка к участию армянских композиторов в Первом всесоюзном съезде композиторов в Москве, 1948. Основной доклад от Армении представил З.Г.Вартанян, который вошел от Армении в состав Правления СК СССР

На руководящей работе в Москве

1948 Переезд (в сентябре) в Москву в связи с назначением на новую должность. С этого времени З.Вартанян работает в структурах общесоюзного значения, курирующих развитие искусства и культуры всех регионов СССР

- инструктор отдела художественной литературы и искусства ЦК КПСС (1948-1956)
- начальник Управления учебных заведений Министерства культуры СССР (1956-1958)
- начальник Отдела (с 1963 Управления) музыкальных учреждений Министерства культуры СССР (1958-1975)
- член коллегии Министерства культуры СССР (1956-1975)
- член редколлегии журнала "Советская музыка" (1959-1966)
- после ухода на пенсию – консультант Министерства культуры СССР (1975-1977)

Инициативная разработка и практическое осуществление ряда важнейших мероприятий общесоюзного значения:

- совершенствование системы централизованного управления учреждениями культуры СССР. Укрепление связи Министерства культуры СССР со столичными и периферийными музыкальными и театральными организациями
- создание в структуре Министерства культуры СССР новых Отделов и Управлений, обеспечивающих гибкое руководство культурной жизнью страны. Активное сотрудничество на посту начальника Управлений с Министром культуры СССР Е.А.Фурцевой, заместителем министра культуры В.Ф.Кухарским, музыкально-общественным деятелем С.А.Лушиным и другими руководящими работниками
- установление традиции Всесоюзных смотров-конкурсов написание и создание спектаклей – опер, балетов, оперетт и музыкальных комедий. Проведение подобных мероприятий и по другим жанрам среди исполнительских коллективов. Использование подобных смотров-конкурсов для стимулирования работы этих коллективов, подтягивания периферийных коллективов до уровня столичных

- способствование становлению конкурсной системы СССР. Инициатива проведения в СССР Международного конкурса им. Чайковского и связанных с ним всесоюзных и региональных конкурсов. Идея проведения в СССР международных конкурсов артистов балета и связанных с ними конкурсов балетмейстеров. Восстановление традиции всесоюзных конкурсов артистов эстрады. Создание Конкурсного управления СССР, курирующего участие советских исполнителей в зарубежных и союзных конкурсах разных уровней. Инициатива создания Союзконцерта
- после поднятия "железного занавеса" активное участие в организации зарубежных гастролей советских солистов-исполнителей и коллективов. Проведение фестивалей советской музыки и танца в США, Англии и других странах
- деятельное сотрудничество с Союзом композиторов СССР. Установление деловых и творческих отношений с руководством СК СССР и лично с Д. Шостаковичем, А. Хачатуряном, Т. Хренниковым, Г. Свиридовым, Д. Кабалевским, Р. Щедриным и другими ведущими советскими композиторами. Организация во всех республиках СССР концертов современных композиторов, авторских и юбилейных вечеров и т.д.
- постоянные публицистические выступления в центральной прессе по актуальным вопросам развития советской музыки. Работа по созданию сценариев опер и балетов (сценарий оперы "Арцваберд", совместно с Г. Боряном и др.), написание в соавторстве с А. Араксмяном пьесы "Микаэл Налбандян" (с успехом поставленной в Ереване) и т.д.

1977 20 января музыкальная общественность отметила 70-летие со дня рождения З.Г. Вартаняна
25 апреля в Москве скончался Завен Гевондович Вартанян

Звания, награждения

1940 Заслуженный артист Армянской ССР
1940 Доцент
Ордена
1939 Орден Трудового Красного Знамени (СССР)
1967 Орден Трудового Красного Знамени (СССР)
1971 Орден Кирилла и Мефодия, 2-й степени (Болгария)
1974 Орден Merite Culturel [за заслуги перед польской культурой] (Польша)
Медали
1945 "За оборону Кавказа"
1946 "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг."

- 1970 "За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина"
- 1975 "30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945гг."

Почетные грамоты

- 1944 Почетная грамота Президиума Верховного Совета Армянской ССР
- 1962 Почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР

Приложение 2

Указатель творческих трудов З.Г.Вартаняна

отдельное издание:

- Армянская филармония [сборник статей к Декаде армянского искусства и литературы в Москве]. Ред.-сост. З.Вартанян и А.Каратов. Е., 1939
- В сборнике помещены статьи З.Вартаняна:
- 1) "Армянская государственная филармония" (соавтор А.Каратов)
 - 2) "Квартет имени Комитаса"

публикации в периодической печати

1. **Музыкальный фронт Армении**
журнал "За пролетарскую музыку" (Москва), 1932, N 1
2. **Мазэстро, кусочек Вальса!** (совм. с Е.Борецкой, Х.Клибановой, Н.Шастиным) [о низком качестве музыки в фойе кинотеатров]
газета "Смена" (Ленинград), 22.02.34
3. **Лже-"Ударник"** (совм. с Е.Борецкой, Х.Клибановой, Н.Шастиным)
[о неудовлетворительной работе кинотеатра "Ударник"]
там же
4. **Музыка на подъеме** (совм. с В.Толчаиным и Н.Шастиным)
[о достижениях и проблемах советской музыки (итоги 2-х лет со дня постановления ЦК ВКП(б) о перестройке художественных организаций)]
газета "Смена" (Ленинград), 23.04.34
5. **Музыкальный фронт Армении**
[о необходимости преодоления пассивно-созерцательного подхода к народно-песенному творчеству в современной армянской композиторской практике]
газета "Коммунист" (Ереван), 28.11.34
6. **Несколько замечаний к постановке оперы "Севильский цирюльник" в Ереванском оперном театре**
газета "Коммунист" (Ереван), 17.11.36

7. *Две певичцы* [концерт А.Яновской и Э.Жебранской]
газета "Коммунист" (Ереван), 15.12.36
8. *Композитор Н.Ф.Тигранян* (к 80-летию со дня рождения)
газета "Коммунист" (Ереван), 20.12.36
9. *Симфонический концерт, посвященный творчеству Чайковского*
[о концерте п/у Г.Е.Будагяна (солист – А.К.Габриелян)]
газета "Коммунист" (Ереван), 16.04.37
10. *К новым победам на фронте музыкальной культуры* (к 5-й годовщине постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932г.)
[о недостатках в работе Союза композиторов Армении, Армфилармонии и Госоперы]
газета "Коммунист" (Ереван), 24.04.37
11. *Ансамбли армянской филармонии* (к Декаде армянского искусства в Москве)
газета "Советское искусство" (Москва), 1939, N 17
12. *Литература Советской Армении*
газета "Известия" (Москва), 29.10.39
13. *Творчество Чайковского*
газета "Коммунист" (Ереван), 06.05.40
14. *Университет массового музыкального образования*
[об организуемых Армфилармонией циклах лекций-концертов]
газета "Сталинец" (Ереван), 22.10.40
15. *Хоровое наследие Комитаса* (к 5-летию со дня смерти Комитаса)
газета "Коммунист" (Ереван), 22.10.40
16. *Незабываемые дни*
[армянское искусство год спустя после Декады в Москве]
газета "Советакан Айастан" (Ереван), 26.10.40
17. *О музыкальном образовании в Армении* (в порядке обсуждения)
газета "Коммунист" (Ереван), 08.01.41
18. *О балете "Анаит"*
[рецензия на постановку в Ереванском оперном театре балета А.Тер-Гевондяна "Анаит"]
газета "Коммунист" (Ереван), 14.02.41
19. *Великий армянский композитор* (к 15-летию со дня смерти А.А.Спендиарова)
газета "Коммунист" (Ереван), 08.05.43
20. *Искусство возрожденного народа*
[о достижениях армянского искусства за 24 года Советской власти]
газета "Советакан Айастан" (Ереван), 28.11.44
21. *Искусство советской Армении* (к 25-летию Армянской ССР)
газета "Советское искусство" (Москва), 1945, N48

22. Расцвет армянского искусства

[о достижениях армянского искусства за 25 лет Советской власти]
газета "Коммунист" (Ереван), 17.11.45

23. Пути развития советской музыки, под редакцией А.И.Шавердяна
(библиогр.статья)

"Советская книга", 1949, N 3

24. А.К.Буцкой. Структура музыкального произведения (библиогр.статья)

"Советская книга", 1949, N 5

25. За боевой музыкальный журнал (совм. с Б.М.Ярустовским)

[о недостатках в работе журнала "Советская музыка"]
газета "Культура и жизнь" (Москва), 21.10.49

26. Песни Ашота Сатяна

журнал "Советская музыка", 1950, N 7

27. Навести порядок в работе Московской филармонии

газета "Культура и жизнь" (Москва), 28.02.51

28. К дальнейшему расцвету узбекской музыки

журнал "Советская музыка", 1951, N 6

29. К итогам декады узбекской литературы и искусства

(совм. с П.И.Апостоловым)
газета "Советское искусство" (Москва), 1951, N 97

30. К новым успехам советской музыки (совм. с П.И.Апостоловым)

[о проблемах советского музыкального искусства (итоги 4-х лет со дня постановления ЦК ВКП(б) "Об опере "Великая дружба")]
газета "Советское искусство" (Москва), 01.03.52

31. "Песнь о земле"

[оперный сценарий З.Вартаняна по мотивам романа Наири Заряна "Ацаван"]
журнал "Советская музыка", 1955, N 4

32. О воспитании молодых музыкантов

[критический отклик на статью А.Готлиба "Молодой музыкант выходит в жизнь"]
журнал "Советская музыка", 1957, N 6

33. После конкурса (к итогам Международного конкурса пианистов и скрипачей им.Чайковского)

газета "Советская культура" (Москва), 1958, N 61

34. Развивать свой стиль

[о проблемах советской эстрадной музыки]
журнал "Советская музыка", 1962, N 8

35. О нашем времени, о наших людях

газета "Советская культура" (Москва), 1963, N 70

- 36. Искусство правды и красоты** (фестиваль музыки и музыкантов Советского Союза в Англии)
газета "Советская культура" (Москва), 12.11.63
- 37. Музыкальный театр в строю**
[о проблемах развития советской оперы]
журнал "Советская музыка", 1964, N 5
- 38. Форум молодых музыкантов мира**
[к итогам III Международного конкурса им. Чайковского]
газета "Советская культура" (Москва), 1966, N 79
- 39. Тамара Ханум** (творческий портрет)
журнал "Музыкальная жизнь", 1977, N 5

*интервью с З.Г.Вартаняном
и другие упоминания его имени в печати*

- 1. Слово лауреата Всесоюзного конкурса**
[интервью З.Вартаняна "Красной газете" (Ленинград), 04.03.35]
- 2. А. Моисеев. У молодых музыковедов**
[выступление З.Вартаняна на обсуждении статей "Сумбур вместо музыки" и "Балетная фальшь"]
газета "Смена" (Ленинград), 20.02.36
- 3. Объявление** в ереванских газетах
"Сегодня в 8 часов вечера в Доме учителя состоится платная лекция на армянском языке на тему: "Происхождение музыки". Лектор З.Вартанян. Входные билеты продаются в парткабинете Молотовского, Спандарянского райкомов и в Доме учителя"
- 4. На совещании в Союзе композиторов Армении**
[выступление З.Вартаняна на совещании по ближайшим задачам композиторов Армении]
газета "Коммунист" (Ереван), 01.02.41
- 5. К итогам театрального сезона** (беседа с начальником Управления по делам искусств при СНК Армянской ССР тов. З.Вартаняном) (АТА)
[о деятельности армянских театров в сезон 1944-45гг.]
газета "Коммунист" (Ереван), 12.08.45
- 6. Театр имени Сундукяна в новом сезоне**
[о включении в репертуар сезона пьесы А.Араксмяна и З.Вартаняна, посвященной М.Налбандяну]
газета "Коммунист" (Ереван), 29.08.51
- 7. Театральная афиша: в Гос. театре им. Сундукяна**
10 февраля новый спектакль
А.Араксмян, З.Вартанян. "Микаэл Налбандян"
газета "Коммунист" (Ереван), 08.02.52

8.М.Шалашников. "Овации в Нью-Йорке"

[беседа руководителя группы советских артистов на гастролях в США
З.Вартаняна со спец.корреспондентом "Советской культуры"]
газета "Советская культура" (Москва), 09.07.59

9.В дни фестиваля [восьмой всемирный фестиваль молодежи и студентов.
Советские музыканты делятся впечатлениями: Я.Флиер; З.Вартанян;
И.Яунзем; М.Тэриан; Р.Нодель; Т.Миансарова]
журнал "Музыкальная жизнь" (Москва), 1962, N 17

Разное

тексты выступлений, тезисы лекций, рукописи статей и проч.
(МЛИ им.Чаренца, фонд З.Г.Вартаняна)

- 1.Гос.джаз.оркестр Армфилармонии
- 2.Заключительный концерт Декады армянского искусства в Москве (1939)
- 3.Давид Ойстрах и скрипичный концерт А.Хачатуряна
- 4.Проблемы развития советской музыкальной культуры [план лекции]
- 5.Текст выступления об армянской музыке в дни Великой Отечественной войны. Анализ произведений К.Закарянна, В.Араратяна, В.Тальяна, В.Тиграняна, М.Мазманияна, Г.Егиязаряна.
- 6.А.А.Спендиаров (на арм.яз.) [текст выступления]
- 7.Об армянском искусстве за 25 лет Советской власти [вариант статьи]
- 8.О проблемах развития советской музыки (4 года со дня постановления ЦК ВКП(б) "Об опере "Великая дружба")
- 9.О недостатках системы консерваторского обучения музыковедов
- 10.За идейную озаренность! [вариант статьи для журнала "Советская музыка"].

автобиографические материалы и воспоминания З.Г.Вартаняна
(МЛИ им.Чаренца, фонд З.Г.Вартаняна)

1. Автобиография (охватывает период 1907-1948гг.)
2. "Первые университеты", эссе
3. "Монолог с матерью", эссе
4. "Размышление первое" (неоконченный фрагмент воспоминаний)
5. "Григорий Артемьевич Арутюнян" (воспоминания)

Указатель литературы о З.Г.Вартаняне

а) статьи о З.Г.Вартаняне в энциклопедиях и справочных изданиях

- Вартанян Завен Гевондович (статья). Музыкальная энциклопедия, т.1, М., 1973, стр.677
- Вартанян Завен Гевондович (статья). Энциклопедический музыкальный словарь (авт.-сост. Б.С.Штейнпресс и И.М.Ямпольский), М., 1966, стр.77
- Вартанян Завен Гевондович (статья). С.Болотин. Биографический словарь музыкантов-исполнителей на духовых инструментах, Л., 1969, стр.22, 140; 2-е изд. М., 1995, стр.47
- Вартанян Завен Гевондович (статья). Г.Бернадт, И.Ямпольский. "Кто писал о музыке". Био-библиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР, т.1, М., 1971, стр.146-147 (с указателем публикаций З.Вартаняна)
- Вартанян Завен Гевондович (статья). Г.Бернадт, И.Ямпольский. "Советские композиторы и музыковеды", справочник, т.1, М., 1978, стр.117-118
- Вартанян Завен Гевондович (статья). А.Черных. Советское духовое инструментальное искусство, справочник, М., 1989, стр.153
- Վարդանյան Զավեն Դևոնդի (հոդված): Հեղինակ՝ Մ.Հարությունյան: Հայկական Սովետական հանրագիտարան, հ.11, Երևան, 1985, էջ 319
- Ռ.Մազմանյան: Սովետահայ երաժշտական կյանքի տարեգրություն: 2.1 (1920-1945), Երևան, 1979: 2.2 (1946-1960), Երևան, 1986: (Դա անվանացանկ)

б) Воспоминания о З.Г.Вартаняне

6. А.Березин. З.Г.Вартанян [воспоминания]. В кн.: С.Болотин. Биографический словарь музыкантов-исполнителей на духовых инструментах, Л., 1969, стр.140
- Вартанян Карине Завеновна. О моей семье [воспоминания]. Рукопись, МЛИ им.Чаренца, фонд З.Г.Вартаняна
- Лушин Станислав Александрович. Незабываемое [воспоминания о Завене Вартаняне]
- Арутюнян Александр Григорьевич. Воспоминания. Ереван, 2000
- То же, на арм. яз., Ереван, 2000
- Мирзоян Эдвард Михайлович. Фрагменты. Ереван, 2005 (имеется именной указатель)

- Худоян Адам Гегамович. Воспоминания. Ереван, 2001
- Барсамян Анна Александровна. Воспоминания, рукопись, МЛИ им.Чаренца, фонд 3.Г.Вартаняна
- Аразян Тереза Михайловна. Воспоминания, рукопись, МЛИ им.Чаренца, фонд 3.Г.Вартаняна
- Тулакян Мкртыч Мигранович. Воспоминания, рукопись, МЛИ им.Чаренца, фонд 3.Г.Вартаняна

в) упоминания о 3.Г.Вартаняне в разных изданиях

- Г.Тигранов. Армянский музыкальный театр, т.2, Ереван, 1960, стр.259-270; 304; 307 [об опере "Арцваберд"]
- В.Зак. Андрей Бабаев. М., 1968, стр.15-30 [об опере "Арцваберд"]
- М.Берко. Консерватория имени Комитаса. Ереван, 1973, стр.42; 54-55
- То же, на арм. яз., стр. 50; 66-67
- А.Будагян. Ереванская государственная консерватория имени Комитаса – 85 (в фотографиях и документах). Ереван, 2008
- Է.Կարապետյան: Թունիկ Հովհաննիսյան: Երևան, 1974, էջ 14
- Մ.Ստրաղյան: Սամսոն Գասպարյան: Երևան, 1980, էջ 8; 12
- Սամսոն Գասպարյան (մենագրություն): Կազմող՝ Յոդիկ Բերքարյան, ստեղծագործական դիմանկար՝ Արարիկ Սարյան: Երևան, 2010
- Ա.Ավետիքյան: Ռուսաստանյան հայագրի երաժշտագետներ (դիպլոմային աշխատանք, գիտ.դեկ.պրոֆ.Ա.Բուդաղյան), 1999, մեքենագիր, էջ 55-60: Երևանի կոնսերվատորիայի գրադարան

Приложение 4

Слово прощания

Завен Гевондович Вартанян

Завен Гевондович Вартанян прожил большую яркую жизнь, начав ее бойцом-музыкантом Красной Армии, пройдя школу рабфака, блестяще окончив Ленинградскую консерваторию.

Высокое исполнительское мастерство 3.Г.Вартанян сочетал с глубокой эрудированностью музыковеда, живую творческую активность – с тонким педагогическим даром. Но ярче всего проявился в нем талант руководителя. В 1937 году ему был доверен пост заведующего музыкальным отделом Управления по делам искусств при Совете Народных Комиссаров Армянской ССР.

3.Г.Вартанян был деятелем искусства в самом широком смысле этого слова. Гражданственность была органическим свойством его натуры,

исключительно цельного, беспокойного, горячего характера. Примером тому — вся его ежедневная, многотрудная, ответственная работа организатора. Самые различные вопросы, связанные с развитием советского музыкального искусства, он ставил остро, принципиально, с глубокой убежденностью.

В 1940 году З.Г.Вартанян вступил в ряды Коммунистической партии. Он всегда оставался прежде всего коммунистом и мыслил свою работу как поручение партии. З.Г.Вартанян возглавлял сектор искусств ЦК КП Армении, находился на ответственной работе в Центральном Комитете КПСС.

С 1956 года Завен Гевондович работает в аппарате Министерства культуры СССР начальником Управления учебных заведений, а затем руководителем Управления музыкальных учреждений.

Его заслуги высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством — он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

З.Г.Вартанян был не только требовательным начальником, но и чутким воспитателем. Он учил трудному искусству руководства, прививая организационные навыки, учил главному — ответственности за порученное дело. Советские музыканты знали и любили этого человека — руководителя и наставника, воспитателя и друга.

Мы навсегда сохраним о нем светлую память.

Ирина Архипова, Народная артистка СССР,
Константин Иванов, Народный артист СССР,
Владислав Пьявко, Заслуженный артист РСФСР.
(газета "Советская культура", 1977г.)

Завен Гевондович Вартанян

Музыкальная общественность проводила в последний путь видного деятеля советской музыкальной культуры Завена Гевондовича Вартаняна. В годы гражданской войны он служил бойцом-музыкантом в рядах Рабочей Крестьянской Красной Армии. Учился он сначала на рабфаке, а затем блестяще окончил Ленинградскую консерваторию как музыковед и кларнетист.

Свою деятельность З.Г.Вартанян начал в Ереване в качестве преподавателя консерватории. Участие в первой Декаде армянского искусства в Москве, где проявилось его мастерство кларнетиста-виртуоза, принесло ему звание Заслуженного артиста Армянской ССР.

Завен Гевондович был разносторонне одаренным человеком. Он пробовал свои силы в композиции, в литературе: его перу принадлежат либретто двух опер: А.Бабаева — "Арцваберд" (вошедшей в репертуар наших театров) и "Дядя Багдасар", ряд статей в газетах и журналах. Но он обладал

еще одним талантом – талантом организатора и руководителя. И не случайно сорок лет назад ему, 30-летнему музыканту, был доверен пост заведующего музыкальным отделом Управления по делам искусств при Совете народных комиссаров Армянской ССР. С тех пор и до последнего времени он беспрерывно возглавлял ответственные участки организационно-творческой работы.

В 1940 году З.Г.Вартанян вступил в ряды Коммунистической партии. В 1947 году возглавил сектор искусств ЦК КП Армении и отдал партийной работе почти десятилетие, став консультантом, а затем инструктором отдела пропаганды и агитации Центрального Комитета ВКП(б).

Более двадцати лет назад пришел З.Г.Вартанян в аппарат Министерства культуры СССР. Начальник Управления учебных заведений искусств, а затем бессменный руководитель Управления музыкальных учреждений, он до 1975 года оставался на ответственном посту организатора музыкальной жизни страны. В 1959-1966 годах он был членом редколлегии нашего журнала.

Он не знал, что такое отдых. Не представлял себе жизни без работы. Даже будучи тяжело больным, уйдя со своего трудного поста, он продолжал деятельность в Управлении музыкальных учреждений.

Заслуги З.Г.Вартаняна высоко оценены Коммунистической партией и Советским правительством – он награжден орденами и медалями СССР, Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов РСФСР и Армянской ССР.

Завен Гевондович Вартанян был деятелем искусства в самом широком смысле этого слова. Гражданственность была органическим свойством его натуры.

(журнал "Советская музыка", 1977, №9)

З.Г.Вартанян. Слово прощания.
Газета "Ерекоян Ереван",
03.05.1977 (на арм. яз.)

Խոսք հրաժեշտի Զ.Դ. Վարդանյան

Մոսկվայում, կյանքի 71-րդ տարում վախճանվեց երաժշտական մշակույթի ակտիվ կազմակերպիչներից մեկը՝ հանրապետության վաստակավոր արտիստ, երաժիշտ-մանկավարժ ու երաժշտագետ Զավեն Դևոնդի Վարդանյանը:

Զ.Վարդանյանը ծնվել է 1907թ. Նախիջևանի Ինքնավար Հանրապետության Հաջիվար գյուղում: 1936-ին ավարտել է Լենինգրադի պետական կոնսերվատորիան: 1935-ին մասնակցել է երաժիշտ-կատարողների համամիութենական մրցույթին և արժանացել դափնեկրի կոչման:

1936-1948թթ. Զ.Վարդանյանը աշխատել է Երևանի պետական կոնսերվատորիայում որպես կլարնետի մասնագիտական դասարանի ղեկավար և երաժշտության պատմության դասախոս:

Մասնավարժական աշխատանքին զուգահեռ, Զ.Վարդանյանը լայն և բեղուն կազմակերպչական գործունեություն է ծավալել՝ լինելով Հայկական ՍՍՌ Մինիստրների սովետի արվեստի գործերի վարչության պետ, Հայաստանի կոմկուսի Կենտկոմի արվեստի սեկտորի վարիչ: Փոխադրվելով Մոսկվա, նա 1948-ից պաշտոնավարել է ՍՄԿԿ Կենտկոմի ագիտացիայի և պրոպագանդայի բաժնում: Այնուհետև տարբեր տարիների ղեկավարել է ՍՍՀՄ կուլտուրայի մինիստրության ուսումնական հաստատությունների վարչությունը, ապա նաև երաժշտական հիմնարկների վարչությունը: 1956-ից եղել է ՍՍՀՄ կուլտուրայի մինիստրության կոլեգիայի անդամ:

Զ.Վարդանյանը Հայաստանի կոմպոզիտորների միության հիմնադիրներից է: Հանրապետական և միութենական մամուլի էջերում նա տպագրել է բազմաթիվ հոդվածներ՝ նվիրված երաժշտական ստեղծագործությանը, կատարողական արվեստի տարբեր հարցերին: Զբաղվել է նաև գրական աշխատանքով, գրել է դրամա, օպերային լիբրետոներ:

Հայրենի մշակույթին Զ.Վարդանյանի ծառայությունները եղել են Հայկական ՍՍՀ վաստակավոր արտիստի պատվավոր կոչմամբ և Աշխատանքային կարմիր դրոշի շքանշաններով:

Մովետական երաժշտական արվեստի զարգացման անխնայ կազմակերպչի, կոմունիստի, հմուտ մասնագետի և սիրված ընկերոջ հիշատակը միշտ վառ կմնա մեր սրտերում:

Հայկական ՍՍՌ Կուլտուրայի մինիստրություն
Հայաստանի կոմպոզիտորների միություն

(«Երեկոյան Երևան» թերթ, 03.05.1977)

Արմեն Բուդաղյան

Զավեն Վարդանյան
(մենագրություն)

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Գիրքը նվիրված է Հայաստանի և Ռուսաստանի երաժշտական կյանքի նշանավոր կազմակերպիչ, երաժշտագետ, կլարնետահար, մանկավարժ, հրապարակախոս, ՀՀ վաստակավոր արտիստ Զավեն Ղևոնդի Վարդանյանին (1907-1977):

Նախնիցների երկրամասի Հաջիվար գյուղից 1918-ին գաղթած նրա ընտանիքը դարձել էր թուրք յաթաղանի և համաճարակի գոհ: Հրաշքով փրկված 11-ամյա Զավենը դառնում է Երևանի ամերիկյան որբանոցի սան, ապա և որպես կամավոր ծառայում զինվորական երաժշտախմբում (կլարնետ սկսել է նվագել Երևանի կայագորի կապելմայստեր Վիլիելմ Եպերլինցի ղեկավարությամբ): 1927-1929-ին Զ.Վարդանյանը սովորում է Երևանի կոնսերվատորիայի տեխնիկումի բաժնում (Մ.Դովգանի կլարնետի դասարան), իսկ 1931-1936-

ին՝ Լենինգրադի կոնսերվատորիայում, որն էլ փայլուն ավարտում է որպես կլարնետահար (պրոֆ. Ա.Բերեզինի դասարան) և երաժշտագետ (պրոֆ. Ռ.Գրուբերի դասարան): 1935-ին ուսանող-կլարնետահար Զավենը դառնում է համամիութենական մրցույթի 3-րդ մրցանակակիր:

1936-1948-ին Ջ.Վարդանյանն իրեն լավագույնս է դրսևորում որպես *Հայաստանի երաժշտական կյանքի ղեկավար*: Նա գլխավորել է Հայֆիլհարմոնիան, ՀՀ կառավարությանը կից՝ արվեստի գործերի վարչությունը, Հայաստանի Կոմունիստական կուսակցության Կենտկոմի արվեստի բաժինը: Նրա աշխատանքային ոճը ձևավորվել է Հայաստանի կոմկուսի Կենտկոմի Առաջին քարտուղար Գրիգոր Արտեմի Հարությունյանի բարերար ազդեցությամբ: Ջ.Վարդանյանի անմիջական ղեկավարությամբ իրականացվել են Հայաստանի երաժշտական կյանքի նշանավոր իրադարձություններ, որոնց թվում. Մոսկվայում կայացած՝ հայ արվեստի և գրականության տասնօրյակը (1939), Երևանում Դ.Շոստակովիչի 7-րդ սիմֆոնիայի կատարումը (1942), Մոսկվայում Հայաստանի մշակույթի տանը կից արվեստի ստուդիայի կազմակերպումը (1946), Երևանի կոնսերվատորիայում երաժշտագիտական բաժնի հիմնադրումը (1938) և այլ կարևոր նախաձեռնություններ:

1948-ին ԽՍՀՄ ղեկավար մարմինների որոշմամբ Ջ.Վարդանյանը տեղափոխվում է Մոսկվա՝ ստանձնելով Կոմունիստական կուսակցության Կենտկոմի արվեստի բաժնի խորհրդականի, ապա և ԽՍՀՄ Մշակույթի նախարարության ուսումնական հաստատությունների, ավելի ուշ՝ երաժշտական հաստատությունների բաժնի պետի պաշտոնը: Ըստ էության, *ղեկավարելով ԽՍՀՄ կազմի մեջ մտնող բոլոր հանրապետությունների երաժշտական կյանքը*, նա սկիզբ է դրել մի շարք կարևորագույն միջոցառումների, որոնք իրենց շարունակությունն ունեցան և դարձան ավանդույթ: Բավական է հիշատակել Չայկովսկու անվան միջազգային մրցույթի կազմակերպումը, համամիութենական մրցույթային համակարգի ձևավորումը, սովետական բազմազգ երաժշտության՝ հիացմունք առաջացրած նվաճումների ցուցադրումը Ամերիկայի և Եվրոպայի երկրներում, համագործակցումը ԽՍՀՄ կոմպոզիտորների միության առաջատարների հետ (Դ.Շոստակովիչ, Ա. խաչատրյան. Տ. Նրենսիկով և այլք):

Արվեստագետները սիրով և հավատով էին դիմում Ջ.Վարդանյանի օգնությանը, որի վկայությունն է սույն գրքում ներկայացված նրա հարուստ նամականիս: Հրապարակախոսական բովանդակային հոդվածների հեղինակ Ջ.Վարդանյանը գրել է <<Արծվաբերդ>> օպերայի լիբրետոն (Գ.Բոյանի համահեղինակությամբ) և «Միքայել Նալբանդյան» թատերական պիեսը (Ա.Արաքսանյանի հետ համատեղ):

Ջ.Վարդանյանը մշակել է կազմակերպչական աշխատանքի իր ուրույն ոճը: Նա հաշվի էր առնում իր ժամանակի հասարակական կյանքի առանձնահատկությունները և պահանջները: Պետական մտածողությունը, արդիականության սուր զգացումը, հայրենական արվեստի հեռանկարների և զարգացման ուղիների գիտակցումը և անշեղ իրագործումը, պահանջկոտությունը և պատասխանատվության բարձր զգացումը մեծապես բնորոշ էին Ջ.Վարդանյանին:

Հայրենասեր քաղաքացի և հմուտ արվեստագետ-կազմակերպիչ, խստապահանջ դաստիարակ և նրբազգաց գործընկեր՝ այդպիսին էր Զավեն Վարդանյանը, որի գործունեությունը նկատելի հետք է թողել հայրենական արվեստի զարգացման ճանապարհին:

Հեղինակի կողմից (եջ 3): Ա Բաժին: Արվեստագետի ստեղծագործական ուղին(4):

Գլուխ երկրորդ: Հայաստանի երաժշտական կյանքի ղեկավարը(15): **Գլուխ երրորդ:** Ղեկավար աշխատանք՝ Մոսկվայում(34): **Գլուխ չորրորդ:** Կատարողը, մանկավարժը, հրապարակախոսը(45): ա) Կլարենտահարի ուղին(45): բ) Երևանի կոնսերվատորիայի երաժշտագիտական բաժնի կազմակերպումը(55): գ) Հրապարակախոսի գործունեությունը (60): **Գլուխ հինգերորդ:** <<Զավենի ձեռագիրը...>> (մարդը, երաժիշտը, կազմակերպիչը)(66):

Գլուխ վեցերորդ: Խոսք Զավեն Վարդանյանի(78): ա) Ինքնակենսագրություն (1948թ.) (78): բ) <<Կյանքի համալսարաններ>>(80): գ) <<Մենախոսություն մոր հետ>> (93): դ) <<Գրիգոր Արտեմի Հարությունյան>> (հուշեր)(98): **Գլուխ յոթերորդ:** Խոսք Զավեն Վարդանյանի մասին(119): Ս.Ա.Լուշին(119) – Ա.Վ.Բերեգին(125) – Է.Ս.Միրզոյան(126) Ա.Ա.Բարսամյան(130) – Թ.Մ.Արազյան(133) – Կ.Զ.Վարդանյան(136): **Գլուխ ութերորդ:** Նամականի(141): Արշակ Աղամյան(141) – Կոնստանդին Իգումնով(142) – Կոնստանդին Մարաջյան(143) – Արմեն Տիգրանյան(143) – Անտոն Մայիլյան (144) – Մարտիրոս Մարյան (3 նամակ, 145-149) – Նիկոլայ Մյասկովսկի(149) – Մուշեղ Աղայան(150) – Մաքսիմիլիան (3 նամակ, 150-152) – Մարգիս Բարխուդարյան (3 նամակ, 152-153) – Յուրի Շոյնյերբերգ (2 նամակ, 150-152) – Մարգիս Բարխուդարյան (3 նամակ, 152-153) – Յուրի Շոյնյերբերգ (2 նամակ, 150-152) – Մարգիս Բարխուդարյան(154) – Շապորին(153) – Շալվա Սշվելիձե, Յուրի Շապորին, Մարգիս Բարխուդարյան(154) – Լեոն Իսեցկի(154) – Քրիստափոր Քուշնարյան (8 նամակ, 156-173) – Հայկանուշ Դանիելյան(174) – Տիգրան Հախումյան(175) – Իլյա Շապուշիկով(178) – Միքայել Արուքյան(179) – Ավետ Գաբրիելյան և Կոմիտասի անվան կվարտետ (2 նամակ, 180-182) – Ռուբեն Սիմոնով(183) – Վահագն Արարատյան(183) – Մարգիս Բալասանյան (2 նամակ, 184-186) – Գեորգի Խուբով(187) – Արամ Խաչատրյան (7 նամակ, 187-197) – Նիկոլայ Չեմբերջի (2 նամակ 198-199) – Ալեքսանդր Շահվերդյան(199) – Լեոն Խոջա-Էյնաթյան(200) – Գեորգի Տիգրանով(201) – Խաչատուր Եսայան(202) – Ալեքսանդր Հարությունյան, Առնո Բաբաջանյան, Էդվարդ Միրզոյան, Աղամ Խուրդյան(203) – Ալեքսանդր Հարությունյան(204): Զ.Վարդանյանի նամակները Սամսոն Գասպարյանի (քաղվածք) (205-206):

1. Զ.Վարդանյանի կյանքն ու գործը (համառոտ ժամանակագրություն) (212): 3. Զ.Վարդանյանի Ուղեցույց Զ.Վարդանյանի ստեղծագործական աշխատությունների (212): 4. Խոսք հրաժեշտի (218-221):

Zaven (Ghevond) Vardanyan
(Monograph)

SUMMARY

This book is dedicated to Zaven Vardanyan (1907-1977), outstanding organizer of the musical life of Armenia and Russia, musicologist, clarinetist, pedagogue, publicist, Honored Artist of Armenia.

In 1918, Vardanyan's family immigrates from Hadjivar village of Nakhidjevan region and becomes a victim of epidemic and the Turkish yataghan.

Miraculously survived 11-year old Zaven becomes a pupil of the American orphanage, and, afterwards, serves as a volunteer in the military orchestra (*he started playing clarinet under the guidance of Wilhelm Sperling --Kapellmeister of the Yerevan garrison*).

In 1927-1929, Zaven Vardanyan studied at the college of the Yerevan Conservatory (clarinet class of S.Dovgan), and in 1931-1936 at the Leningrad Conservatory, brilliantly graduating both as a clarinetist (class of Prof. Berezin) and musicologist (class of Prof. R.Grubert).

In 1935, the student-clarinetist Zaven becomes the 3rd prize winner of All-Union Competition.

In 1936-1948, Vardanyan served to his best as a leader of the musical life of Armenia. He directed Armphilharmonia, the Board of Art Affairs at the Government of Armenia and the Arts Department of the Central Committee of Communist Party. His working style has been formed under the positive influence of the First Secretary of the Central Committee of Communist Party of Armenia Grigor (Artem) Harutyunian. Under the immediate guidance of Zaven Vardanyan a number of significant events of the musical life of Armenia have been realized, among them: the decade of Armenian Culture and Literature in Moscow (1939), the performance of Dmitry Shostakovich's 7th Symphony in Yerevan (1942), organization of the Art Studio at the House of Armenian Culture in Moscow (1946), foundation of the Musicological department of the Yerevan Conservatory (1938) and other important initiatives.

In 1948, Zaven Vardanyan, by decision of the leading members of USSR, moves to Moscow to assume the position of Arts Department Adviser of the Central Committee of Communist Party. Soon after that, he becomes the Head of Department of Educational, and later of the Musical Institutions at the Ministry of Culture of USSR.

In fact, by leading the musical life of all Republics of USSR, Zaven Vardanyan initiated a number of important musical events which had their continuation and became a tradition.

It is worth mentioning the organization of Tchaikovsky International Music Competition, establishment of All-Union system of competitions, exposition of the Soviet multinational music in America and throughout Europe, collaboration with leading composers of the Soviet Union (Dmitry Shostakovich, Aram Khachaturian, Tikhon Khrennikov and others).

When applying to Zaven Vardanyan, the artists trusted that he will lend them a helping hand, the proof of which are the letters presented in this book. An author of informative

journalistic articles Zaven Vardanyan has written a libretto of the opera "Artsvaber" ('Castle of Eagle'), with G.Boryan as co-author; the theatrical play "Mikayel Nalbandyan" (together with A.Araxmalyan).

Zaven Vardanyan developed his own, unique style of organizational work. He took into account the peculiarities and requirements of the contemporary public life. The state mentality, acute sense of modernity, keen understanding of perspectives of the Armenian art and the ways of its development and implementation, perfectionism and high sense of responsibility are highly characteristic of Zaven Vardanyan.

A patriot citizen and skilled artist, organizer, demanding mentor and delicate partner - such was Zaven Vardanyan, whose activity left a significant trace in the development of the Armenian art.

To have a clear idea of the structure of this monograph, below please find the list of contents:

From the author (page 3)

Part A. Creative path of the artist (4)

Chapter I. Childhood. Years of study in Yerevan and Leningrad (4). Chapter II. The leader of the musical life of Armenia (15). Chapter III. Managing work in Moscow (34). Chapter IV. The performer, pedagogue, publicist (45). The path of a clarinetist (45) Foundation of the Musicological department at the Yerevan Conservatory (55). The publicist's activity (60). Chapter V. "Zaven's handwriting" (personality, musician, organizer) (66).

Part B. Literary pages (78)

Chapter VI. Writings by Zaven Vardanyan (78). Autobiography (1948) (78), "Universities of life" (80), "Monologue with mother" (93), Grigor (Artem) Harutyunian (memoir) (98). Chapter VII. A word about Zaven Vardanyan: Stanislav Loushin (119) - Anatoli Berezin (125) - Edward Mirzoyan (126) - Anna Barsamyan (130) - Tereza Arazyan (133) - Karine Vardanyan (136). Chapter VIII. Letters (141): Arshak Adamyan (141) - Konstantin Igumnov (142) - Constantine Saradjian (143) - Armen Tigranian (143) - Anton Mayilyan (144) - Martiros Saryan (3 letters, 145-149) - Nikolay Myaskovsky (149) - Mushegh Aghayan (150) - Maximilian Steinberg (2 letters, 150-152) - Sargis Barkhudaryan (3 letters, 152-153) - Yuri Shaporin (153) - Shalva Mshvelidze, Yuri Shaporin, Sargis Barkhudaryan (154) - Leon Isetsy (154) - Christophor Kushnaryan (8 letters, 156-173) - Sargis Barkhudaryan (154) - Leon Isetsy (154) - Christophor Kushnaryan (8 letters, 156-173) - Mikayel Haykanush Danielyan (174) - Tigran Hakhumyan (175) - Ilya Shaposhnikov (178) - Mikayel Arutchyan (179) - Avet Gabrielyan and Komitas Quartet (2 letters, 180-182) - Ruben Simonov (183) - Vahagn Araratyan (183) - Sargis Balasanyan (2 letters, 184-186) - Georgy Khubov (187) - Aram Khachaturian (7 letters, 187-197) - Nikolay Chemberdjie (2 letters, 198-199) - Alexander Shahverdian (199) - Leon Khoja-Eynatyan (200) - Georgy Tigranov (201) - Khachatur Yesayan (202) - Alexander Harutyunian, Arno Babajanian, Edward Mirzoyan, Adam Khudoyan (203) - Alexander Harutyunian (204). Zaven Vardanyan's letters to Samson Gasparyan (excerpt) (205-206).

Part C. Appendix (207)

1. Z.Vardanyan's life and activity (short chronology) (207). 2. Reference to works by Z.Vardanyan (212). 3. List of the literature about Z.Vardanyan (217). 4. A word of farewell (221).

Summary in Armenian and English (221-225)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
Раздел первый. Вехи творческого пути.....	4
Глава первая	
Детство. Годы учебы в Ереване и Ленинграде.....	4
Глава вторая	
Руководитель музыкального фронта Армении.....	15
Глава третья	
На руководящей работе в Москве.....	34
Глава четвертая	
Исполнитель, педагог, публицист.....	45
а) Путь кларнетиста.....	45
б) Организатор музыкального отделения	
Ереванской консерватории.....	55
в) Публицист.....	60
Глава пятая	
"Почерк Завена..." (черты человека, музыканта, организатора).....	66
Раздел второй. Литературные страницы.....	78
Глава шестая	
Слово Завена Вартаняна.....	78
а) Автобиография (1948г.).....	78
б) "Университеты жизни".....	80
в) "Монолог с матерью".....	93
г) "Григорий Артемьевич Арутюнян" (воспоминания).....	98

Глава седьмая

Слово о Завене.Вартаняне

С.А.Лушин.....	119
А.В.Березин.....	125
Э.М.Мирзоян	126
А.А.Барсамян.....	130
Т.М.Аразян.....	133
К.З.Вартанян.....	136

Глава восьмая

Из переписки	141
А.А.Адамян(141) – К.Н.Игумнов(142) – К.С.Сараджев(143) – А.Т.Тигранян(143) – А.С.Маилян(144) – М.С.Сарьян (3 письма, 145-149) – Н.Я.Мясковский(149) – М.Л.Агаян(150) – М.О.Штейнберг (2 письма, 150-152) – С.В.Бархударян(3 письма, 152-153) – Ю.А.Шапорин(153) – Ш.М.Мшвелидзе, Ю.А.Шапорин, С.В.Бархударян(154) – Л.Н.Исецкий(154) – Х.С.Кушнарев (8 писем, 156-173) – А.Б.Даниелян(174) – Т.С.Ахумян(175) – И.Г.Шапошников(178) – М.А.Арутюнян(179) – А.К.Габриелян и квартет им.Комитаса (2 письма, 180-182) – Р.Н.Симонов(183) – В.Г.Араратян(183) – С.А.Баласанян (2 письма, 184-186) – Г.Н.Хубов(187) – А.И.Хачатурян (7 писем, 187-197) – Н.К.Чемберджи (2 письма, 198-199) – А.И.Шавердян(199) – Л.А.Ходжа-Эйнатов(200) – Г.Г.Тигранов(201) – Х.А.Есаян(202) – А.Г.Арутюнян, А.А.Бабаджаниян, Э.М.Мирзоян, А.Г.Худоян(203) – А.Г.Арутюнян(204)	

Выдержки из писем З.Г.Вартаняна С.Г.Гаспаряну(205-206)

Раздел третий. Приложения.....207

1. Краткий хронограф жизни и деятельности З.Г.Вартаняна	207
2. Указатель творческих трудов З.Г.Вартаняна	212
3. Указатель литературы о З.Г. Вартаняне	217
4. Слово прощания.....	218

Ընդմեջում (резюме на армянском языке)221

Summary (резюме на английском языке)224

Ա.Գ.Բուդաгյան
Завен Вартанян
(монография)

Ա. Գ. Բուդաղյան
Հավեն Վարդանյան
(մենագրություն)

Zaven Vardanyan
(Monograph)

Редактор:
Вилли Саркисян
Набор текста и компьютерный дизайн:
ООО “САР стайл”
Художественное оформление:
Ваграм Акопян
Корректоры:
Анна Ванесян
Алла Саркисян

Отпечатано в типографии ООО “Крунк тпагратун”
Адрес: Эчмиадзин, проспект Маштоца 6
Эл.почта: krunk@mail.am

16,1 усл.печ.листов.17,25 печ.листов.
Формат: 60x84 1/16. Бумага: офсетная №1 и мелованная.
Гарнитура: “Arial”.Тираж: 250 экз.